

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 № 3 (100) июль – сентябрь 2020 года

Основан в 1995 году

Зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций, свидетельство ПИ № 77-12977 от 25.12.2002

Учредитель

**Федеральное государственное бюджетное учреждение
«Российский фонд фундаментальных исследований»**

Главный редактор В.Я. Панченко,
заместители главного редактора В.Н. Фридлянов, В.В. Квардаков

Редакционная коллегия:

И.Ю. Алексеева, Л.А. Беляева, И.А. Виноградов, Ю.Л. Воротников,
П.Г. Гайдуков, В.П. Гребенюк, А.А. Демидов, Н.Г. Денисов, В.Н. Захаров,
М.В. Иванова, Г.Б. Клейнер, А.А. Малышев, Н.И. Пикуров, Д.А. Рубвальтер,
Н.Л. Селиванова, Д.В. Трубочкин, Д.В. Ушаков, В.А. Хащенко, В.В. Шелохаев

Редакция:

Р.А. Казакова, И.Л. Ровинская

Адрес редакции:

119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а

Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)

E-mail: rovir@rfbr.ru



Russian Foundation for Basic Research Journal

Humanities and social sciences

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 No 3 (100) July – September 2020

Founded in 1995

Registered by the Ministry of the Russian Federation for printed media, television and radio
broadcasting and mass media, certificate ПИИ No. 77-12977 dated December 25, 2002

The Founder

Federal State Institution

“Russian Foundation for Basic Research”

Chief editor V.Ya. Panchenko,

Deputy chief editors V.N. Fridlyanov, V.V. Kvardakov

Editorial board:

I.Yu. Alekseeva, L.A. Belyaeva, I.A. Vinogradov, Yu.L. Vorotnikov,
P.G. Gaidukov, V.P. Grebenyuk, A.A. Demidov, N.G. Denisov, V.N. Zakharov, M.V. Ivanova,
G.B. Kleyner, A.A. Malyshev, N.I. Pikurov, D.A. Rubvalter, N.L. Selivanova,
D.V. Trubochkin, D.V. Ushakov, V.A. Khashchenko, V.V. Shelokhaev

Editorial staff:

R.A. Kazakova, I.L. Rovinskaya

Editorial office address:

32a, Leninskiy Ave., Moscow, 119334, Russia

Tel.: +7 (499) 941-01-15 (3121)

E-mail: rovir@rfbr.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Панченко В.Я. К выходу в свет 100-го номера журнала	9
--	----------

Нас поздравляют

МАКАРОВ Н.А. вице-президент РАН, директор Института археологии РАН, академик РАН	11
КАЗАНСКИЙ Н.Н. научный руководитель Института лингвистических исследований РАН, академик РАН	12
ГАГАРИНА Е.Ю. генеральный директор Музеев Московского Кремля	13
ПЕТРОВ Ю.А. директор Института российской истории РАН	14
ПОЛОНСКИЙ В.В. директор Института мировой литературы РАН, член-корреспондент РАН	15

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Трепавлов В.В., Горский А.А. Посланцы папы римского в Монгольской империи	17
Базарова Т.А. Дипломатия Петра Великого и Османская империя	29

ЭКОНОМИКА

Логинов Д.М. Проблемы и перспективы российской молодёжи на современном рынке труда	43
--	----

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

Лекторский В.А. Э.В. Ильенков – классик отечественной философии	55
Левашов В.К. Потенциал развития гражданского общества в России	64
Душина С.А., Куприянов В.А. Идея и реальность научной коммуникации в академических социальных сетях	81

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Панова О.Ю. Пять путешествий Уильяма Дюбуа в СССР	92
Вятчанина Т.Н., Смирнов Г.К. Два дворца Ф. Растрелли по чертежам из коллекции Бергхольца в Национальном музее Стокгольма	106

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА**Бизюк А.П., Кац Е.Э., Колосова Т.А., Сорокин В.М.**

Нейропсихологические аспекты дизорфографии 121

Хватов И.А.Эволюционные предпосылки орудийной деятельности с позиции концепции
самоотражения животных и человека 136**ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ****Успенский П.С., Албегова (Царикаева) З.Х.-М., Свиркина Н.Г.**Археологические исследования в Даргавской котловине в контексте изучения
населения Центрального Кавказа VIII–X веков 147**МИР КНИГИ РФФИ****Березовая Л.Г. —**Пушкины: Генеалогическая энциклопедия / Отв. ред. О.Н. Наумов.
М.: Политическая энциклопедия, 2020. — 592 с.: ил. 159**Пигин А.В. —**Юхименко Е.М. 25 лет эпистолярного общения И.Н. Заволоко и М.И. Чуванова (1959–1983).
М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. — 264 с.: ил. — (Studia historica) 162**Белик Ж.Г. —**Бусева-Давыдова И.Л. Русская иконопись от Оружейной палаты до модерна:
поиски сакрального образа. М.: БуксМАрт, 2019. — 476 с.: ил. 166**Зеленина Я.Э. —**Сипола О.Б. Валаамский монастырь на Ладого:
художественное убранство церквей XVIII – начала XIX века. М.: Индрик, 2019. — 664 с.: ил. 171

CONTENTS

<i>Panchenko V.Ya. Dedicated to the 100th issue of the journal</i>	9
---	---

Congratulations from

MAKAROV N.A.

Vice-President of Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Archaeology RAS, member of RAS	11
--	----

KAZANSKY N.N.

Research Director Institute for Linguistic Studies RAS, member of RAS	12
---	----

GAGARINA E. Yu.

Director General of Museums of Moscow Kremlin	13
---	----

PETROV Yu.A.

Director Institute of Russian History RAS	14
---	----

POLONSKY V.V.

Director Institute of World Literature RAS, RAS Associate Member	15
--	----

WHAT THE WINNERS OF RFBR COMPETITIONS ARE WORKING ON

HISTORICAL SCIENCES

Trepavlov V.V., Gorsky A.A.

Emissaries of the Pope in the Mongol Empire	17
---	----

Bazarova T.A.

Diplomatic Activity of Peter the Great and the Ottoman Empire	29
---	----

ECONOMICS

Loginov D.M.

Challenges and Prospects for Russian Youth in the Modern Labor Market	43
---	----

PHILOSOPHY. SOCIOLOGY. POLITICAL SCIENCE. JURISPRUDENCE

Lektorsky V.A.

Classic Author of the Russian Philosophy	55
--	----

Levashov V.K.

Prospects of Civic Society Development in Russia	64
--	----

Dushina S.A., Kupriyanov V.A.

The Idea and Feasibility of Science Communication in Academic Social Networks	81
---	----

PHILOLOGY. ART CRITICISM

Panova O. Yu.

Five Times William Du Bois Travelled to the USSR	92
--	----

Vyatchanina T.N., Smirnov G.K.

Two Palaces by Bartolomeo F. Rastrelli According to Drafts from Friedrich Bergholtz collection, Stockholm National Museum	106
---	-----

COMPLEX HUMAN STUDY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY**Bizyuk A.P., Kats E.E., Kolosova T.A., Sorokin V.M.**

Neuropsychological Aspects of Dysorthography 121

Khvatov I.A.Evolutionary Preconditions for the Use of Tools from the Perspective of Animal
and Human Self-Reflection 136**FIELD RESEARCH****Uspensky P.S., Albegova (Tsarikaeva) Z.K.-M., Svirkina N.G.**Archeological Studies in Dargavs Basin in the Context of Studying the Population
of the Central Caucasus in the 8th–10th Centuries 147**THE RFBR BOOK WORL****Berezovaya L.G. —**The Pushkins: a genealogic encyclopedia / ed.-in-chief O.N., Naumov. Moscow:
Politicheskaya Entsiklopedia, 2020. — 592 p.: illustrated 159**Pigin A.V. —**Yukhimenko, E.M., 25 years of epistolary communication between Ivan Zavoloko
and Mikhail Chuvanov (1959–1983). Moscow: LRC Publishing House, 2019. — 264 p.:
illustrated — (Studia historica) 162**Belik Z.G. —**Buseva-Davydova, I.L., Russian Icon Art from Armory of Kremlin to Art Nouveau:
in search of a sacral image. Moscow: BooksMArt, 2019. — 476 p.: illustrated 166**Zelenina Ya.E. —**Sipola, O.B., Valaam Monastery on Lake Ladoga: art decoration of churches between
the 18th and early 19th centuries. Moscow: Indrik, 2019. — 664 p.: illustrated 171



*В.Я. Панченко,
академик РАН,
председатель Совета
Российского фонда
фундаментальных
исследований*

К выходу в свет 100-го номера журнала

Уважаемые читатели! Научный журнал «Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки» отмечает двойной юбилей — 25 лет со дня начала издания и выпуск сотого номера.

Первый номер журнала увидел свет в 1995 году. Тогда он назывался «Вестник Российского гуманитарного научного фонда». А с 2017 года, после присоединения РГНФ к РФФИ, журнал стал выходить с его нынешним названием.

За четверть века в содержании и дизайне издания, составе редколлегии произошли изменения: появились новые рубрики, увеличился формат журнала, он стал публиковаться в полноцветном варианте и что особенно важно — вошёл в RSCI (Российский индекс научного цитирования) на платформе Web of Science.

Неизменными остались главные принципы «Вестника», заложенные с самых первых его номеров:

- публикация новых статей, подготовленных по результатам выполнения наиболее значимых научных проектов РФФИ;
- обязательное рецензирование каждой статьи;
- ориентация не только на специалистов узкого профиля, но и на широкую аудиторию гуманитарной научной общественности;
- демократизм издания: публикация статей как маститых учёных, так и начинающих, делающих первые шаги в науке.

«Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки» сегодня — это ежеквартальное полидисциплинарное издание, в котором печатаются статьи по всему спектру гуманитарных наук: по отечественной истории с древнейших времён до наших дней, всеобщей истории, археологии, этнографии, экономике, философии, социологии, политологии, правоведению, науковедению, литературоведению.

нию, языкознанию, искусствоведению, комплексному изучению человека, психологии, педагогике, социальным проблемам здоровья и экологии человека, глобальным проблемам и международным отношениям.

А результаты исследований в области точных и естественных наук освещаются на страницах ежеквартального журнала «Вестник РФФИ», который Фонд издаёт с 1994 года, и уже вышли в свет 106 номеров.

Сложившаяся с годами структура журнала «Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки» позволяет освещать результаты выполнения наиболее значимых проектов различных видов конкурсов: исследовательских, экспедиционных, проектов проведения научных мероприятий. В каждом номере под рубрикой «Мир книги РФФИ» публикуются рецензии на наиболее интересные книги, выходящие при финансовой поддержке Фонда и составляющие его издательскую программу.

Особо хотелось бы отметить слаженную и высокопрофессиональную работу редколлегии журнала. Тщательно рецензируя каждую публикуемую статью, члены редколлегии помогают поддерживать высокую научную репутацию журнала и освещать многогранную деятельность РФФИ по развитию гуманитарной науки в России.

Большой стабильностью и профессионализмом отличается коллектив редакции «Вестника». На протяжении почти 20 лет журнал редактируют к.и.н. Р.А. Казакова и И.Л. Ровинская.

Поздравляя авторов статей, редколлегию журнала и его редакцию с выходом в свет 100-го номера, хотелось бы пожелать всем достижения новых высот, ярких публикаций и, конечно же, здоровья!



Глубокоуважаемый Владислав Яковлевич!

«Бег времён», как говорили древние, стремителен и неотвратим. Уже четверть века минуло с тех пор, как в России получила развитие практика финансирования на конкурсной основе широкого спектра научной деятельности – полевых и лабораторных исследований, организации и участия в российских и международных научных форумах, публикации научного знания – государственным научным Фондом.

Юбилейный, 100-й, выпуск «Вестника Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки» – яркое свидетельство того, что на протяжении десятилетий Фонд с честью решает поставленные перед ним задачи. Деятельность РФФИ по праву получила признание российской и зарубежной научной общественности.

Как член редколлегии журнала в 90-е годы XX века и один из его первых авторов хочу пожелать «Вестнику Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки» многих лет успешной работы на благо отечественной науки!

Вице-президент РАН,
директор Института археологии РАН,
академик РАН



Н.А. Макаров

Глубокоуважаемые коллеги!

Поздравляя «Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки» с юбилеем, не могу не отметить ту важную роль, которую журнал выполняет с 1995 г., когда организованный стараниями академика Н.И.Толстого Российский гуманитарный научный фонд начал публикацию журнала «Вестник РГНФ». Оглядываясь на конкретные достижения российской науки, отражённые на страницах журнала, я вспоминаю и многочисленные отчёты об экспедициях, которые не состоялись бы без помощи РФФИ, и отчёты о конференциях, продолжающих объединять поредевшие научные силы нашей страны. Особенно важны материалы, отражающие этапы работы над актуальными исследовательскими проектами. Я готов перечислить десятки проектов, о существовании и осуществлении которых узнал из информации, помещённой на страницах журнала.

Хотелось бы пожелать «Вестнику РФФИ. Гуманитарные и общественные науки» многих лет успешной работы на благо отечественной науки.

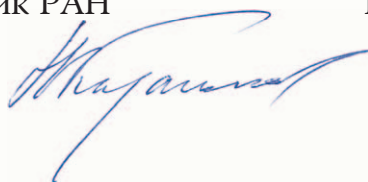
С уважением и самыми добрыми пожеланиями,

научный руководитель

Института лингвистических

исследований РАН, академик РАН

Н.Н. Казанский



Глубокоуважаемый Владислав Яковлевич!

Позвольте поздравить Вас и весь коллектив Российского фонда фундаментальных исследований с выходом в свет 100-го номера журнала «Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки».

Мы чрезвычайно высоко ценим многолетнее сотрудничество РФФИ с Музеями Московского Кремля. Результатами нашей совместной плодотворной работы, продолжающейся уже около 20 лет, стали крупные научные конференции и выставки, исследовательские проекты, а также фундаментальные издания и монографии цикла «Православные святыни Московского Кремля в истории культуре России» и «Московский Кремль сквозь века. Древние святыни и исторические памятники». Сегодня издано 6 томов в 10 книгах. Благодаря поддержке РФФИ стала возможной публикация уникального памятника книжной культуры Руси XVII века – «Книги об избрании на Превысочайший Престол Великого Российского Царствия Великого Государя, Царя и Великого Князя Михаила Федоровича Всея Великия России Самодержца», а также издание многотомной энциклопедии «Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV–XVII веков. Крепости Центральной России», первый том которой стал лауреатом конкурса книгоиздателей (АСКИ) в номинации «Лучшая книга о России».

Новый проект «Историческое оружие в музейных и частных собраниях» явил собой серьезное научное издание, высоко оцененное профессиональным сообществом.

Все эти труды являются достойным и весомым вкладом в развитие отечественной исторической науки и гуманитарных знаний.

Позвольте пожелать Вам, уважаемый Владислав Яковлевич, и Вашему коллективу дальнейших научных открытий и свершений во благо развития и процветания отечественной науки и культуры.

С глубочайшим уважением к Вам и надеждой на дальнейшее плодотворное сотрудничество,

генеральный директор Музеев
Московского Кремля

Е.Ю. Гагарина



Глубокоуважаемый Владислав Яковлевич!

Более четверти века успешное развитие российской науки во многом обеспечивается деятельностью вверенного Вам Фонда. Важно, что реализация фондовских проектов способствовала сохранению и развитию в стране научных школ, притоку в науку молодых исследователей.

Своеобразной летописью многогранной деятельности РФФИ и научных достижений грантодержателей стал полидисциплинарный журнал «Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки». В этом году достигнут важный рубеж: выходит сотый номер издания. Выпуск юбилейного номера журнала говорит не только о стабильности, но и о необходимости такого издания.

О давних творческих связях между нашими организациями свидетельствует неизменное присутствие материалов учёных Института российской истории РАН практически во всех рубриках журнала.

Поздравляя Вас и редколлегию журнала со славным юбилеем, Институт российской истории РАН желает в первую очередь здоровья и многих лет успешной работы на благо отечественной науки!

Директор Института
российской истории РАН



Ю.А. Петров

Глубокоуважаемый Владислав Яковлевич!

Дирекция Института мировой литературы им. А.М.Горького РАН поздравляет Вас как главного редактора с выходом 100-го юбилейного номера научного журнала «Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки», учреждённого Российским фондом фундаментальных исследований, председателем которого Вы являетесь на протяжении многих лет.

Ваше уникальное полидисциплинарное издание публикует научные статьи по наиболее актуальным и важным проблемам гуманитарных наук, подготовленные по итогам и в ходе выполнения научных проектов и мероприятий, поддержанных Фондом.

Великолепно иллюстрированное издание, журнал «Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки» пользуется заслуженным авторитетом в международном научном сообществе, являясь важнейшим источником актуальной информации о прорывных открытиях российских учёных, об актуальных формах и направлениях научной коллаборации с учёными и исследовательскими центрами Европы и мира. Публикации исполнителей издательских и исследовательских проектов, поддержанных грантами РФФИ, которым предоставляет свои страницы журнал, способствуют популяризации достижений отечественной науки и утверждению её значения на международной арене.

Именно эту важнейшую в современном информационном обществе роль сыграл вверенный Вашему руководству журнал в дни празднования юбилеев великих русских писателей, чьё творческое наследие и общественная деятельность снискали славу нашей стране в мировом масштабе. Дирекция Института выражает Вам глубокую благодарность за поддержку международных научных инициатив ИМЛИ РАН, связанных с исследовательскими и издательскими проектами к 150-летним юбилеям великих русских писателей М.Горького и И.А.Бунина, к 125-летию С.А.Есенина, к 220-летию А.С.Пушкина, к 200-летию юбилею Ф.М.Достоевского.

Поддержка РФФИ позволила ИМЛИ РАН отметить юбилей Горького рядом крупных научных публикаций и ярких международных проектов, в том числе и проведением Юбилейной конференции «Идеологические контексты творчества М.Горького» в Неаполе, кульминацией которой стало открытие памятника великому русскому писателю

в Сорренто (Италия), где Горький провёл 10 лет своей жизни. Об этом выдающемся событии российско-итальянского гуманитарного сотрудничества, поддержанном Посольством Италии в РФ и мэрией Сорренто, нами написана статья, опубликованная в № 4 «Вестника РФФИ. Гуманитарные и общественные науки» за 2018 год (Полонский В.В., Московская Д.С., Ариас-Вихиль М.А. Гуманизм Максима Горького – писателя и общественного деятеля. К празднованию 150-летнего юбилея (Париж, 2 октября; Неаполь, 25–26 октября; Сорренто, 27 октября 2018 г.)).

В публикациях и рецензиях журнала отражены важнейшие направления работы ИМЛИ РАН, а также новейшие издания, пользующиеся высоким авторитетом в научном мире: летописи жизни и творчества Н.В. Гоголя, И.А. Бунина, С.А. Есенина, Д.С. Мережковского и др., тома «Литературного наследия» А. Белого, И.А. Бунина, З. Гиппиус, академические собрания сочинений великих русских писателей Л. Толстого, М. Горького, А. Платонова, В. Маяковского, А. Толстого, новая редакция «Тихого Дона» М.А. Шолохова на основе новейших архивных разысканий, коллекции неопубликованного эпистолярия писателей, теоретические труды по историко-функциональным и социокультурным аспектам филологии, а также актуальные труды по академическому кавказоведению, взаимодействию традиций литератур Востока и Запада, текстологии и источниковедению. Благодаря сотрудничеству ИМЛИ РАН с руководимым Вами Фондом были введены в мировой научный оборот до сих пор неизвестные и никогда не публиковавшиеся архивные материалы по истории русской и зарубежной литературы из российских и иностранных архивов, рукописных фондов и библиотек.

Поздравляя редколлегию и редакцию журнала со славным юбилеем, желаем дальнейшего процветания и надеемся на продолжение плодотворного сотрудничества с Вашим журналом и РФФИ во благо развития российской науки, пропаганды её достижений в нашей стране и за рубежом.

Директор Института мировой
литературы РАН,
член-корреспондент РАН

В.В. Полонский

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94(47)

ГРНТИ 03.23.25

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-100-03-17-28



**В.В. ТРЕПАВЛОВ,
А.А. ГОРСКИЙ***

Посланцы папы римского в Монгольской империи

Сочинение посла папы римского Иннокентия IV в Монгольскую империю, члена ордена францисканцев Иоанна де Плано Карпини «История монголов» является одним из наиболее известных памятников европейской письменности XIII столетия. Оно представляет собой отчёт о посольстве 1245–1247 гг., в ходе которого Плано Карпини и его спутники посетили ставки Батые на Волге и каана (верховного хана) Гуюка в Монголии. Выполняемый проект предусматривает издание пространной редакции «Истории монголов» по двум лучшим спискам этого труда – Вольфенбютельскому и Кембриджскому. В отличие от итальянского издания 1989 г., где даётся реконструкция текста по этим двум спискам, публикация готовится в соответствии с отечественной традицией археографии: один из списков в основе, другой – в вариантах.

В книге Иоанна де Плано Карпини излагаются уникальные сведения о Монгольской империи, её внутреннем устройстве, организации управления, армии, законодательстве. Приводится обширная информация об обычаях и быте монголов и многочисленных народов Евразии, покорённых ими. Также «История монголов» представляет собой ценный источник по истории Руси в первые годы после Батыева нашествия. В отличие от предыдущих изданий данного сочинения, предполагаемое издание будет снабжено подробными комментариями с объяснением фигурирующих в тексте источника реалий, персоналий, топонимов, этнонимов и др.

* **Трепавлов Вадим Винцерович** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории (ИРИ) РАН, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений ИРИ РАН, руководитель проекта «Иоанн де Плано Карпини. История монголов» (18-09-00200а). E-mail: trepavlov@yandex.ru

Горский Антон Анатольевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России до начала XIX в. исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник ИРИ РАН, руководитель Центра источниковедения истории России ИРИ РАН, исполнитель того же проекта. E-mail: gor-ks@yandex.ru

Ключевые слова: Иоанн де Плано Карпини, римский папа, Монгольская империя, списки и редакции «Истории монголов», русские князья

История «Истории монголов»

Сочинение Иоанна де Плано Карпини «История монголов» представляет собой отчет о посольстве 1245–1247 гг., в ходе которого Плано Карпини и его спутники посетили ставки Батыя на Волге и великого хана Гуюка в Монголии. Маршрут путешествия пролегал через Южную Русь и далее через степи за Волгу, в Центральную Азию (рис. 1). Отчёт о посольстве является первым подробным описанием Монгольской империи глазами очевидца-европейца.

Сочинение Плано Карпини известно в двух редакциях, обе были составлены в 1247 г., сразу после путешествия. В отечественной историографии стало традицией при обращении к сочинению Плано Карпини ссылаться на русское издание 1911 г., подготовленное А.И.Малеиным [1], или на его переиздания [2–5]. Однако сам А.И.Малеин рассматривал свою публикацию как предварительную и пробную. В предисловии к ней он писал о сочинениях Плано Карпини и его младшего современника, французского посла к монголам Гийома де Рубрука (отметив несовершенство существовавших на тот момент изданий): «Оба автора ждут ещё своего настоящего издания, и эта благодарная задача могла бы быть предпринята нашей Академией наук, так как огромное большинство местностей, описанных обоими путешественниками, входит ныне в пределы России».

Можно добавить, что сюжеты, относящиеся к Руси в сочинении Плано Карпини, не исчерпываются описанием местностей: францисканцы в ходе своей миссии общались со многими русскими людьми, в том числе князьями, как на территории русских земель, так и во владениях монголов (включая столицу империи — Кара-

корум). В «Истории монголов» имеется ряд известий, проливающих свет на особенности власти монголов над русскими землями в первые годы после Батыевых походов (о чём почти нет данных в отечественных источниках). Кроме того, взгляд на монголов, присутствующий в сочинении Плано Карпини, в значительной мере формировался (о чём говорят прямые свидетельства автора) на основе информации, полученной от русских людей. Целью путешествия Плано Карпини была Монгольская империя, но посольство дважды проезжало через русские земли — и по дороге во владения Чингисидов, и на обратном пути. Из числа «немонгольских» собеседников францисканцев в сочинении Плано Карпини по именам называются только русские люди. А это значит, что «русская составляющая» «Истории монголов» по содержанию сопоставима с собственно «монгольской».

Между тем задача, поставленная А.И.Малеиным, за прошедшее с публикации его работы столетие отечественной наукой не была выполнена. В 1957 г. был переиздан перевод Малеина с предисловием Н.П.Шастиной; по сравнению с изданием 1911 г. были несколько расширены комментарии (но всё равно они остались краткими). В издание не был помещён оригинальный латинский текст (как и в 1911 г.). Позже имели место только переиздания книги 1957 г.

Тем временем в мировой науке изучение сочинения Плано Карпини значительно продвинулось. А.И.Малеин делал свой перевод с издания М. д'Авезака, осуществлённого по так называемому Лейденскому списку [6]. В 1838 г., когда вышло издание д'Авезака, Лейденский список был единственным известным списком



Рис. 1. Маршрут путешествия Дж. дель Пано Карпини в 1245–1247 гг.

второй, пространной редакции «Истории монголов». Но в конце XIX в. стал известен другой список — Кембриджский. По Кембриджскому списку опубликовали «Историю монголов» Дж. Пулле в 1913 г. и 1929 г. [7; 8] и А. ван ден Вингарт в 1929 г. [9]. Ко времени выхода в свет издания ван ден Вингарта был уже известен третий список — Вольфенбюттельский. Издание, учитывавшее все списки 2-й и 1-й, краткой редакции (их ныне 8 плюс Туринский список, содержащий контаминацию двух редакций), было осуществлено в 1989 г. коллективом итальянских филологов под руководством Э. Менесто [10]. Что касается комментариев, то в отношении русских реалий у Карпини новейшее издание ничего нового не внесло: среди составителей не было специалистов по Руси, древнерусские источники и русскоязычная историография не привлекались (издание А.И. Малеина всего однажды упомянуто, и то в комментариях), и ком-

ментарии к «русским» эпизодам и персоналиям ограничиваются ссылками на западные работы, главным образом на исследование П. Пельо [11].

Однако издание Э. Менесто подвело итоги текстологического изучения памятника на основе всех ныне известных списков. Оно показало, что Лейденский список является копией с Кембриджского, а Вольфенбюттельский восходит к общему с Кембриджским протографу. Это означает, что чтения Лейденского списка, отличные от чтений двух других списков, вторичны и ошибочны. Между тем после перевода Малеина в отечественной литературе закрепились некоторые чтения, основанные именно на Лейденском списке, точнее — на его воспроизведении в издании д'Авезака. Неточности, содержащиеся в результате в издании Малеина, продолжают кочевать при его цитировании из работы в работу.

Таким образом, российское научное издание сочинения Плано Карпини представляет собой давно назревшую задачу.

Выполняемый проект предусматривает издание пространной редакции «Истории монголов» по двум лучшим спискам — Вольфенбюттельскому и Кембриджскому. В отличие от итальянского издания, где даётся реконструкция текста по этим двум спискам, публикация готовится в соответствии с отечественной традицией археографии — один из списков в основе, другой — в вариантах. Поскольку Кембриджский и Вольфенбюттельский списки равноправны с точки зрения генеалогии текстов, а ранее (в изданиях А. ван ден Вингарта и Дж. Пулле) в основу был положен Кембриджский, настоящее издание в качестве основного использует Вольфенбюттельский список. Чтения же Кембриджского приводятся в вариантах и там, где в Вольфенбюттельском тексте отсутствует. В отличие от предыдущих изданий данного сочинения, подготавливаемое издание будет снабжено подробными комментариями с объяснением фигурирующих в тексте источника реалий, персоналий, топонимов, этнонимов и др. Латинский текст и перевод на русский язык подготовлены А.Г. Вовиным и П.В. Лукиным, комментарии — А.А. Горским, В.В. Трепавловым и С.А. Масловой.

В ожидании нашествия

В 1245 г. папа римский Иннокентий IV готовил вселенский собор, который должен был состояться в городе Лионе. Одним из вопросов, предназначенных для обсуждения на соборе, значилась опасность нашествия монголов на Западную Европу. За три года до этого те разорили Польшу и Венгрию и достигли восточных пределов Священной Римской империи. В преддверии собора папа решил отправить в страны, покорённые монголами, своих посланцев. Цель заключалась в выведывании дальнейших планов грозных завоевателей, выяснении размеров

их военной мощи, а также — по возможности — в попытке проповедования христианского учения среди язычников.

Папские порученцы отправились на Восток. Монах-доминиканец Асцелин Ломбардский (Кремонский) в 1247 г. посетил в Армении ставку Байджу — недавнего победителя сельджуков, наместника и главнокомандующего монгольскими войсками в северо-западном Иране и Закавказье. Там Асцелин повёл себя весьма дерзко, отказавшись исполнять придворные обряды, за что чуть не поплатился жизнью. Предложение Байджу ехать дальше, в Монголию, он отверг, вернулся в Лион и позднее описал свои приключения. Также изложил свои впечатления спутник Асцелина Симон де Сент-Квентин [12, 13].

Иоанну де Плано Карпини (Джованни да Пьян дель Карпине) предстояло гораздо более далёкое путешествие. Этот тучный пожилой монах (ему было более 60 лет) занимал заметное место в иерархии ордена францисканцев (рис. 2), возглавляя в разных странах его региональные отделения — кустодии и провинции. К тому времени он зарекомендовал себя перед Апостольским престолом как успешный миссионер. Папа Иннокентий поручил Плано Карпини добраться до резиденции каана — главы Монгольской империи (притом что тогда никто в Европе ещё не представлял, где находится эта ставка). Помимо разведывательных задач, папскому легату надлежало передать послания Иннокентия IV от 5 марта 1245 г.: «*Dei patrisimmensa*» к «царю и народу тартар» с пожеланием познать путь истины», т.е. обратиться в христианство, и «*Cumnon solum*» с порицанием завоеваний [14].

В спутники Плано Карпини были определены двое «братьев» — его коллег по ордену: опытный путешественник и полиглот Бенедикт Поляк, присоединившийся к миссии во Вроцлаве, и Стефан из Богемии, который, впрочем, повернул назад из Южной Руси. Впоследствии Бенедикт



Рис. 2. Ф. де Эррера (старший). Вступление в орден францисканцев (1628 г.)

написал сочинение под названием «О путешествии меньших братьев к тартарам». Это описание более чем двухлетнего странствия гораздо короче публикуемой здесь книги Плано Карпини, однако оно содержит некоторые важные подробности, отсутствующие в труде главы миссии (в частности, копию послания каана Гююка к Иннокентию IV (рис. 3)). На ос-

нове устного повествования Бенедикта францисканец-минорит Ц. де Бридиа, в свою очередь, также написал «Историю тартар» [15, 16].

Одним из вопросов, особо интересовавших Плано Карпини и тех, кто отправил его на Восток, были обстоятельства зарождения колоссальной могущественной державы и загадочная персона её

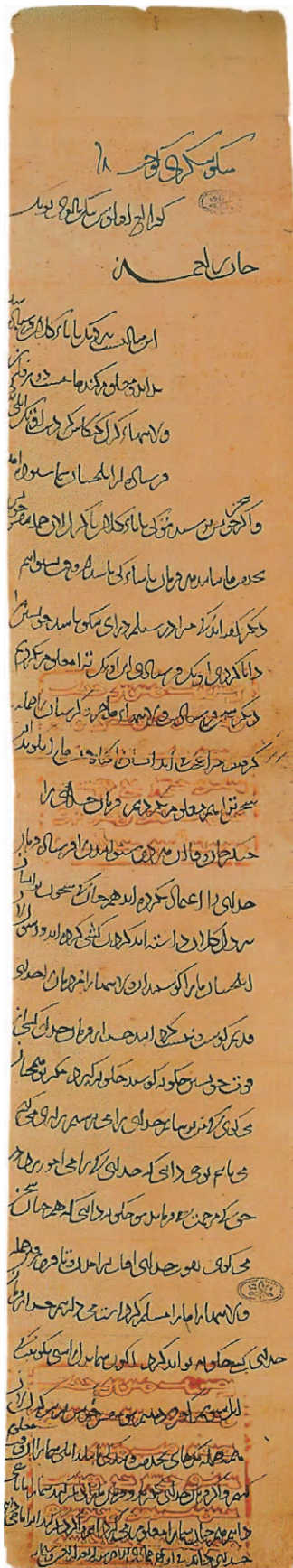


Рис. 3. Послание каана Гуюка папе римскому Иннокентию IV

основателя. То, что францисканцы смогли разузнать и понять из рассказов собеседников о Чингисхане и его завоеваниях, выстраивалось в довольно цельную и верную картину, хотя местами и сдобренную сказочными подробностями. В «Истории монголов» отражена распространённая в средневековых немонгольских источниках версия Чингисовой жизни – путь от бродяги и разбойника до всемогущего владыки народов. При этом «человек по имени Чингиз» воспринимался жителями Центральной Азии не просто как удачливый степной грабитель, умудрившийся достигнуть власти (как это видится из описаний Плана Карпини). Нескончаемая череда успехов и побед служила для современников и подданных явным доказательством его божественного избранничества, благоволения к нему небесных сил – вершителей людских судеб. Поэтому европейские современники – хронисты и, как в случае с Планом Карпини, визитёры – старательно фиксировали названия покорённых монголами стран и народов, о многих из которых они до того никогда не слышали.

На пути Плана Карпини – разорённая Русь

Русские земли в 1237–1241 гг. подверглись удару основных воинских сил Монгольской империи во главе с внуком Чингисхана Бату (Батыем). Первый удар (1237–1238 гг.) привёл к разорению Рязанской и Суздальской земель (рис. 4). В 1239 г. были взяты главные города Юго-Восточной Руси – Переяславль-Русский и Чернигов. В 1240 г. войска Батыя разорили Южную Русь – Киевскую, Волынскую и Галицкую земли и далее двинулись в Центральную Европу.

В 1242 г. завоеватели, разорившие к тому времени Польшу, Венгрию, часть Чехии и Далмацию, после получения известия о смерти в Монголии великого хана Угедея повернули назад и возвратились в Нижнее Поволжье. Оно стало центром

западного улуса Монгольской империи — так называемого Улуса Джучи (по имени отца Батые), или Золотой Орды. После этого Батый приступил к мерам по оформлению зависимости русских земель. В ставку хана был вызван великий князь Суздальской земли Ярослав Всеволодич. Он получил от Батые «старейшинство» среди всех русских князей, что выразилось в пожаловании ему киевского стола. Сын Ярослава Константин, поехавший вместе с ним, был отправлен в Монголию, в ставку кана [17, стб. 470]. В конце 1245 — начале 1246 гг. у Батые побывал Даниил Романович, князь волынский и галицкий. Батый закрепил за ним Галич, который незадолго до этого Даниил отбил у сына Михаила Всеволодича Черниговского Ростислава, пользовавшегося венгерской и польской помощью [18, стб. 805–808].

В начале 1246 г. к Батые вновь отправился Ярослав Всеволодич с братьями Святославом и Иваном. Оттуда он был послан в Каракорум, столицу Монгольской империи, для участия в церемонии возведения на великоханский престол двоюродного брата Батые, Гуюка. В ставке Гуюка под Каракорумом Ярослава встретил Плато Карпини. Они вместе присутствовали на церемониях при канском дворе. 30 сентября 1246 г. Ярослав Всеволодич умер [17, стб. 471]; подробности его кончины описаны в «Истории монголов».

Тем временем ставку Батые посетил Михаил Всеволодич Черниговский. 20 сентября 1246 г. он был убит по приказанию хана [17, стб. 471; 18, стб. 808]. Плато Карпини узнал об этом событии на обратном пути из Монголии в июне 1247 г. и подробно описал услышанное в своём сочинении.

После смерти Ярослава Всеволодича великим князем стал его брат Святослав. Но старшие сыновья Ярослава, Александр и Андрей, с этим не согласились и отправились к Батые, а от него в Каракорум. Здесь в 1249 г. Александр получил «Кыевъ и всю Русьскую землю», т.е. номи-

нальное старейшинство среди всех русских князей, а Андрей — владимирский стол. В 1252 г. Андрей бежал от войска Неврюя, посланного Батыем, после чего Александр был возведён также и на владимирское княжение [17, стб. 471–473].

Даниил Романович длительное время пытался фактически не признавать монгольской власти, успешно воевал с контролировавшим прилегавшие к Галицко-Волынской земле степи военачальником Куремсой (у которого побывал во время своего путешествия Плато Карпини). Даниил рассчитывал на союз с католической Европой, соглашался (формально) на церковную унию с Римом (начало этим переговорам положено было во время встреч Даниила и его брата владими́ро-волинского князя Василька Романовича с Плато Карпини) и в 1254 г. принял от папы Иннокентия IV королевский титул. Но помощи от западных соседей Даниил не получил и в конце 1250-х гг. под военным давлением вместе с братом Василько вынужден был подчиниться монгольской власти [19].

В результате установления верховной власти Монгольской империи русских князей обязали посещать ханов для получения ярлыков на свои княжения. Борьба за не закреплённые ранее за определёнными княжескими ветвями столы (киевский, новгородский, галицкий), являвшаяся своего рода центроостремительным фактором, прекратилась: киевское и новгородское княжения по воле монгольских правителей остались за князьями Суздальской земли, Галич — за князьями волынского семейства.

Другим результатом завоевания стала необходимость выплаты дани. С этой целью монгольские правители проводили переписи населения. Одна из таких переписей, охватившая все покорённые страны (как вошедшие непосредственно в Монгольскую империю, так и сохранившиеся, подобно Руси, своих правителей), проходила в 1250-е гг. [20]. В её рамках было переписано население в Суз-



Рис. 4. Взятие монголами Суздаля. Миниатюра из Лицевого летописного свода (XVI в.)

дальской, Рязанской и Муромской землях (зимой 1257–1258 гг.) и в Новгороде (в 1259 г.) [17, стб. 474–475]. Что касается Южной Руси, то о первой переписи («числе», по русской терминологии) там, происшедшей в середине 1240-х гг., упоминает Житие Михаила Черниговского [21, с. 55].

Подробную же информацию об этом мероприятии даёт Плано Карпини.

В целом известия русских источников о взаимоотношениях русских земель с монголами в 1240-е гг. лаконичны (за исключением рассказа Галицко-Волынской летописи о поездке Даниила к Батью и жи-

тийного повествования о гибели Михаила Черниговского). В этом свете информация, содержащаяся в сочинении Плато Карпини, бесценна. Здесь присутствуют сведения: 1) о пребывании русских князей во владениях монголов, в том числе в ставке великого хана под Каракорумом; 2) об установлении дани; 3) о назначении должностных лиц для контроля над русскими землями; 4) о наиболее влиятельных русских князьях того периода: Ярославе Всеволодиче, Данииле и Васильке Романовичах, Михаиле Всеволодиче, Александре Ярославиче (с первыми тремя Плато Карпини общался лично); 5) о князьях, идентифицируемых предположительно; 6) о князьях, вовсе неизвестных по другим источникам; 7) о лицах из окружения русских князей (из которых в русских источниках упоминаются только человек Ярослава Сангор и боярин Фёдор, погибший вместе с Михаилом Черниговским); 8) о русских людях иного статуса, находившихся во владениях Чингисидов. Кроме того, информация о монголах, излагаемая в сочинении Плато Карпини, во многом основывалась на сведениях, полученных от русских: иногда в тексте об этом сказано прямо, в других случаях это можно с достаточным основанием предполагать.

Таким образом «История монголов» Иоанна де Плато Карпини представляет собой уникальный источник по истории Руси в первые годы после Батыева нашествия.

«Тартария» уже не вселяет тревогу

В ноябре 1247 г. Плато Карпини, переполненный впечатлениями и с осознанием успеха своей дипломатической и раз-

ведывательной миссии, вернулся в Лион. Там при папском дворе он пробыл три месяца. Неизвестно, читал ли папа Иннокентий IV «*Libellus historicus*» — так изначально озаглавил Плато Карпини книгу, написанную им на основе отчёта, но отчёт, несомненно, выслушал, о чём свидетельствуют папские послания начала 1248 г. в Тевтонский орден и русским князьям Александру Невскому и Даниилу Галицкому [22]. Во всяком случае, Апостольский Престол был, несомненно, удовлетворён результатами далёкого путешествия францисканцев, так как вскоре легат Джованни де Плато Карпини удостоился сана архиепископа в процветавшем тогда городе Антивари (совр. Бар в Черногории).

Сведения, доставленные миссией францисканцев и изложенные в книге Плато Карпини, начали открывать жителям Западной Европы облик неведомого кочевого мира, дотоле по преимуществу враждебного и пугающего. Новых подробностей добавил Гийом де Рубрук, который через несколько лет по поручению французского короля посетил двор каана Мункэ (преемника Гуюка) в Каракоруме.

К середине XIII в. закончился период военного противостояния между Монгольской империей и христианскими странами. На первое место всё более явственно выступали взаимные интересы коммерции, обмена товарами и ресурсами, трансконтинентальных коммуникаций. Знаком этой новой ситуации на Евразийском континенте стали путешествия и итоговое сочинение итальянского купца Марко Поло о благоустроенном государстве «Великого хана» Хубилая (преемника Мункэ) и других благодатных странах Востока.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иоанн де Плато Карпини. История монгалов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1911.
2. Путешествия в восточные страны Плато Карпини и Рубрука. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1957.

3. Джованни дель Пано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло. М.: Мысль, 1997.
4. История монголов. М.: АСТ, 2008.
5. История монголов. М.: Алгоритм, 2008.
6. Relations des Mongols ou Tartares par le frère Jean du Plan de Carpin. Paris: Librairie géographique de Arthus-Bertrand, 1838.
7. Historia Mongalorum. Viaggio di F. Giovanni da Pian del Carpine ai Tartari // Studia di filologia indo-iranica. 1913. Т. IX.
8. Viaggio a' Tartari di frate Giovanni da Pian del Carpine (Historia Mongalorum). Milano: Tipografia G. Carnesecchi e figli, 1929.
9. Sinica Franciscana. Vol. 1. Firenze: Collegium S. Bonaventura, 1929.
10. Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli. Spoleto: Centro italiano di studi sull'altomedioevo, 1989.
11. Pelliot P. Recherches sur les Chrétiens d'Asie Centrale et d'Extrême Orient. P.: Imprimerie Nationale, 1973.
12. Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV и XV столетиях. СПб.: Тип. Департамента нар. просвещения, 1825.
13. Saint Quentin S. Histoire des tartars. Paris: Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1965.
14. Хаутала Р. От Бату до Джанибека. Военные конфликты Улуса Джучи с Польшей и Венгрией (1) // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4. № 2. С. 272–313.
15. Benedictus Polonius. De itinerere fratrum minorum ad Tartaros quae frater Benedictus Polonius viva voce retulit // Recueil de voyages et de memoires. Т. 4. Paris: Arthus-Bertrand, Librairie de la Societe, 1839. P. 774–779.
16. Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. СПб.: Евразия, 2002.
17. Полное собрание русских летописей. Т. 1. М.: ЯРК, 1997.
18. Полное собрание русских летописей. Т. 2. М.: Александрия, 2001.
19. Dąbrowski D. Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201–1264): biografia polityczna. Kraków: Wydawnictwo AVALON, 2013.
20. Allsen T. Mongol Imperialism: The Policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia, and Islamic Lands, 1251–1259. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1987.
21. Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития (обзор редакций и тексты). Пг.: О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1915.
22. Горский А.А. Пано Карпини, Александр Невский и планы хана Гуюка // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2018. № 3 (77). С. 5–11.

ENGLISH

Emissaries of the Pope in the Mongol Empire

Vadim Vintserovich Trepavlov – Doctor of History, Leading Researcher at the Institute of Russian History (IRH), Russian Academy of Sciences, Head of the Center for History of the Peoples of Russia and Inter-Ethnic Relations, IRH RAS, Head of the project “John of Plano Carpini. History of the Mongols” (18-09-00200a).

E-mail: gor-ks@yandex.ru

Anton Anatolievich Gorsky – Doctor of History, Professor at the Department of Russian History before the 19th century, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Leading Researcher of IRH RAS, Head of the Center for Historical Sources on the History of Russia, IRH RAS, executor of the same project.

E-mail: trepavlov@yandex.ru

The letter by the emissary of Pope Innocent IV in the Mongol Empire, Franciscan votary, John of Plano Carpini, *Ystoria Mongalorum* – “History of the Mongols” is one of the most renowned written records of the European writing of the 13th century. The letter is a report of the mission between 1245 and 1247, when John of Plano Carpini et al visited Batu Khan bases on the Volga and bases of Güyük Khan (supreme khan) in Mongolia. The project provides for publishing an extensive version of the “History of the Mongols” based on two best list of works: Wolfenbüttel and Cambridge. Unlike the Italian edition of 1989, where the text is reconstructed based on both lists, this publication is prepared according to the Russian tradition of archeography: one of the lists serves as the basis, while the other one is used in versions.

The book by John of Plano Carpini includes unique information on the Mongol Empire, its structure, mechanism of control, army, and law. The book offers extensive information on customs and lifestyle of the Mongols and the many Eurasian peoples they conquered. *Ystoria Mongalorum* is a precious source on the history of Rus’ in the first years following Batu Khan invasion. Unlike the previous editions of the paper, the new one will include detailed commentaries explaining the realia, figures, toponyms, ethnonyms, etc. that appear in the text.

Keywords: John of Plano Carpini, Pope, Mongol Empire, lists and versions of the “History of the Mongols” (*Ystoria Mongalorum*), princes of Rus’

REFERENCES

1. Ioann de Plano Karpini. *Istoriya mongalov. Vil'gel'm de Rubruk. Puteshestvie v vostochnye strany*. SPb.: Tip. A.S. Suvorina, 1911 (in Russian).
2. *Puteshestviya v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka*. M.: Gos. izd-vo geogr. lit-ry, 1957 (in Russian).
3. Dzhovanni del' Plano Karpini. *Istoriya mongalov. Gil'om de Rubruk. Puteshestvie v vostochnye strany. Kniga Marko Polo*. M.: Mysl', 1997 (in Russian).
4. *Istoriya mongolov*. M.: AST, 2008 (in Russian).
5. *Istoriya mongolov*. M.: Algoritm, 2008 (in Russian).
6. *Relations des Mongols ou Tartares par le frère Jean du Plan de Carpin*. Paris: Librairie géographique de Arthus-Bertrand, 1838.
7. *Historia Mongalorum. Viaggio di F. Giovanni da Pian del Carpine ai Tartari // Studia di filologia indo-iranica*. 1913. T. IX.
8. *Viaggio a' Tartari di frate Giovanni da Pian del Carpine (Historia Mongalorum)*. Milano: Tipografia G. Carnesecchi e figli, 1929.
9. *Sinica Franciscana. Vol. 1*. Firenze: Collegium S. Bonaventura, 1929.
10. *Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli*. Spoleto: Centro italiano di studisull'altomedioevo, 1989.
11. Pelliot P. *Recherches sur les Chrétiens d'Asie Centrale et d'Extrême Orient*. P.: Imprimerie Nationale, 1973.
12. *Sobranie puteshestviy k tataram i drugim vostochnym narodam v XIII, XIV i XV stoletiyakh*. SPb.: Tip. Departamenta nar. prosveshcheniya, 1825 (in Russian).
13. Saint Quentin S. *Histoire des tartars*. Paris: Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1965.
14. Khautala R. *Ot Batu do Dzhaniyeka. Voennye konflikty Ulusa Dzhuchi s Pol'shey i Vengriey (1) // Zolotoordynskoe obozrenie*. 2016. T. 4. № 2. S. 272–313 (in Russian).

15. Benedictus Polonius. De itinerere fratrumminorum ad Tartaros quae frater Benedictus Polonius viva voce retulit // Recueil de voyages et de memoires. T. 4. Paris: Arthus-Bertrand, Librairie de la Societe, 1839.P. 774–779.
16. Khristianskiy mir i «Velikaya Mongol'skaya imperiya». Materialy frantsiskanskoy missii 1245 goda. SPb.: Evraziya, 2002 (in Russian).
17. Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. 1. M.: YARK, 1997 (in Russian).
18. Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. 2. M.: Aleksandriya, 2001 (in Russian).
19. Dąbrowski D. Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201–1264): biografia polityczna. Kraków: Wydawnictwo AVALON, 2013.
20. Allsen T. Mongol Imperialism: The Policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia, and Islamic Lands, 1251–1259. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1987.
21. Serebryanskiy N.I. Drevnerusskie knyazheskie zhitiya (obzor redaktsiy i teksty). Pg.: O-vo istorii i drevnostey ros. pri Mosk. un-te, 1915 (in Russian).
22. Gorskiy A.A. Plano Karpini, Aleksandr Nevskiy i plany khana Guyuka // Drevnyaya Rus': voprosy medievistiki. 2018. № 3 (77). S. 5–11 (in Russian).

УДК 94(470)+929Петр(470)*1

ГРНТИ 03.23.31

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-100-03-29-42



Т.А. БАЗАРОВА*

Дипломатия Петра Великого и Османская империя

Дипломатия Петра Великого рассматривала взаимоотношения России с Османской империей в контексте Северной войны. Главной задачей русских представителей при Высокой Порте стало сохранение мира между двумя державами. Дипломатические контакты России и Османской империи приобрели регулярный характер. По Константинопольскому договору (1700) царь получил возможность отправить своего посла на резиденцию в Стамбул. В качестве постоянных представителей Петра I при Высокой Порте пребывали посол П.А.Толстой (1702–1710) и резидент И.И.Неплюев (1721–1735). На основе анализа делопроизводственной документации Посольского приказа и Коллегии иностранных дел удалось уточнить состав всех отправленных Петром I в Стамбул посольств, поставленные перед ними задачи и пути решения, а также условия пребывания дипломатов при османском дворе. В Петровскую эпоху представители России в Стамбуле в качестве полноправных членов вошли в европейский дипломатический корпус.

Ключевые слова: эпоха Петра Великого, внешняя политика России, русско-турецкие переговоры, Посольский приказ, Коллегия иностранных дел, Османская империя, Северная война, дипломатический корпус

К началу Петровской эпохи Посольский приказ накопил значительный опыт контактов с Османской империей. Однако дипломатические связи между двумя державами не были регулярными. Развитию отношений препятствовали отсутствие общей границы и слабость взаимных торговых интересов. Гораздо чаще, чем в Стамбул, Посольский приказ направлял своих пред-

ставителей в вассальное турецкому султану Крымское ханство. Как правило, эти посольства были связаны с военными конфликтами, попытками заключить договор или выплатой поминок. В Петровскую эпоху ситуация существенно изменилась. После окончания русско-турецкой войны (1686–1700) царь намеревался отказаться от отправки поминок в Крым и развивать дипломатиче-

* **Базарова Татьяна Анатольевна** — кандидат исторических наук, заведующая Научно-историческим архивом и группой источниковедения Санкт-Петербургского института истории РАН, руководитель проекта «Российская дипломатия и Османская империя: эпоха Петра Великого» (18-09-00721a).
E-mail: tbazarova@yandex.ru

Таблица

Петровские дипломаты в Османской империи¹

Годы	Главы посольств	Переводчики
1699–1700	Чрезвычайные и полномочные посланники Емельян Игнатьевич Украинцев, Иван Прохорович Чередеев	Семён Лаврецкий (польский и латынь), Степан Чижинский (польский, белорусский, латынь), Андрей Ботвинкин (греческий и латынь)
1700–1701	Переводчик Семён Фёдорович (Иванович) Лаврецкий, подьячий Григорий Юдин (ум. в декабре 1700)	—
1701	Переводчик Семён Лаврецкий, старый подьячий Михаил Родионович Ларионов (с февраля 1701)	—
1701	Чрезвычайный и полномочный посол Дмитрий Михайлович Голицын	Семён Лаврецкий (польский и латынь), Андрей Ботвинкин (греческий и латынь), Фёдор Константинов (Христофоров) (греческий и молдавский)
1702–1710	Посол Пётр Андреевич Толстой	Моисей Арсеньев (греческий, итальянский, латынь) Фёдор Константинов (греческий и молдавский, с 1703) Алексей Почайнов (греческий и латынь, с 1708), Пётр Софонов (греческий и латынь) Пётр Ратка (итальянский) Флорио Беневени (итальянский, турецкий, татарский, персидский)
1711–1714	Полномочный министр (с 1712 г. — чрезвычайный и полномочный посол) Пётр Павлович Шафиров, полномочный министр (с 1712 г. — чрезвычайный и полномочный посол) Михаил Борисович Шереметев, посол Пётр Андреевич Толстой (Высокая Порта не подтвердила полномочия посла)	Иван Суда (греческий, итальянский, турецкий) Андрей Васильев (греческий, латынь) Петр Ратка (итальянский) Николай Барка (греческий, итальянский, турецкий) Гаспар Тест (греческий, итальянский, турецкий) Степан Волков (немецкий) Антоний Марини (Марин) (итальянский и турецкий)
1712–1713	Чрезвычайный и полномочный посол Авраам Фёдорович Лопухин (доставил ратификацию Константинопольского мира, 1712)	Муртаза Тевкелев (татарский и турецкий)
1713–1714	Чрезвычайный и полномочный посол Дмитрий Андреевич Бестужев-Рюмин (доставил ратификацию Адрианопольского мира, 1713)	—
1714	Посольский секретарь (не был принят) Лаврентий Тимофеевич Протопопов	—
1715	Гонец майор Иероним Натали (доставил грамоты)	—
1718	Гонец подполковник Иероним Натали (доставил грамоты)	—
1719–1721	Чрезвычайный и полномочный посланник Алексей Иванович Дашков	Антоний Марини (итальянский и турецкий), Григорий Иванов Мальцов (турецкий, итальянский, латынь)
сентябрь 1721–1735	Резидент Иван Иванович Неплюев	Антоний Марини (итальянский и турецкий), Григорий Иванов Мальцов (турецкий, итальянский, латынь)
декабрь 1721–1722	Гонец лейб-медик Георгий Поликало (Поликала) (доставил грамоту о Ништадтском мире)	—

¹ В таблице также учтены гонцы, доставлявшие царские грамоты и имевшие официальные аудиенции у султана и (или) великого визира.

ские контакты напрямую с Высокой Портой [1, с. 104–112; 2; 3].

По подсчётам С.Ф.Орешковой, со времени установления дипломатических отношений между державами (1492) и до Петровской эпохи в Стамбуле побывали 38 русских посольств [4, с. 21]. С 1699 г. и до окончания Северной войны Посольский приказ направил к Высокой Порте 13 дипломатических миссий (табл.). Свидетельством возросшего значения Османской империи в российской внешней политике стали не только регулярное отправление гонцов и посольств, но и учреждение постоянного представительства при Высокой Порте.

Посланцы Петра I имели различный статус (от гонца и до чрезвычайного и полномочного посла). Из них только П.А.Толстой (ил. 1) и И.И.Неплюев пребывали при Высокой Порте в качестве постоянных представителей. Большинство дипломатов Петра I не имело необходимого опыта. Д.М.Голицын, П.А.Толстой и И.И.Неплюев обучались морскому делу в Италии и знали разговорный итальянский – язык международного общения в Стамбуле. Искусство дипломатии бывшим петровским навигаторам приходилось осваивать и оттачивать уже в резиденции османского султана.

Впрочем, в XVI–XVII вв. русские великие послы к иностранным дворам тоже не были профессиональными дипломатами. Главой посольства, как правило, становился князь или боярин; его сопровождал «товарищ» – дьяк Посольского приказа. В чрезвычайной ситуации (болезнь или гибель посла) обязанности главы миссии переходили к дьяку [5, с. 37]. В петровское время подобная практика ушла в прошлое. Например, в 1699 г. вместе с Е.И.Украинцевым на берега Босфора поехал дьяк И.П.Че-



Ил. 1. П.А. Толстой (1645–1729).
Художник И.Г. Таннаур. Первая четверть XVIII в.

редеев. Посольский приказ известил Высокую Порту о прибытии одного посланника. Однако в верительной грамоте, которую доставили в Стамбул Е.И.Украинцев и И.П.Череев, чрезвычайными посланниками уже были названы оба дипломата.

В 1701 г. запасную верительную грамоту подготовили не для сопровождавшего Д.М.Голицына дьяка М.Полянского, а на имя посольского дворянина стольника И.А.Толстого. Помощь послам оказывали опытные подьячие, переводчики и толмачи. Следуя традиции, руководство русского внешнеполитического ведомства включало в состав посольств специалистов, которые уже бывали в Стамбуле в составе других дипломатических миссий.

«...пребывать тебе здесь для того, чтоб скоро могли разрушиться всякие ссоры»: основные задачи петровских дипломатов при Высокой Порте

Политика Петра I по отношению к Османской империи менялась в зависимости от ситуации в Европе. В конце XVII в. царь видел в Османской империи главный объект своей внешней политики, связанный с завоеванием Азова (ил. 2) и выходом в Чёрное море. После подписания Константинопольского мира (1700) и начала Северной войны (1700–1721) русские дипломатические интересы сместились в сторону Западной Европы. Перед петровскими дипломатами при Высокой Порте была поставлена задача не дать разгореться новому военному конфликту. В связи с этим им приходилось решать ряд вопросов, связанных как непосредственно с русско-турецкими отношениями, так и с европейскими событиями.

После появления общей границы (середина XVII в.) у Османской империи и России обострились проблемы, которые характерны для сопредельных держав и связаны с приграничными конфликтами. Как правило, расследование незначительных инцидентов находилось в компетенции комендантов порубежных крепостей. Однако более сложные и запутанные вопросы приходилось решать Посольскому приказу и русским послам при османском дворе.

В ноябре 1702 г., через два месяца после прибытия П.А.Толстого в Адрианополь (Эдирне) и вручения им верительной грамоты, Высокая Порта предложила послу вернуться назад. На постоянной резиденции при турецком дворе находились только представители западноевропейских держав, имевших торговые отношения с Османской империей, закреплённые договорами. Для того чтобы задержаться в Адрианополе, русский посол вступил в переговоры с турецкими министрами о возмещении убытков

ограбленным казаками греческим купцам. На встречах с представителями Порты П.А.Толстой также поднял проблему набегов крымских татар на приграничные земли, которые приносили убытки и разорение подданным русского царя. Осенью 1702 г. в Адрианополь прибыли представители крымского хана, которые потребовали от Высокой Порты начать войну с Россией. Посол стал указывать османским министрам и на исходившую из Крыма угрозу мирному договору [6, с. 54–55]. В результате Высокая Порта согласилась оставить П.А.Толстого в качестве постоянного резидента. Великий драгоман Александр Маврокордато сообщил послу: «...пребывать тебе салтаново величество при дворе своем соизволяет до своего салтанова величества указу»¹. Приграничные конфликты и возмещение убытков являлись важной темой переговоров русских дипломатов с османскими министрами на протяжении всей Петровской эпохи.

Установившиеся после подписания Константинопольского договора (1700) мирные отношения давали возможность России и Османской империи развивать взаимовыгодную торговлю. Впервые этот вопрос подняли Е.И.Украинцев и И.П.Чередеев (которые вели переговоры в Стамбуле и подписали договор). Послы Д.М.Голыцын и П.А.Толстой также получили полномочия на заключение торгового соглашения. Однако они потерпели неудачу. Причиной стали не неопытность дипломатов или нежелание османов подписывать договор, который гарантировал бы взаимную выгоду и защищал интересы купцов обеих держав. Основное требование царя для заключения торгового соглашения — русское черноморское судоходство — являлось неприемлемым для османского государства. Высокая Порта считала Чёрное море внутренним морем Османской империи и не пропускала в него иноземные торговые корабли [7, с. 31–35].

¹ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 1. 1702 г. Д. 2. Л. 317.

тия при поддержке французов стала настойчиво добиваться от Порты подписания антироссийского военного договора. 8 августа 1709 г. П.А.Толстой доложил канцлеру Г.И.Головкину, что Карл XII «...неизреченные соблазны туркам доносит и премногие дела им обещает, чтобы они встали войну против царского величества, в чем ему зело способствует хан крымской». Русскому послу некоторое время удавалось противодействовать своим оппонентам. Последней его крупной дипломатической победой стала грамота султана Ахмеда III о подтверждении Константинопольского мира (1700). Её отправили в Москву в феврале 1710 г., но уже 9 ноября султан объявил войну России [6, с. 59].

Неудача Прутского похода (1711) разрушила завоеванный русским оружием авторитет Петра I в общеевропейских делах. Условия Прутского мирного договора (12 июля 1711 г.) и угроза возобновления военных действий на южных рубежах заставляли государя принимать в расчёт «турецкий фактор» при планировании военных действий в Центральной Европе. Так, русским войскам запрещалось находиться на землях польской короны. Это было связано с намерением Высокой Порты уменьшить русское влияние в Польше и организовать возвращение Карла XII в Шведскую Померанию через Речь Посполитую. Полномочные министры П.П.Шафиров и М.Б.Шереметев, которые после подписания Прутского мира (1711) были оставлены в Османской империи до выполнения Россией взятых на себя обязательств, приложили немало усилий, чтобы убедить Высокую Порту в отсутствии войск в Польше (ил. 3). Однако нахождение на польской территории русских отрядов, которые направлялись к театру военных действий в Померанию, спровоцировало негативную реакцию османского правительства и привело к разрыву Константинопольского мира (1712). Новое обострение вопроса пришлось на 1715–

1716 гг., когда, отправив армию в Померанию, царь снова пошёл на нарушение мирного договора с Османской империей. Однако занятая войной с Венецианской республикой Высокая Порта в этот раз не пошла на открытый конфликт с Россией [8, с. 85–90].

Поражение в русско-турецкой войне (1710–1713) привело не только к возвращению османам Азова и разрушению новых русских крепостей, но и возродило вопрос о возобновлении выплаты «поминков» крымскому хану. Пётр I категорически запретил П.П.Шафирову и М.Б.Шереметеву соглашаться на включение в условия мирных договоров упоминания о «запросе крымском» (ил. 4). Между тем, представители крымского хана упорно настаивали на включении пункта о «поминках» в текст сначала Константинопольского (1712), а затем Адрианопольского (1713) мирных договоров. После долгих споров и согласований в Адрианопольском договоре появился пункт, согласно которому переговоры о «поминках» переносились на неопределённое время. В дальнейшем благодаря усилиям А.И.Дашкова статья о «претензии крымской» вошла в Константинопольский договор о вечном мире 1720 г. в такой же формулировке, как в Адрианопольском договоре 1713 г. [9, 305–306, 312, 326].

«...честь царского величества послу великому учинитца во всем против цесарского посла»

Новые условия, в которых действовали русские дипломаты, требовали оперативности, большей гибкости и эффективности, чем обеспечивала старая московская система. В Петровскую эпоху буквально за несколько лет был осуществлён переход от старого русского посольского обычая к европейскому дипломатическому этикету. Первыми новыми нормами поведения овладевали русские дипломаты в Западной Европе. Официальные контакты между Россией и Османской империей по-прежнему сохраняли привычные

формы. Посольские обычаи обоих государств имели значительное сходство (например, назначение приставов к послам, содержание посольств за счёт принимающей стороны, торжественный въезд посла в резиденцию государя, изоляция иностранного дипломата на посольском дворе и т.д.) [10, с. 24–26].

Быстрее изменения воспринимал Посольский приказ. Во время подготовки отправки посольства помимо наказов (или инструкций) по традиции делались выписки, касавшиеся предыдущих поездок к Высокой Порте. Самая первая выписка, переданная Д.М.Голицыну, относилась к посольству дворянина Ивана Гавриловича Кондырева и дьяка Тихона Бормосова 1622 г., а последняя – Е.И.Украинцева и И.П.Чередеева 1699–1700 гг.¹ П.А.Толстой уже получил выписки из статейных списков только трёх последних послов XVII в., а также Е.И.Украинцева и Д.М.Голицына. Происходил отказ от допетровского опыта дипломатических контактов, который уже потерял актуальность. П.А.Толстому по его просьбе прислали копии договоров, заключённых на Карловицком конгрессе (1699) между османами, венецианцами и австрийцами. Впоследствии и другие послы снабжались копиями договоров, подписанных Османской империей не только с Россией, но и с другими европейскими державами.

В 1700 г. Е.И.Украинцев, а затем С.Ф.Лаврецкий отправляли в Москву сведения о приёме и отпуске европейских посольств. Такая информация приобретала особую важность в связи с предстоящей отправкой русского чрезвычайного и полномочного посла. Петровские дипломаты настаивали, чтобы встреча, приём и отпуск царского посла проходили с наименьшей торжественностью и почестями, чем у цесарского посла, прибывшего к Порте с такой же целью – для ратификации мира [3]. Начиная с чрезвычайного и полномочного посла Д.М.Голицына, все



Ил. 3. П.П. Шафиров (1673–1739).
Неизв. художник. Вторая половина XIX в.

русские дипломаты на церемонии въезда и на аудиенции у султана вместо традиционных русских посольских одеяний надевали французское платье. В обычай вошёл обмен официальными и частными визитами с западноевропейскими дипломатами, торжественные приёмы на русском дворе по случаю военных побед.

Османская империя тоже постепенно меняла своё отношение к европейским дипломатам. Так, в 1699 г. на переговорах в Стамбуле Е.И. Украинцев указал, что османы насильно ставят посла на колени перед султаном и вырывают у него из рук царскую грамоту. Великий драгоман А. Маврокордато его заверил, что обычай остался в прошлом и многое изменилось [11, с. 21–24]. Однако идеи Нового времени, связанные с неприкосновенностью иноземного посла, не находили отражения в турецкой дипломатической практике. В случае проявления неуважения по отношению к высшим османским чи-

¹ Там же. 1700 г. Д. 5. Л. 1–14 об.

оставались в разлуке с семьями. Прибывшие вместе в Османскую империю в качестве посольских дворян сыновья дипломатов (Иван Толстой и Адриан Неплюев) во время обострений отношений с Высокой Портой были отправлены назад в Москву (ил. 5).

В начале XVII в. в Стамбуле сложился европейский дипломатический корпус. Несмотря на политические и религиозные противоречия, которые существовали между европейскими государствами, дипломатов объединяли общие интересы. Историк дипломатии Дж. Берридж отметил, что члены корпуса (венетианцы, французы, англичане и голландцы) помогали друг другу противостоять давлению османских министров, сохранять связи с внешним миром, обменивались информацией и т.п. Совместные действия заметно облегчало то, что дипломаты жили в непосредственной близости друг от друга, в Пере [11, р. 19–20].

«И по достоинности их благоразумия такой им двор дан»: русский посольский двор в Стамбуле

В XV–XVII вв. приезжавшие в османскую столицу царские послы получали от Порты двор на южном берегу Золотого Рога в Греческой слободе (Фанаре). В этом квартале располагались резиденция константинопольского патриарха и православные церкви. Круг общения русских послов в Стамбуле преимущественно ограничивался османскими министрами и единоверцами. В Петровскую эпоху положение дел кардинально изменилось. В первой четверти XVIII в. указы и инструкции Посольского приказа обязывали русских дипломатов с «чужестранными министрами обходиться политично», обмениваться с ними визитами, а в случае необходимости обращаться за содействием к послам дружественных России держав (ил. 6).

В сентябре 1699 г. русских посланников Е.И. Украинцева и И.П. Чередеева поселили не в Греческой слободе, а в окружённой городской стеной центральной части Стамбула. Посланники писали, что от их двора «до церкви и до двора константинопольского патриарха будет з две версты в оба пути»¹. Отведённое Е.И. Украинцеву и И.П. Чередееву здание было каменным и просторным. Однако оно находилось «в глухом месте, не на большой улице, к Белому морю», с которого дули «ветры нездравые»². В непогоду западноевропейские дипломаты тратили на дорогу с Галаты до русского двора три часа (туда и обратно). В 1701 г. то же здание османы предоставили доставившему царские грамоты гонцу М.Р. Ларионову, а затем и послам Д.М. Голицыну (1701) и П.А. Толстому (1703). В марте 1704 г. П.А. Толстой переехал из обветшавшего дома. Его новый двор находился «близ городской стены при море недалеко Городовых ворот имянуемых Кункапи, еже есть Песочные ворота»³.

Итак, резиденции первых петровских представителей в Стамбуле располагались неподалеку от дворцов великого везира и османских вельмож. С одной стороны, дипломаты не имели возможности выбрать по своему желанию подходящее здание, а с другой – не платили ни за двор, ни за охрану. Местонахождение русского двора в центральной части города упрощало Порте организацию переговоров. Для встреч с турецкими министрами русским дипломатам в отличие от их западноевропейских коллег не требовалось переезжать залив Золотой Рог. Османское правительство имело возможность контролировать общение послов и их слугителей с европейскими дипломатами и единоверцами. При обострении русско-турецких отношений охрана превращалась в стражу.

¹ Там же. Кн. 27. Л. 1307 об.

² Там же. Л. 689.

³ Там же. 1704 г. Д. 3. Л. 114.



Ил. 5. Карта Османской империи. Изд-во «Наследники Хоманна». Сер. XVIII в. Архив СПбИИ РАН

Если первые петровские чрезвычайные посланники в Стамбуле Е.И. Украинцев и И.П. Чередеев пытались добиться выделения им двора в Фанаре, то П.А. Толстой обратил внимание на Перу, где находились резиденции западноевропейских коллег. В 1710 г. после подтверждения султаном Ахмедом III мирного договора П.А. Толстой добился от Высокой Порты разрешения перенести свою резиденцию в Перу. Он написал Г.И. Головкину: «меня турки отпустили жить на двор мой, которой нанял на Галатцкой стороне в Пере Византии, где все прочие послы пребывают. Обаче с великим трудом сие едва возмог учинить. Однакож гвардии от меня

не отняли, и ныне живу на своем нанятом дворе под их же турецкою гвардиею»¹.

Таким образом, если двор в старой части Стамбула «безденежно» выделяла Высокая Порта, то дом в Пере П.А. Толстой (как и другие европейские дипломаты) оплачивал уже сам. В ноябре 1710 г., после объявления Портой войны России, именно из этого двора П.А. Толстого вместе с его служителями увезли в тюрьму Едикуле (Семибашенный замок).

В ноябре 1711 г. П.П. Шафирова и М.Б. Шереметева разместили «в великом доме, которой почитай в середине города»². На том же посольском дворе поселили и доставившего ратификаци-

¹ Там же. Ф. 1274 (Панины и Блудовы). Оп. 1. Д. 3170. Л. 230 об.

² Архив СПбИИ РАН. Ф. 83 (Походная канцелярия А.Д. Меншикова). Оп. 1. Д. 4860. Л. 1.

онную грамоту стольника А.Ф.Лопухина. Впоследствии, когда русская миссия разрослась, Высокая Порта освободила для нее и соседние здания (ил. 7).

Прибывший в мае 1719 г. в Стамбул А.И.Дашков за три года своего пребывания в Стамбуле сменил три двора. По приезде посланника поселили в доме близ Песочных ворот, в котором прежде жил М.Б.Шереметев со своими людьми¹. Через год А.И.Дашков перебрался на другой берег Золотого Рога. 7 июня 1720 г. он написал в Санкт-Петербург: «Двор мне ныне дали турки в Пере, где стоял царской посол, с такими ж уборами как и ему, послу, дан был»². Спустя несколько месяцев А.И. Дашков переехал в дом, который в 1710 г. арендовал

П.А.Толстой. В сентябре 1721 г. «особливый» двор в Пере предоставили И.И.Неплюеву, который прибыл в Стамбул в качестве резидента. После отъезда чрезвычайного посланника И.И.Неплюев поселился на прежнем дворе Толстого—Дашкова. Именно там 11 января 1722 г. русский резидент устроил «публичный банкет» и иллюминацию по случаю заключения Ништадтского мира. Торжество в русском посольстве посетили французский, голландский и венецианские послы, царский резидент, которых сопровождали дворяне, дамы и офицеры. И.И.Неплюев сообщил в Санкт-Петербург: «А при оных персонах служителей и янычаров, также приватных ординарных людей было с пятьсот человек, которые все трак-



Ил. 6. Приём султаном Ахмедом III французского посла. Художник Ж.Б. Ванмур. Первая четверть XVIII в.

¹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1719 г. Д. 12. Л. 1.

² АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1720 г. Д. 4. Л. 85.



Ил. 7. Вид на Стамбул со стороны голландского посольства в Пере.
Художник Ж.Б. Ванмур. 1720–1730 гг.

тованы как пищею, так и питием с удовольствием»¹.

Таким образом, в Петровскую эпоху отношения между Россией и Османской империей стали частью общеевропейской политики. «Территориальное» разделение русских и европейских дипломатов окончательно ушло в прошлое. Условия пре-

бывания русских дипломатов при Высокой Порте практически перестали отличаться от образа жизни в Стамбуле западноевропейских коллег. Впервые в истории русско-османских отношений дипломатические представители России в Стамбуле в качестве полноправных членов вошли в европейский дипломатический корпус.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петросян Ю.А. Русские на берегах Босфора: Исторические очерки. СПб.: Петербургское востоковедение, 1998.
2. Фаизов С.Ф. Краткая статистика дипломатических миссий в русско-турецких взаимоотношениях XVI–XVII вв. // Фаизхановские чтения. 2007. № 4. URL: http://polpred.dumrf.ru/books/materials/faizhanov/4/hist_faizov.htm? (дата обращения: 28.03.2020).
3. Базарова Т.А. «Ни в какие дела не вступаться»: Русские представители в Стамбуле в 1700–1701 гг. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2020. № 8 (в печати).
4. Орешкова С.Ф. Немировский конгресс: От двусторонних осmano-российских отношений к Восточному вопросу. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2015.

¹ Там же. 1722 г. Д. 6. Л. 3 об.–4.

5. Рогожин Н.М. «У государевых дел быть указано...». М.: РАГС, 2002.
6. Базарова Т.А. «Для лутчаго и состоятельнейшаго оного мира охранения...»: Пребывание русского посла П.А. Толстого при османском дворе // Труды Государственного Эрмитажа. [Т.] 101: Петровское время в лицах – 2019: Материалы научной конференции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2019. С. 53–60.
7. Уляницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М.: Типография А. Гатцука, 1883.
8. Базарова Т.А. Две поездки майора Иеронима Натали в Стамбул: дипломатические контакты России и Османской империи в 1715–1718 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 1. С. 84–97. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.1.7>
9. Никифоров Л.А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны: Ништадтский мир. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959.
10. Базарова Т.А. Русские дипломаты при османском дворе: Статейные списки П.П. Шафиров и М.Б. Шереметева 1711 и 1712 гг.: (Исследование и тексты). СПб.: Историческая иллюстрация, 2016.
11. Богословский М.М. Петр I: Материалы для биографии. Т. V: Посольство Е.И. Украинцева в Константинополь: 1699–1700. М.: Центрполиграф, 2007.
12. Berridge G.R. Notes on the Origins of the Diplomatic Corps: Constantinople in the 1620s // Clingendael Discussion Papers in Diplomacy. 2004. N 92. P. 1–20. URL: https://www.peacepalace.library.nl/ebooks/files/Clingendael_20040500_cli_paper_dip_issue92.pdf (дата обращения: 28.03.2020).

ENGLISH

Diplomatic Activity of Peter the Great and the Ottoman Empire

Tatiana Anatolievna Bazarova – Candidate of Science (History), Head of the Scientific and Historical Archive and the Source Studies Group of St. Petersburg Institute of History RAS, Head of the project “Russian Diplomatic Activity and the Ottoman Empire: Peter the Great period” (18-09-00721a).
E-mail: tbazarova@yandex.ru

The diplomatic activity of Peter the Great covered the relations between Russia and the Ottoman Empire in the context of the Great Northern War. The main task of the Russian delegates at Sublime Porte was to maintain peace between the two powers. Diplomatic contacts between Russia and the Ottoman Empire became regular. Under the Treaty of Constantinople (1700) the tsar was allowed to delegate an ambassador to Istanbul residence. The ambassador Pyotr Tolstoy (1702–1710) and the resident Ivan Neplyuyev (1721–1735) remained at Sublime Porte as regular delegates of Peter the Great. After analyzing the records and papers of Posolsky Prikaz (the Ambassadorial Department) and the Collegium of Foreign Affairs, we have managed to establish members of all embassies sent by Peter the Great to Istanbul, as well as to discover tasks set before ambassadors and their solutions, and learn more about the life of ambassadors at the Ottoman court. In the Petrine period, the Russian delegates in Istanbul became full members of the European diplomatic corps.

Keywords: Period of Peter the Great, Russian foreign policy, negotiations between Russia and Turkey, Posolsky Prikaz, Collegium of Foreign Affairs, Ottoman Empire, Great Northern War, diplomatic corps

REFERENCES

1. Petrosyan Yu.A. Russkie na beregakh Bosfora: Istoricheskie ocherki. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 1998 (in Russian).
2. Faizov S.F. Kratkaya statistika diplomaticheskikh missiy v russko-turetskikh vzaimootnosheni-yakh XVI–XVII vv. // Faizkhanovskie chteniya. 2007. № 4. URL: http://polpred.dumrf.ru/books/materials/faizhanov/4/hist_faizov.htm? (data obrashcheniya: 28.03.2020) (in Russian).
3. Bazarova T.A. «Ni v kakie dela ne vstupat'sya»: Russkie predstaviteli v Stambule v 1700–1701 gg. // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. 2020. № 8 (v pechati) (in Russian).
4. Oreshkova S.F. Nemirovskiy kongress: Ot dvustoronnikh osmano-rossiyskikh otnosheniy k Vostochnomu voprosu. M.: In-t vostokovedeniya RAN, 2015 (in Russian).
5. Rogozhin N.M. «U gosudarevykh del byt' ukazano...». M.: RAGS, 2002 (in Russian).
6. Bazarova T.A. «Dlya lutchago i sostoyatel'neyshago onogo mira okhraneniya...»: Prebyvanie russkogo posla P.A. Tolstogo pri osmanskom dvore // Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. [T.] 101: Petrovskoe vremya v litsakh – 2019: Materialy nauchnoy konferentsii. SPb.: Izd-vo Gos. Ermitazha, 2019. S. 53–60 (in Russian).
7. Ulyanitskiy V.A. Dardanelly, Bosfor i Chernoe more v XVIII veke. M.: Tipografiya A. Gattsuka, 1883 (in Russian).
8. Bazarova T.A. Dve poezdki mayora Ieronima Natali v Stambul: diplomaticheskie kontakty Rossii i Osmanskoy imperii v 1715–1718 godakh // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2019. T. 24. № 1. S. 84–97. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.1.7> (in Russian).
9. Nikiforov L.A. Vneshnyaya politika Rossii v poslednie gody Severnoy voyny: Nishtadtskiy mir. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1959 (in Russian).
10. Bazarova T.A. Russkie diplomaty pri osmanskom dvore: Stateynye spiski P.P. Shafirova i M.B. Sheremeteva 1711 i 1712 gg.: (Issledovanie i teksty). SPb.: Istoricheskaya illyustratsiya, 2016 (in Russian).
11. Bogoslovskiy M.M. Petr I: Materialy dlya biografii. T. V: Posol'stvo E.I. Ukrainseva v Konstantinopol': 1699–1700. M.: Tsentrpoligraf, 2007 (in Russian).
12. Berridge G.R. Notes on the Origins of the Diplomatic Corps: Constantinople in the 1620s // Clingendael Discussion Papers in Diplomacy. 2004. N 92. P. 1–20. URL: https://www.peacepalace-library.nl/ebooks/files/Clingendael_20040500_cli_paper_dip_issue92.pdf (data obrashcheniya: 28.03.2020) (in Russian).

ЭКОНОМИКА

УДК 331.5

ГРНТИ 06.77.97

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-100-03-43-54



Д.М. ЛОГИНОВ*

Проблемы и перспективы российской молодёжи на современном рынке труда

Статья содержит анализ ситуации в сфере молодёжной занятости. На материалах репрезентативного социологического исследования молодёжных когорт, проведённого в 2019 г., показано, что ранний выход на рынок труда является социальной нормой, которой массово придерживаются представители всех групп молодёжи.

Рассмотрены характеристики занимаемых молодёжью рабочих мест. По специальности работают около трети получивших профессиональное образование, соответствующая доля сравнительно высока среди занятых в социальной сфере и имеющих образовательный ресурс высокого качества. Выполнена интегральная оценка удовлетворённости работой, показавшая, что у трети молодых людей уровень удовлетворённости достигнутыми трудовыми позициями выше среднего, а 24% опрошенных не удовлетворены своим положением на рынке труда. Выявлено, что перспективы карьерной и зарплатной динамики представляются реальными соответственно для 48 и 64% молодых людей. Факторами, расширяющими перспективы на рынке труда, выступают проживание в крупных городах и наличие высококачественного образовательного ресурса.

Ключевые слова: молодёжь, рынок труда, молодёжная занятость, оплата труда, качество образования, человеческий капитал, социально-экономическая дифференциация

Введение

Исследование положения и перспектив молодёжи на рынке труда — проблематика, сохраняющая актуальность

не только в силу влияния, которое оказывают возникающие в этой области проблемы на социально-экономическую динамику российского общества,

* **Логинов Дмитрий Михайлович** — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), руководитель проекта «Молодёжь на рынке труда: трудоустройство, удержание рабочего места, вертикальная мобильность» (18-010-01124а).
E-mail: loginov-dm@ranepa.ru

но и вследствие того, что новые практики и модели поведения, формируясь в молодёжной среде, впоследствии распространяются на массовые социальные группы разных возрастов. На положение молодёжи в сфере занятости влияют различные факторы: демографические, социально-экономические, институциональные. Их совокупность определяет востребованность на рынке труда и реализацию человеческого потенциала соответствующей возрастной генерации. Отслеживание трудовых стратегий молодёжных когорт относится к важным вопросам формирования социально-экономической политики, и это особенно важно в период нестабильности второй половины 2010-х гг. и начала нового десятилетия.

Занятость молодёжи является традиционной и достаточно хорошо разработанной темой [напр., 1, 2]. В рамках рассмотрения исследовательского дискурса важно остановиться на направлениях, описывающих ситуацию с точки зрения качественной динамики.

Рассмотрение моделей поведения молодёжи в рамках поколенческих различий позволяет сделать вывод о «поколенческом переломе», который определяет принципиальные отличия современной молодёжи от предыдущих поколений [3]. Предметом анализа выступает изменение характера труда со всё более массовым переходом от классической формы занятости (полной, долгосрочной и стабильной) к проектной деятельности [4]. Результаты проводимых исследований свидетельствуют о дисбалансах во взаимодействии системы образования и рынка труда [5], что приводит к напряжению в образовательной и трудовой сферах [6].

Важным общемировым трендом является расширение прекариата [7], который характеризуется нестабильностью занимаемой трудовой позиции и получаемого дохода, что может являться существенным риском для молодёжи, которая включается в состав прекариата наиболее массово [8–10]. Специфика российско-

го рынка труда при этом характеризуется гибкостью и пластичностью системы, что облегчает адаптацию к внешним шокам, но препятствует мобильности рабочей силы и расширению числа рабочих мест, для которых необходим развитый человеческий потенциал [11–13]. Однако представителям молодого поколения удаётся получать приоритет в достижении перспективных рабочих мест, по сравнению с работниками более старших возрастных групп [14–15]. Выделяется также феномен небольших (в общем масштабе соответствующей возрастной генерации) молодёжных групп, которые вообще не стремятся к активности на трудовом рынке [16–17].

Мы рассмотрели особенности трудоустройства российской молодёжи, характеристики занимаемых ими рабочих мест и перспективы в сфере занятости в период между двумя фазами социально-экономической нестабильности. Эмпирической базой исследования послужили данные репрезентативного социологического опроса российской молодёжи в возрасте 18–35 лет, реализованного Институтом социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) в 2019 г. (объём выборочной совокупности – 3500 респондентов).

Выход на рынок труда

Данные исследования показали, что многие из тех, кто принадлежит к занятой молодёжи, начали работать в достаточно раннем возрасте зачастую совмещая работу с получением профессионального образования. Более 40% опрошенных получили первую работу в 18 лет или раньше, а доля тех, кто отложил выход на рынок труда до возраста старше 22 лет, составляет лишь 12%. Мужчины значительно чаще осуществляют первичное трудоустройство в самом раннем возрасте (до 18 лет), но гендерная дифференциация в наполненности групп сравнительно позднего выхода на рынок труда невелика (табл. 1).

Таблица 1

**Возраст первичного выхода на рынок труда мужчин и женщин
(% по строке от работающих)**

Гендерные группы	Возраст выхода на рынок труда, лет				
	младше 18	18	19–20	21–22	старше 22
Мужчины	23,4	21,5	26,9	17,7	10,5
Женщины	15,0	23,4	28,3	18,6	14,7
<i>В целом</i>	<i>19,4</i>	<i>22,4</i>	<i>27,6</i>	<i>18,1</i>	<i>12,5</i>

Таблица 2

**Возраст выхода на рынок труда, по группам ресурсообеспеченности
родительской семьи (% по строке от работающих)**

Ресурсообеспеченность родительской семьи	Возраст выхода на рынок труда, лет				
	младше 18	18	19–20	21–22	старше 22
Низкая	21,4	21,1	30,2	14,5	12,8
Средняя	18,4	22,9	26,1	20,3	12,3
Высокая	16,1	24,6	25,0	21,6	12,7
<i>В целом</i>	<i>19,4</i>	<i>22,4</i>	<i>27,6</i>	<i>18,1</i>	<i>12,5</i>

Для имеющих профессиональное образование характерно более позднее трудоустройство, и в наибольшей степени это относится к выпускникам вузов. Так, в возрасте старше 20 лет получили первую работу 16% те, кто ограничил свою подготовку средней школой, 21% имеющих среднее профессиональное образование и 42% – высшее.

Как можно было предположить, возраст выхода на рынок труда определяется, в числе прочего, материальными и социальными характеристиками домохозяйств, в которых росли молодые люди. Полученные данные показывают, что хотя молодёжь из малообеспеченных родительских семей чаще начинает работать

в раннем возрасте и реже откладывает выход на рынок труда, различия крайне невелики и находятся в пределах нескольких процентных пунктов.

Для более полного выявления влияния этого фактора мы разработали интегральный показатель ресурсообеспеченности родительской семьи¹, который позволяет дифференцировать социально-экономический потенциал домохозяйства в период формирующего возраста молодёжи. Как показывают данные, приведённые в (табл. 2), респонденты из низкоресурсных семей чаще начинают зарабатывать в возрасте, не достигающем 18 лет. Суммарная наполненность двух когорт, соответствующих максимально

¹ Ресурсообеспеченность родительской семьи – показатель, интегрирующий следующие характеристики: высокий или выше среднего уровень материальной обеспеченности домохозяйства в период окончания школы; наличие высшего образования у хотя бы одного из родителей; у родителей были возможности помочь поступить в желаемое учреждение профессионального образования; у родителей были возможности помочь с трудоустройством. При наличии каждой из характеристик присваивается по 1 баллу ресурсообеспеченности. 4 балла – высокий уровень ресурсообеспеченности (12% респондентов); 2-3 балла – средний уровень ресурсообеспеченности (49%); 0-1 балл – низкий уровень ресурсообеспеченности (39%).

Таблица 3

**Возраст выхода на рынок труда, по типам поселений
(% по строке от работающих)**

Типы поселений	Возраст выхода на рынок труда, лет				
	младше 18	18	19–20	21–22	старше 22
Города более 1 млн жителей	20,1	24,4	26,6	17,1	11,8
Города более 250 тыс. жителей	19,2	22,8	26,7	20,3	11,0
Города до 250 тыс. жителей	17,9	24,5	27,7	18,1	11,8
Сельские поселения	20,4	15,6	30,2	16,5	17,3
<i>В целом</i>	<i>19,4</i>	<i>22,4</i>	<i>27,6</i>	<i>18,1</i>	<i>12,5</i>

позднему трудоустройству, для выходцев из семей с низкой ресурсной обеспеченностью составляет 27%, в то время как среди молодёжи, чьи родители характеризуются средним и высоким ресурсным потенциалом, соответствующие ответы распространены на 32 и 34%.

Территориально-поселенческая дифференциация возрастных стратегий выхода на рынок труда иллюстрирует следующую ситуацию (табл. 3). Жители сельских поселений имеют в своём составе наибольшую долю тех, кто максимально отложил трудоустройство, и эта доля составляет 17%, превышая соответствующий показатель в других поселенческих типах на 6 п.п. Получение первой работы в возрасте 18 лет или младше характеризует практики 36% сельских жителей, 42% представителей небольших и средних городов и 44,5% проживающих в мегаполисах. Таким образом, мы видим, что различия между городской и сельской молодёжью существенно превышают дифференциацию между проживающими в городах различного размера.

Обобщая, можно отметить, что стратегия раннего трудоустройства стала массовой нормой, которая поддерживается всеми социальными группами. Отложенный выход на рынок труда, с получением первой работы в возрасте старше 22 лет, в сравнительно большей степени характеризует сельских жителей, женщин, а также молодых людей, получающих высшее образование.

Положение на рынке труда

Результаты исследования показывают, что по специальности работают 32% молодых людей, имеющих профессиональное образование, а 17% заняты по близкой (смежной) специальности. Таким образом, 51% молодёжи занимают рабочее место, профиль которого напрямую не связан с направлением полученной профессиональной подготовки. Больше соответствие выполняемой работы полученной специальности демонстрируют те, кто закончил вуз, и разница в наполненности соответствующей группы, по сравнению с получившими среднее профессиональное образование, составляет 9 п.п.

Выделяются отраслевые группы, занятость в которых предполагает разную степень соотношения с полученной специальностью (табл. 4).

В качестве наименее «требовательных» к профилю подготовки сотрудников выступают сферы торговли, бытового обслуживания и общественного питания, в которых не по специальности работают 70% молодых людей. Следующая группа отраслей представлена жилищно-коммунальным хозяйством, транспортом, строительством и силовыми структурами, в которых не по специальности трудятся около 60%, а абсолютное соответствие демонстрируют 25–30%. В сфере информационных технологий, где традиционно широки возможности дополнительного образования и профессиональ-

Таблица 4

**Связь работы с полученной специальностью, по отраслевым группам
(% по строке от работающих, имеющих профессиональное образование)**

Отраслевые группы	Связь работы с полученной специальностью		
	по специальности	по близкой специальности	не по специальности
Торговля, бытовое обслуживание населения, общепит	17,3	12,7	70,0
Силловые структуры	29,7	8,8	61,5
ЖКХ, транспорт	26,8	12,5	60,7
Строительство	29,7	11,0	59,3
Сельское хозяйство	43,1	9,2	47,7
Информационные технологии	26,6	27,7	45,7
Промышленность	38,6	21,3	40,1
Гос. и муниципальное управление	41,6	22,6	35,8
Образование, здравоохранение, наука, культура	49,1	21,5	29,4
<i>В целом</i>	<i>32,1</i>	<i>16,9</i>	<i>51,0</i>

Таблица 5

Связь работы с полученной специальностью, по группам качества образовательного ресурса (% по строке от работающих, имеющих профессиональное образование)

Качество образовательного ресурса	Связь работы с полученной специальностью		
	по специальности	по близкой специальности	не по специальности
Ниже среднего	24,2	12,0	63,8
Среднее	31,0	16,6	52,4
Выше среднего	33,8	19,7	46,5
Высокое	42,7	19,2	38,1
<i>В целом</i>	<i>32,1</i>	<i>16,9</i>	<i>51,0</i>

ной переподготовки, доля работающих не по специальности составляет 45%, а число занятых по близкому профилю максимально. В промышленности и сельском хозяйстве сравнительно велики группы как тех, чья занятость никак не соотносится с полученным образованием, так и демонстрирующих в этом абсолютное соответствие. Молодые люди, занятые в государственном и муниципальном управле-

нии, а также отраслях социальной сферы, демонстрируют наибольшую приверженность работе в рамках полученной специальности.

Полученное молодыми людьми образование может быть рассмотрено не только с точки зрения достигнутого уровня, но с учётом качественных характеристик. Для этого мы разработали интегральный показатель качества образовательного ре-

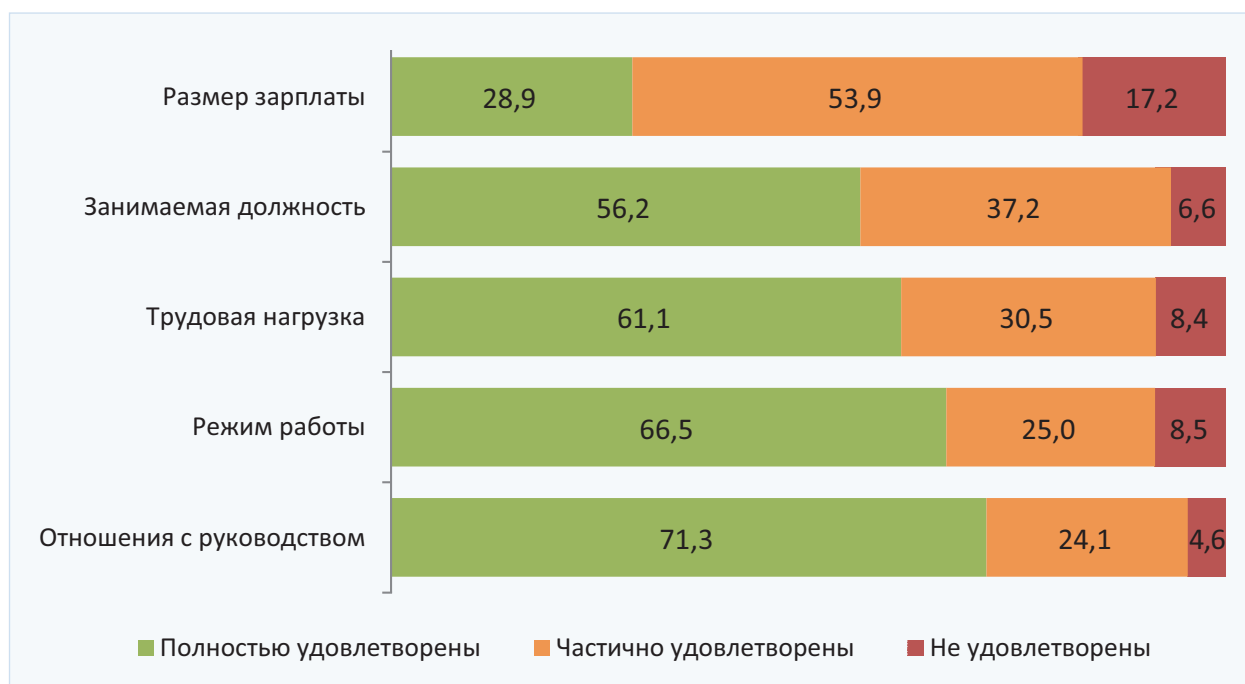


Рис. 1. Удовлетворённость различными аспектами работы, % от работающих

сурса представителей молодёжных групп¹, которые закончили профессиональное учебное заведение (среднее или высшее). Распределение иллюстрирует, что высокое качество образовательного ресурса имеют 14,6% респондентов; выше среднего – 28,9%; среднее – 35,9%; ниже среднего – 20,6%. Качество полученного образования явным образом дифференцирует молодёжные группы по критерию взаимосвязи профиля профессиональной подготовки и сферы деятельности. Подготовка высокого качества максимизирует шансы работы по полученной специальности (табл. 5).

Большинство молодых людей работают по нормированному графику (52%), почти у каждого пятого он скользящий, а 29% респондентов трудятся в ненормированном режиме. Ненормированный режим в наибольшей степени характерен для занятых

в сфере услуг (27% данной группы), а также жилищно-коммунального хозяйства и транспорта (24%). Работа по скользящему графику чаще встречается в строительстве (40%), ЖКХ и транспорте (37%).

Теперь рассмотрим уровень удовлетворённости молодых людей достигнутыми трудовыми позициями по различным параметрам (рис. 1). Важно отметить, что по большинству из них полностью удовлетворены занимаемым рабочим местом свыше половины опрошенных. В наименьшей степени молодых людей устраивает оплата труда – только 29% отметили максимальный уровень удовлетворённости, а более чем каждого пятого получаемое вознаграждение абсолютно не устраивает. По каждой из четырёх прочих позиций более половины молодых людей декларируют абсолютную удовлетворённость, а доля тех, кого ситу-

¹ Показатель качества образовательного ресурса рассчитан путём баллирования и последующего суммирования индикаторов качества образовательного ресурса: школьное образование – 1 балл в случае субъективной оценки его качества как «высокое»; профессиональное образование – 1 балл при субъективной оценке качества как «среднее» или 2 балла как «высокое»; при наличии дополнительного образования в последние годы – 1 балл. Интегральная оценка характеризуется значениями: 4 балла – высокое качество образовательного ресурса, 3 балла – качество образовательного ресурса выше среднего, 2 балла – среднее качество образовательного ресурса, менее 2 баллов – качество образовательного ресурса ниже среднего.

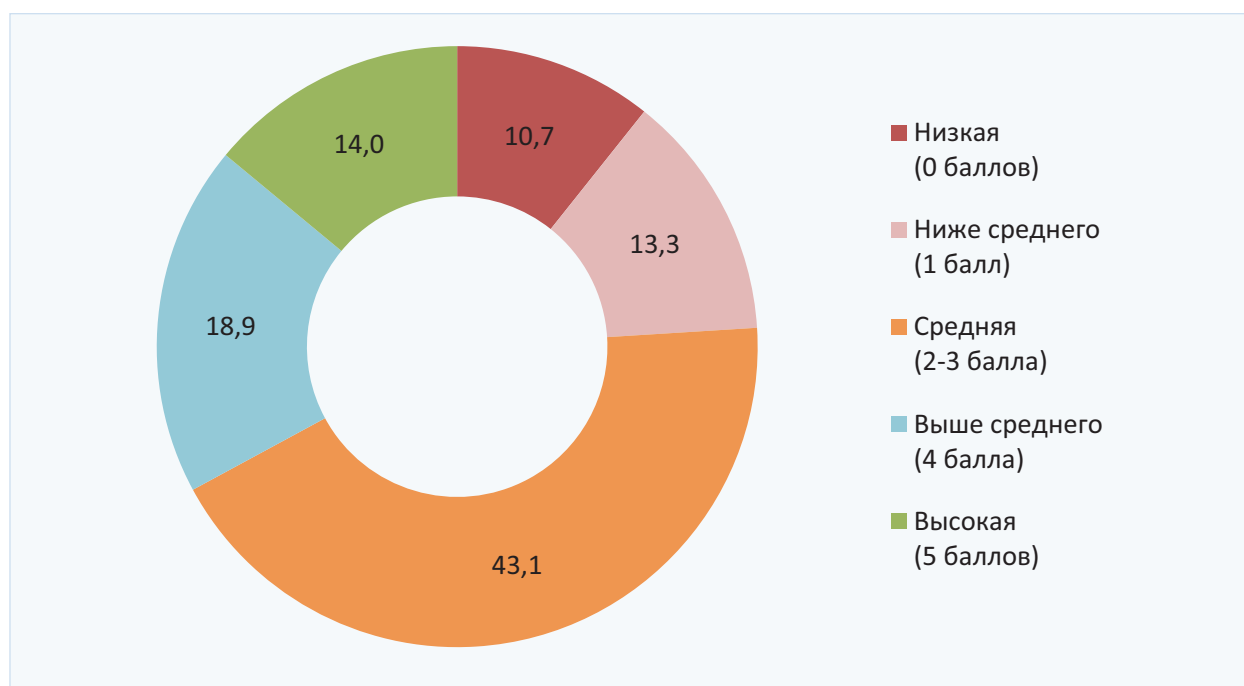


Рис. 2. Уровень удовлетворённости имеющейся работой, интегральная оценка, % от работающих

ация не устраивает, составляет менее 10%. Касательно режима работы и отношений с руководством уровень полной удовлетворённости максимален, характеризуя соответственно три четверти и 71% респондентов.

Как показано выше, в отношении большинства индикаторов оценки удовлетворённости работой реальная массовая дифференциация проходит по границе наличия или отсутствия абсолютной удовлетворённости. На основании анализа комплекса полученных данных о таких оценках различных сторон работы был выявлен интегральный уровень удовлетворённости молодёжи занимаемой трудовой позицией¹. Данные, представленные на (рис. 2), показывают, что для 43% молодых людей характерен средний уровень удовлетворённости, а распределение остальных существенно смещено в сторону высоких оценок (совокупные доли значений «выше среднего – высо-

кий» и «ниже среднего – низкий» составляют соответственно 33% и 24%).

Представители самой молодой возрастной группы характеризуются максимальными показателями удовлетворённости, с переходом в следующие когорты субъективное восприятие занимаемых позиций на рынке труда ухудшается. Это можно объяснить тем, что для части наиболее молодых респондентов оплата труда не является основным доходом, дополняя родительские дотации, а также минимальным объёмом собственных обязательств, субъективно снижающих зарплатные запросы. С достижением возраста старшей из рассматриваемых когорт показатели интегральной удовлетворённости сглаживаются, и отличия от средних по выборке значений составляют около 1 п.п. (табл. 6).

Повышение качественных характеристик образовательного ресурса существенно увеличивает шансы достижения

¹ Интегральная оценка уровня удовлетворённости рассчитана путём баллирования оценок респондентов в отношении удовлетворённости каждым из аспектов работы, при котором каждый из ответов «полностью удовлетворены» соответствует 1 баллу. Высокая интегральная удовлетворённости соответствует 5 баллам получившейся шкалы, удовлетворённости выше среднего – 4 баллам, средняя – 2-3, ниже среднего – 1, низкая – 0 баллов.

Таблица 6

**Уровень удовлетворённости имеющейся работой,
по возрастным группам (% по строке)**

Возрастные группы, лет	Уровень удовлетворённости работой				
	низкий	ниже среднего	средний	выше среднего	высокий
18 — 22	8,3	11,7	44,4	17,1	18,5
23 — 27	9,7	15,5	42,2	19,5	13,1
28 — 31	12,7	13,2	43,6	18,2	12,3
32 — 35	10,6	12,3	42,8	20,0	14,3
<i>В целом</i>	<i>10,7</i>	<i>13,3</i>	<i>43,1</i>	<i>18,9</i>	<i>14,0</i>

Таблица 7

Уровень удовлетворённости имеющейся работой, по группам качества образовательного ресурса (% по строке от работающих, имеющих профессиональное образование)

Качество образовательного ресурса	Уровень удовлетворённости работой				
	низкий	ниже среднего	средний	выше среднего	высокий
Ниже среднего	12,9	17,9	45,1	13,4	10,7
Среднее	13,2	14,4	44,2	17,4	10,8
Выше среднего	9,6	11,6	40,0	23,5	15,3
Высокое	7,4	7,7	43,8	22,5	18,6
<i>В целом</i>	<i>11,3</i>	<i>13,3</i>	<i>43,1</i>	<i>19,1</i>	<i>13,2</i>

Таблица 8

Доля молодёжи, имеющей позитивную динамику карьеры и оплаты труда в организациях различной успешности (% от работающих)

Экономическое положение предприятия	Доля имеющих позитивную динамику	
	карьерные продвижения	оплата труда
Хорошее	40,6	66,2
Среднее	29,2	48,0
Плохое	26,7	38,0
<i>В целом</i>	<i>35,6</i>	<i>57,9</i>

приемлемых позиций на рынке труда (табл. 7). Различия в наполненности полярных групп удовлетворённости имеющейся работой среди получивших максимальный и минимальный образовательный ресурс приближены к двукратным.

Уровень удовлетворённости, превышающий средний, демонстрируют около 40% имеющих высокие и выше среднего показатели образовательного ресурса, тогда как при развитии образовательного потенциала на среднем и ниже среднего уровнях

Таблица 9

Доля молодёжи, предполагающей позитивную динамику карьеры и оплаты труда, по возрастным группам (% от работающих)

Возрастные группы, лет	Доля предполагающих позитивную динамику	
	карьерные продвижения	оплата труда
18–22	54,9	73,0
23–27	55,0	68,3
28–31	46,7	61,4
32–35	41,2	59,5
В целом	48,4	64,3

распространённость таких оценок снижается до 28% и 24%, соответственно.

Уровень территориально-поселенческих различий в характеристиках занимаемых рабочих мест невысок. Среди жителей мегаполисов отмечается несколько большая доля молодых людей, фиксирующих удовлетворённость занимаемыми трудовыми позициями, однако разница в наполненности соответствующих групп составляет лишь около 3 п.п. Возможным объяснением этого может служить различный уровень ожиданий и притязаний молодёжи в мегаполисах и провинции.

Карьерные перспективы

За период трудовой деятельности достичь карьерного роста смогли около 36% молодых работников. Карьерное продвижение является более достижимым для мужчин, среди которых этого смогли добиться 41% (против 30% женщин). Позитивная динамика оплаты труда отмечена у 58% респондентов, и в данном случае приоритет мужчин выражен существенно менее явно: рост оплаты труда за период карьеры отметили 61% мужчин и 55% женщин.

Виды и интенсивность стимулирования труда за счёт зарплатных и карьерных поощрений существенно различаются в зависимости от экономического положения предприятий и организаций, где трудятся респонденты (табл. 8). Чем оно лучше, тем активнее работодатель готов стимулиро-

вать труд молодёжи. При этом нужно заметить, что карьерные продвижения молодых работников даже на наиболее эффективно развивающихся предприятиях ограничены. Таким образом, перспективы интенсивной вертикальной мобильности и, в целом, функционирования социальных лифтов, остаются проблемой.

Теперь рассмотрим представления молодых людей о перспективах в сфере занятости. Как показывают результаты исследования, на временном горизонте одного-двух лет роста оплаты труда ожидают 64%, а должностного повышения — 48%, и наибольший оптимизм характерен для младших возрастных когорт (табл. 9).

Гендерные различия достаточно значимы при характеристиках имеющейся динамики, в оценках же перспектив они сглаживаются, и повышений (как должности, так и оплаты труда) ожидают практически равные доли мужчин и женщин. Уровень позитива в оценках имеющихся перспектив максимизирован в крупных городах, имеющих развитые рынки труда, а в наименьшей степени позитивные ожидания характерны для сельских жителей (табл. 10).

Возможности получения перспективных позиций на рынке труда расширяются с повышением образовательного потенциала. При этом различия по уровню профессионального образования (среднего профессионального или высшего) не столь за-

Таблица 10

**Доля молодёжи, предполагающей позитивную динамику карьеры
и оплаты труда, по типам поселений (% от работающих)**

Типы поселений	Доля предполагающих позитивную динамику	
	карьерные продвижения	оплата труда
Города с населением более 1 млн жителей	56,9	70,3
Города с населением более 250 тыс. жителей	47,7	65,5
Города с населением до 250 тыс. жителей	47,1	61,7
Сельские поселения	40,0	58,6
<i>В целом</i>	48,4	64,3

метны, как дифференциация по качеству образовательного ресурса. Так, среди респондентов, имеющих образовательный ресурс высокого качества, доля позитивных ожиданий в отношении оплаты труда составляет около 70%, а в отношении карьерных продвижений – почти 60%.

Заключение

Для российской молодёжи характерен достаточно массовый выход на рынок труда в ранних возрастах, зачастую сочетающий одновременную реализацию образовательных и трудовых траекторий. При этом возможности формирования образовательного ресурса высокого качества, расширяющего шансы занять профильное рабочее место и обеспечивающего перспективы позитивной трудовой динамики, существенно ограничены.

Положение молодёжи в сфере занятости характеризуется значительной нерав-

ноценностью рабочих мест. Наименее позитивно работники оценивают уровень получаемого дохода: доля полностью удовлетворённых им составляет менее 30%. Интегральная оценка субъективного восприятия занимаемых позиций на рынке труда свидетельствует о том, что удовлетворённость на уровне выше среднего свойственна трети молодых людей. Обладание развитыми ресурсами (как родительской семьи, так и индивидуальными) способствует достижению лучших трудовых позиций, однако отнюдь не гарантирует успешной карьеры.

Представители молодёжных когорт демонстрируют определённый оптимизм в отношении карьерных перспектив и возможностей повышения дохода. Однако период социально-экономической нестабильности, вызванный последствиями эпидемиологического шока, в значительной степени «подвешивает» эти перспективы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голиусова Ю.В. Молодежь России: отношение к труду и занятости в условиях трансформации социально-экономической структуры российского общества // Модернизация социальной структуры российского общества. / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 261–270.
2. Чередниченко Г. А. Трудоустройство и положение на рынке труда выпускников среднего профессионального образования // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 67–77.
3. Радаев В.В. Прощай, советский простой человек! // Общественные науки и современность. 2018. № 3. С. 51–65.
4. Бауман З. Индивидуализированное общество, М.: Логос, 2002.
5. Ключарев Г.А. Разрыв образования и рынка труда: мнения экспертов // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 49–56.

6. Авраамова Е.М. Рынок труда и система образования: трудности перевода сигналов // Общественные науки и современность. 2011. № 3. С. 51–61.
7. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс, М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.
8. Тощенко Ж.Т. Феномен прекариата: теоретические и методологические основания исследования // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 51–63.
9. Шевченко И.О., Шевченко П.В. Гендерные особенности прекарности // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 84–95.
10. Тихонова Н.Е. Прекариат и перспективы изменения социальной структуры российского общества // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 167–173.
11. Гимпельсон В.Е. Возраст и заработная плата: стилизованные факты и российские особенности // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 185–237.
12. Капелюшников Р.И. Российская модель рынка труда: что впереди? // Вопросы экономики. 2003. № 4. С. 83–100.
13. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения / Под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшниковой, С.Ю. Рощина. Доклад Центра трудовых исследований и Лаборатории исследований рынка труда – НИУ ВШЭ, 2017. [Электронный ресурс] URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/218427624> (дата обращения: 18.08.2020).
14. Ляшок В.Ю., Рощин С.Ю. Молодые и пожилые работники на российском рынке труда: являются ли они конкурентами? // Журнал Новой экономической ассоциации. 2017. № 1(33). С. 117–140.
15. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. Российская модель рынка труда: ценовое измерение // Зарплата в России: эволюция и дифференциация. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2008. С. 18–96.
16. Варшавская Е.Я. Российская НЕЕТ-молодёжь: характеристики и типология // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 31–39.
17. Зудина А.А. «Не работают и не учатся»: молодёжь НЕЕТ на рынке труда в России // Мир России: Социология, этнология. 2019. Т. 28. № 1. С. 140–160.

ENGLISH

Challenges and Prospects for Russian Youth in the Modern Labor Market

Dmitry Mikhailovich Loginov – Candidate of Science (Economics), Senior Researcher at the Institute of Social Analysis and Forecasting of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА), Head of the project ‘Youth on Labor Market: Employment, Job Retention, Upward Mobility’ (18-010-01124a).
E-mail: loginov-dm@ranepa.ru

The paper analyzes the current state of youth employment. Findings of 2019 representative sociological study of youth cohorts show that early entry into labor market is a social norm commonly followed by all groups of young people.

The paper studies characteristics of jobs taken up by young people. About one third of graduates works in the field of their specialization (major), their share is relatively higher in the social sector and among them, there are more those who have high quality educational resources. The paper covers an integral estimation of job satisfaction, showing that one third of young people are satisfied with their job above average, while 24% of surveyed are not satisfied with their position on the labor market. It shows that young people find the prospects of career progress (48%) and income development (64%) rather realistic. The factors that contribute to the prospects on the labor market are living in major cities and availability of high-quality educational resources.

Keywords: youth, labor market, youth employment, labor remuneration, quality of education, human assets, social and economic disparity

REFERENCES

1. Goliusova Yu.V. Molodezh Rossii: otnoshenie k trudu i zanyatosti v usloviyah transformatsii sotsial'no-ekonomicheskoi strukturi rossiiskogo obshchestva // Modernizatsiya sotsial'noi strukturi rossiiskogo obshchestva / Otv. red. Z.T. Golenkova). M.: Institut soctsiologii RAN, 2008. S. 261–270 (in Russian).
2. Cherednichenko G.A. Trudoustroistvo i polozhenie na rynke truda vypusknikov srednego professional'nogo obrazovaniya // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2019. № 7. S. 67–77 (in Russian).
3. Radaev V.V. Proshchay, sovetskiy prostoy chelovek! // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2018. № 3. S. 51–65 (in Russian).
4. Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo, M.: Logos, 2002. – 390 s. (in Russian).
5. Klyucharev G.A. Razryv obrazovaniya i rynka truda: mneniya ekspertov // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2015. № 11. S. 49–56 (in Russian).
6. Avraamova E.M. Rynok truda i sistema obrazovaniya: trudnosti perevoda signalov // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2011. № 3. S. 51–61 (in Russian).
7. Standing G. Prekariat: novyy opasnyy klass, M.: Ad Marginem Press, 2014. – 328 s. (in Russian).
8. Toshchenko Zh.T. Fenomen prekariata: teoreticheskie i metodologicheskie osnovaniya issledovaniya // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2019. № 9. S. 51–63 (in Russian).
9. Shevchenko I.O., Shevchenko P.V. Gendernye osobennosti prekarnosti // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2019. № 9. S. 84–95 (in Russian).
10. Tikhonova N.E. Prekariat i perspektivy izmeneniya sotsial'noy struktury rossiyskogo obshchestva // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2019. № 2. S. 167–173 (in Russian).
11. Gimpel'son V.E. Vozrast i zarabotnaya plata: stilizovannye fakty i rossiyskie osobennosti // Ekonomicheskii zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. 2019. № 2. S. 185–237 (in Russian).
12. Kapelyushnikov R.I. Rossiyskaya model' rynka truda: chto vpered? // Voprosy ekonomiki. 2003. № 4. S. 83–100 (in Russian).
13. Rossiyskiy rynek truda: tendentsii, instituty, strukturnye izmeneniya / pod red. Gimpel'sona V.E., Kapelyushnikova R.I., Roshchina S.Yu. Doklad Tsentra trudovykh issledovaniy i Laboratorii issledovaniy rynka truda – NIU VSHE, 2017. [Elektronnyy resurs] URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/218427624> (data obrashcheniya: 18.08.2020) (in Russian).
14. Lyashok V.Yu., Roshchin S.Yu. Molodye i pozhilye rabotniki na rossiyskom rynke truda: yavlyayutsya li oni konkurentami? // Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii. 2017. № 1 (33). S. 117–140 (in Russian).
15. Gimpel'son V.E., Kapelyushnikov R.I. Rossiyskaya model' rynka truda: tsnovoe izmerenie / V kn.: Zarabotnaya plata v Rossii: evolyutsiya i differentsiatsiya. M.: Izdatel'skiy dom GU-VSHE, 2008. – S. 18–96 (in Russian).
16. Varshavskaya E.Ya. Rossiyskaya NEET-molodyozh': kharakteristiki i tipologiya // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2016. № 9. S. 31–39 (in Russian).
17. Zudina A.A. «Ne rabotayut i ne uchatsya»: molodyozh' NEET na rynke truda v Rossii // Mir Rossii: Sotsiologiya, etnologiya. 2019. T. 28. № 1. S. 140–160 (in Russian).

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

УДК 165
ГРНТИ 02.15.31
DOI: 10.22204/2587-8956-2020-100-03-55-63



В.А. ЛЕКТОРСКИЙ*

Э.В. Ильенков – классик отечественной философии

Эвальд Васильевич Ильенков (1924–1979) – особая фигура в нашей философии: он во многом определил характер того движения, которое можно считать своеобразным «философским Ренессансом», возникшим во второй половине XX в. в нашей стране. Он выдвинул целый ряд идей, которые опередили своё время и могут быть по-настоящему оценены только в наши дни. Это относится, в частности, к пониманию способа восхождения от абстрактного к конкретному в построении научной теории. В понимании проблемы идеального Ильенков предвосхитил центральную проблематику в современном комплексе когнитивных наук: «энактивистский» подход и идеи «расширенного познания».

Цель проведённого исследования состояла в том, чтобы ввести в научный оборот целый ряд ранее неизвестных текстов Э.В. Ильенкова 1960-х – 1970-х гг., дать обстоятельный комментарий к ним, разработать справочный аппарат, представить общественно-политический контекст, в котором работал философ, с помощью материалов личного, а также государственных и научных архивов. При жизни Э.В. Ильенкова его работы подвергались жёсткой редакторской правке, цензурировались и сокращались; задачей исследования было восстановить их в авторском варианте, а также опубликовать рукописи, которые не смогли увидеть свет в советские времена. К концу 2020 г. вышли четыре тома Собрания сочинений Э.В. Ильенкова. Издание их выводит эту работу на новый уровень, задаёт стандарт для переводов и исследований научного наследия философа во всём мире.

Ключевые слова: диалектика, абстрактное, конкретное, идеальное, деятельность, личность, Э.В. Ильенков

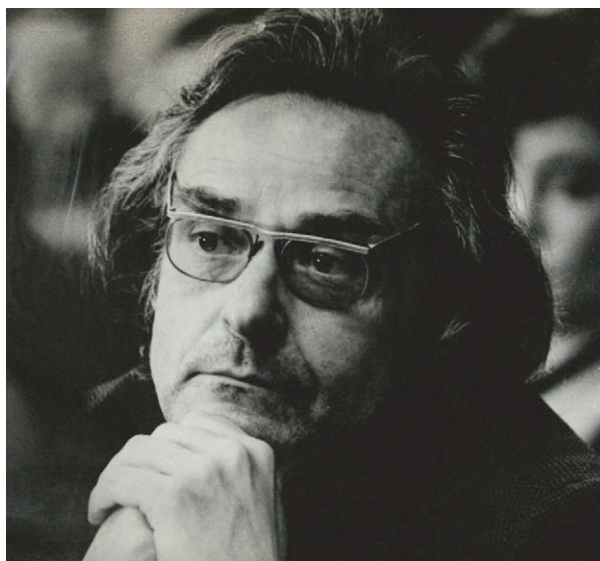
* **Лекторский Владислав Александрович** — доктор философских наук, академик РАН, главный научный сотрудник Института философии РАН, руководитель проекта «Подготовка к печати неизданных работ Э.В. Ильенкова 60-х – 70-х гг. из архива философа» (17-03-00160а).
E-mail: v.a.lektorski@gmail.com

Новое обращение к наследию Ильенкова

В последние 10–15 лет в мире наблюдается значительный рост интереса к творчеству Э.В.Ильенкова (ил. 1). В нашей стране ежегодно проводятся «Ильенковские чтения», собирающие философов, социологов, психологов из разных регионов России и зарубежных стран. Почти каждый год выходят новые переводы его работ – на английский, испанский, португальский, немецкий, греческий и другие языки; готовится французский перевод первой книги Ильенкова. Вышла коллективная монография, посвящённая «Диалектике идеального» [1]. Недавно образована международная группа «International Friends of Ilyenkov», которая регулярно проводит симпозиумы и семинары, посвящённые анализу творчества Ильенкова.

В исследовательскую группу, работавшую в рамках проекта РФФИ, входили В.А.Лекторский (руководитель), Е.Э.Иллеш и А.Д.Майданский. Одной из задач исследования было опубликовать рукописи, которые не смогли увидеть свет в советские времена. 14 таких архивных текстов напечатаны в монографии [2]. Кроме того, в монографии предпринята попытка, опираясь на архивные данные, проследить ход мысли Э.В.Ильенкова, параллельно реконструируя исторический и философско-теоретический контекст его творчества.

В научный оборот были введены не опубликованные прежде работы Э.В.Ильенкова, посвящённые фундаментальным философским проблемам и имеющие принципиальное значение для развития современной философии. Все работы снабжены развёрнутым научным комментарием. В ходе исследования был оцифрован, каталогизирован и изучен личный архив Э.В.Ильенкова; собраны и частью опубликованы освещающие его научную жизнь документы, найденные в государственных архивах (МГУ, АН СССР, партархив), и аудиозапись лекции, прочитан-



Ил. 1. Э.В. Ильенков

ной Э.В.Ильенковым в 1979 г. (оцифрована, расшифрована и напечатана в [3] с комментарием и примечаниями). Этот массив документов позволяет – зачастую с неожиданными подробностями – воссоздать картину развития послевоенной советской философии.

Главным результатом проекта стало издание Собрания сочинений Э.В.Ильенкова, снабжённое предисловиями, примечаниями и комментариями к каждой работе.

При составлении томов приоритет отдан хронологическому принципу. Внутри каждого тома работы сгруппированы по тематике и жанрам. В конце тома помещаются комментарии и справочный аппарат.

Все работы, сохранившиеся в архиве, публикуются с минимально необходимыми грамматическими и стилистическими коррективами. Места, сокращённые редакторами и подвергнутые смысловой правке, восстанавливаются в том виде, как их задумывал автор. С этой целью все существующие издания работ Ильенкова сверялись с сохранившимися архивными рукописями. Аутентичность текста в настоящем Собрании сочинений ставится во главу угла.

После выхода в свет четырёх томов Собрания [4–7] (ил. 2) исследовательская

группа предполагает продолжить работу: уже распланированы и подготовлены материалы для полного Собрания сочинений в 10 томах. Завершена работа над сайтом Э.В.Ильенкова (iljenkov.ru), куда вошли архивные материалы, письма, рукописи, фотографии и документы.

В российских и зарубежных изданиях опубликован ряд статей, связанных с работой по проекту [8–18].

О предмете философии

В первом томе Собрания сочинений Э.В.Ильенкова опубликованы «Тезисы» о предмете философии, написанные в 1954 г. молодыми преподавателями философского факультета МГУ Э.В.Ильенковым и В.И.Коровиковым. «Тезисы», которые в своё время бурно обсуждались и осуждались, считались утраченными. Они были найдены в 2016 г. в архиве РАН дочерью Ильенкова Е.Э.Иллеш – участником данного проекта [4].

В советской философии считалось общепринятым (со ссылками на Ф.Энгельса и В.И.Ленина) положение о том, что философия изучает всеобщие законы развития природы, общества и человеческого мышления. Авторы «Тезисов» утверждали нечто еретическое с господствовавшей точки зрения: философия – это теория познания, ещё точнее, теория мышления. Логика рассуждения авторов была такова. Предельно общие характеристики действительности (как природы, так и общества) «в чистом виде» выделяются в категориальной структуре мышления. Исследуя последнюю и связанные с ней методы мышления, мы тем самым постигаем и всеобщие определения самого бытия.

Познание (в частности мышление) изучается разными специальными науками, начиная с психологии, включая формальную логику и лингвистику (ведь лексика и грамматика каждого языка – это объективированное мышление), а в наши дни мы могли бы добавить сюда также исследования в области искусственного интеллекта и даже в сфере нейронаук – ней-

родинамические механизмы реализации познавательных процессов. Чем же отличается философское изучение познания (теория познания) от того, как познание исследуется в специальных научных дисциплинах?

Именно тем, отвечают на этот вопрос Э.В.Ильенков и В.И.Коровиков, что философия выделяет в познании (мышлении) то, в чём оно совпадает с бытием. Главный вопрос теории познания – вопрос о том, что считать знанием. Последнее – продукт мышления, который соответствует тому, что имеет место на самом деле и поэтому является истинным. Если специальные науки о познании (мышлении) выходят на эту проблематику, они неизбежно упираются в философские вопросы.

Хотя сами авторы «Тезисов» постоянно подчеркивали, что в их понимании предмета философии нет ничего нового, что они просто восстанавливают то, о чём писали В.И.Ленин и Ф.Энгельс, что их идеи лишь констатируют объективные тенденции историко-философского процесса, в действительности это было выражением принципиально нового этапа развития нашей философии, возникновения новой проблематики.

Диалектика абстрактного и конкретного

Принципиальное значение в развитии нашей философии имели работы Э.В.Ильенкова, связанные с изучением метода восхождения от абстрактного к конкретному как способа построения научной теории. Прежде всего это книга «Диалектика абстрактного и конкретного в “Капитале” Маркса», вышедшая в 1960 г. Эта книга печаталась с большими препонами по разным причинам. В частности это было связано с тем, что развивавшиеся в книге идеи (до этого Ильенков излагал их в ряде статей) были вызовом принятому тогда у нас способу понимания познания вообще, научного познания в частности.



Ил. 2. Первые тома Собрания сочинений Э.В. Ильенкова

Считалось, что познание проходит путь «от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике». Иными словами, познание — это движение от конкретного к абстрактному. Такое понимание казалось естественным, соответствующим здравому смыслу. Между тем, как показал Ильенков (с опорой на методологический опыт Маркса в «Капитале»), научная теория строится иначе: она разворачивается из некоторого исходного пункта, который фиксирует сущность изучаемых явлений. Важно, что этот исходный пункт не может быть получен путём простой фиксации повторяющихся событий в эмпирическом опыте. Этот исходный пункт («клеточка» развития теории) — не нечто «абстрактно-общее», как это понимал философский эмпиризм, а «конкретно-всеобщее», т.е. выражение глубинного закона функционирования и развёртывания изучаемой системы. «Клеточка» абстрактна, но это абстракция особого рода: она не формальна, а конкретна. В «Капитале» такой «клеточкой» является товар. Маркс показывает, что исходя из понимания того, что именно товар выражает глубинную сущность отношений изучаемой им экономической системы, можно понять в ней всё остальное, включая то, что происходит с человеком. Это делается путём дальнейшей конкретизации «клеточки» — установления её смысловых связей с другими сторонами изучаемой

системы. При этом процесс конкретизации («восхождение») — это не просто движение в абстракциях. Это всегда привлечение к осмыслению нового эмпирического материала.

Эвальд Васильевич утверждал, что метод восхождения — это не специфическая особенность построения Марксова «Капитала», а всеобщий метод любого теоретического мышления и любой попытки понять глубинные основания какого-то явления.

Между тем, ещё до публикации книги, сразу после появления в 1955 г. статьи Э.В.Ильенкова на эту тему в журнале «Вопросы философии», появились статьи с попытками опровержения его идей. Некоторые критики Эвальда Васильевича заявляли, например, что «восхождение» — это в действительности не метод научного исследования, а просто способ изложения Марксом своей теории, полученной совсем другим, хорошо известным путём: от эмпирического опыта к системе абстракций.

Но появились и философы, которые подхватили идеи Э.В.Ильенкова и попытались доказать, что «восхождение» в действительности имеет место также и в науках, далёких от политической экономии. Один из сторонников Эвальда Васильевича показал, что, например, теория классической механики тоже строится методом «восхождения».

Идея об отличии формально-общего понятия от понятия конкретно-всеобщего была подхвачена известным психологом В.В.Давыдовым, учеником и поклонником Э.В.Ильенкова, и использована при исследовании типов обобщения в обучении. В связи с этим В.В.Давыдов развил собственную психолого-педагогическую теорию, которая легла в основу его концепции развивающего обучения, успешно реализованной как в нашей стране, так и во многих странах мира [19, 20].

Отечественные психологи начали в это время дискуссию о «клеточке» психологической теории. Предлагались разные варианты такой «клеточки», на основе понимания которой можно строить здание теории, «восходя» от абстрактного к конкретному.

Между тем в ряде отечественных работ по логике и методологии науки в 1960–1970-е гг. была подхвачена совсем другая концепция научной теории, которая пыталась использовать для её понимания аппарат символической (математической) логики. Теорию начали трактовать как гипотетико-дедуктивную систему, исходные положения которой не продиктованы опытом и не являются его обобщением, а задаются аксиоматически и чисто формально.

Однако сегодня в мире эта концепция уже не принимается.

Одной из влиятельных в философии науки стала концепция Т.Куна: понимание теории как не статической, а развивающейся системы, исходящей из некоторой «парадигмы» (совокупности основных положений и способов решения исследовательских задач). Развитие теории происходит не путём выведения формальных следствий из основоположений, а иным образом, предполагающим добавление в «парадигму» нового содержания. Конечно, это не метод «восхождения» в точном смысле, но нечто к нему гораздо более близкое, чем гипотетико-дедуктивная модель научной теории [21].

«Методология научно-исследовательских программ» И.Лакатоса тоже выходит на ту проблематику, которую изучал Э.В.Ильенков. Развиваемые Лакатосом идеи о том, что научная теория исторически развивается, о том, что в ней существует исходное ядро, а также «защитные пояса», положительные и отрицательные эвристики, мне представляется очень близко стоящими к пониманию теории как такой системы, которая строится методом восхождения от абстрактного к конкретному. Лакатос исходил не из анализа «Капитала» — он изучал историю физики. Работ Э.В.Ильенкова он скорее всего не читал (хотя в юности увлекался марксизмом, некоторые исследователи его творчества пишут о «скрытом марксизме» в его теориях). Тем более интересно, что понимание им природы научной теории в некоторых важных пунктах похоже на то, что отстаивал Эвальд Васильевич в своей книге [22].

Эвальд Васильевич Ильенков сформулировал ту проблематику, на которую вышло сегодня исследование структуры и развития научно-теоретического знания в мире, и предвосхитил многие современные идеи в этой области.

Первая книга Ильенкова опубликована в 1-м томе Собрания сочинений в первоначальном виде и под исходным названием «Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении» [4].

Проблема идеального

В книге «Ильенков Э. Идеальное. И реальность. 1960–1979» (автор-составитель Е.Э.Иллеш. М.: Канон+, 2018) собраны тексты Эвальда Васильевича, посвящённые проблеме идеального, и материалы, которые относятся к событиям, связанным с этой разработкой [2].

А понимание Эвальдом Васильевичем этой проблемы было революционным не только для нашей, но и для мировой философии.

Эвальд Васильевич обосновывал положение о том, что Идеальное существует

прежде всего в формах коллективной человеческой деятельности, т.е. вне головы отдельного индивида как деятельная форма вещи вне самой вещи. Субъективный мир возникает на основе включения индивида в эту деятельность. Внешняя реальность дана человеку через деятельность и в формах этой деятельности. И человеческая свобода, и нормы жизни возникают именно в деятельности и через неё.

Идеальная форма — это форма вещи, но вне этой вещи, а именно в человеке, в виде формы его активной жизнедеятельности, в виде цели и потребности. Или наоборот, это форма активной жизнедеятельности человека, но вне человека, а именно в виде формы созданной им вещи. «Идеальность» сама по себе только и существует в постоянной смене этих двух форм своего «внешнего воплощения», не совпадая ни с одной из них, взятой порознь. Она существует только через непрекращающийся процесс превращения формы деятельности в форму вещи и обратно — формы вещи в форму деятельности общественного человека, считает Э.В. Ильенков.

Между тем работы Э.В. Ильенкова 60-х — 70-х гг. прошлого века, посвящённые проблематике Идеального (и связанные с ними его тексты о воображении, свободе воли, личности), исключительно актуальны. При этом перспективность многих содержащихся в них идей можно по-настоящему оценить только сейчас. Это связано, в частности, с интенсивно идущим ныне развитием когнитивных наук, исследующих процессы познания и сознания в междисциплинарном взаимодействии разных наук, включающих исследование мозга, психики, языка. Эти науки, претендующие на переворот в понимании человека и его сознания и на трансформацию человеческой телесности и психики с помощью созданных на их основе технологий, наталкиваются на острейшие философские вопросы и обращаются к фило-

софам за их решением. Это и есть те самые вопросы, которые обсуждал Эвальд Васильевич в своих публикациях по проблеме Идеального.

При этом предложенные им решения как раз задают самый перспективный путь работы в этой области. Речь идёт о центральной идее Э.В. Ильенкова: понимание Идеального как формы коллективной человеческой жизнедеятельности, существующей как в голове отдельного человека, так и вне головы, в форме созданной человеком вещи. Сегодня отстаиваемые им идеи по существу начинают приниматься многими современными исследователями, работающими в когнитивной науке в разных формах: и в виде т.н. концепции «расширенного познания» (т.е. понимания познания как не ограниченного черепной коробкой познающего существа), и в виде «энактивистского подхода» (по существу деятельностного подхода) понимания познания и сознания в качестве связанных с формами деятельности. То, что писал Эвальд Васильевич о свободе воли, имеет прямое отношение к тем дискуссиям на эту тему, которые начались в связи с некоторыми экспериментальными результатами когнитивных исследований.

Идеи Э.В. Ильенкова и в этой области были предвосхищением самой современной проблематики, притом такой, которая является сегодня центральной для всего комплекса наук о человеке.

* * *

Эвальд Васильевич — классик нашей философии. Это наше прошлое, которым мы можем гордиться. Но он — и будущее философии и наук о человеке, так как разработанные им идеи сегодня актуальнее, чем когда бы то ни было. Найденные и опубликованные в рамках проекта архивные материалы позволили комплексно и во многом по-новому осветить основные линии творчества Э.В. Ильенкова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dialectics of the Ideal: Evald Ilyenkov and Creative Soviet Marxism. Brill, 2013.
2. Эвальд Ильенков. Идеальное. И реальность (1960–1979) / Авт.-сост. Е. Иллеш. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2018.
3. Иллеш Е.Э., Майданский А.Д. Публикация и Предисловие к докладу Э.В. Ильенкова «Историзм в психологии» // Вопросы философии. 2018. № 4. С. 79–89.
4. Ильенков Э.В. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1: Абстрактное и конкретное. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2019.
5. Ильенков Э.В. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2: Категории. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2019.
6. Ильенков Э.В. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 3. Идеал. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2019.
7. Ильенков Э.В. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 4: Диалектическая логика. М.: «Канон+» РООИ, 2020.
8. Лекторский В.А. Классик отечественной философии // Ильенков Э.В. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1: Абстрактное и конкретное. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2019. С. 7–189.
9. Лекторский В.А. Идеальное как форма коллективной деятельности у Эвальда Васильевича Ильенкова // Философия во множественном числе. М.: Академический проект, 2020. С. 361–363.
10. Майданский А.Д. Предисловие к публикации: Комментарий Э.В. Ильенкова к гегелевской «Философии духа» // Наука. Искусство. Культура. 2017. 2 (14). С. 57–59.
11. Майданский А.Д. Рецензия на кн.: Философская оттепель и падение догматического марксизма в России. М.; СПб.: Нестор-история, 2017; Вопросы философии. № 12. 2017. С. 212–214.
12. Римский В.П., Майданский А.Д., Перетягькин Г.Ф., Римская О.Н. Фрагменты истории советской философии в переписке Эвальда Ильенкова с Михаилом Петровым и Алексеем Потёмкиным // Наука. Искусство. Культура. 2017. № 4 (16). С. 67–68
13. Maidansky A. The Ilyenkov Triangle: Marxism in Search of Its Philosophical Roots // Stasis. 2017. № 2. P. 136–15314.
14. Майданский А.Д. Ильенков, Выготский и Загорский эксперимент // Философия Э.В. Ильенкова и современная психология: Материалы XX Международной научной конференции «Ильенковские чтения: Ильенков и Маркс» (19–20 апреля 2018 г.). Усть-Каменогорск, 2018. С. 22–2815.
15. Иллеш Е.Э. К истории издания первой книги Э.В. Ильенкова // Э.В. Ильенков и философия Маркса: Материалы XX Международной научной конференции «Ильенковские чтения: Ильенков и Маркс» (19–20 апреля 2018 г.). Усть-Каменогорск, 2018. С. 316–320.
16. Майданский А.Д. Мышление и язык в Логике Ильенкова // Вопросы философии. 2019. № 2. С. 128–136.
17. Майданский А.Д. Размышления над книгой С.Н. Мареева «Э.В. Ильенков: жить философией» // Наука. Искусство. Культура. 2019. № 2. С. 180–186
18. Майданский А.Д. Воспитание и природа: Уроки Загорского эксперимента // Философская антропология. 2019. Т. 5. № 1. С. 81–101.
19. Давыдов В.В. Виды обобщения в обучении. М. Педагогическое общество России. 2000.
20. Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. М., ИНТОР. 1996.
21. Кун Т. Структура научных революций. М. Изд. Аст. 2003.
22. Лакатос И. Методология исследовательских программ. М. Изд. Аст. 2003.

ENGLISH

Classic Author of the Russian Philosophy

Vladislav Aleksandrovich Lektorsky – Doctor of Philosophy, Member of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher at the Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Head of the project “Preparation for Publishing Unpublished Works by Evald Ilyenkov Written in the 60s and the 70s (From the Philosopher’s Archive)” (17-03-00160a).
E-mail: v.a.lektorski@gmail.com

Evald Vasilievich Ilyenkov (1924–1979) takes special place in the Russian philosophy: he largely influenced the character of the movement, which may be regarded as “philosophical Renaissance” of the second half of the 20th century originating in our country. Evald introduced a number of ideas that were ahead of their time and could only be truly appreciated nowadays. In particular, it concerns the understanding of how to ascend from the abstract to the concrete when building a scientific theory. In his understanding of the problem of the ideal, Evald Ilyenkov anticipated the central problem of the modern complex of cognitive sciences: “enactivistic” approach and the idea of “broadened cognition”.

The objective of the study was to introduce a number of previously unknown texts of the 60s and the 70s by Evald Ilyenkov into scientific circulation, as well as to provide extensive commentaries thereto, develop references, and describe the social and political context of the philosopher’s work. To do so, the author uses materials of personal, public and academic archives. During Evald Ilyenkov’s lifetime, his works were severely edited, censored and abridged; the goal of the study was to restore the original version of the works and publish manuscripts that had never been released in the Soviet times. By the end of 2020, four volumes of Evald Ilyenkov’s collected works have been published. The publisher brings these works to the new level, setting a high standard of translation and studies of the philosopher’s global heritage.

Keywords: dialectics, the abstract, the concrete, the ideal, activity, personality, E. V. Ilyenkov

REFERENCES

1. Dialectics of the Ideal: Evald Ilyenkov and Creative Soviet Marxism. Brill, 2013.
2. Eval'd Il'enkov. Ideal'noe. I real'nost' (1960–1979) / Avt.-sost. E. Illesh. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2018 (in Russian).
3. Illesh E.E., Maydanskii A.D. Publikatsiya i Predislovie k dokladu E.V. Il'enkova «Istorizm v psikhologii» // Voprosy filosofii. 2018. № 4. С. 79–89 (in Russian).
4. Il'enkov E.V. Sobranie sochineniy: V 10 t. T. 1: Abstraktnoe i konkretnoe. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2019 (in Russian).
5. Il'enkov E.V. Sobranie sochineniy: V 10 t. T. 2: Kategorii. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2019 (in Russian).
6. Il'enkov E.V. Sobranie sochineniy: V 10 t. T. 3. Ideal. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2019 (in Russian).
7. Il'enkov E.V. Sobranie sochineniy: V 10 t. T. 4: Dialekticheskaya logika. M.: «Kanon+» ROOI, 2020 (in Russian).
8. Lektorskiy V.A. Klassik otechestvennoy filosofii // Il'enkov E.V. Sobranie sochineniy: V 10 t. T. 1: Abstraktnoe i konkretnoe. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2019. С. 7–189 (in Russian).

9. Lektorskiy V.A. Ideal'noe kak forma kollektivnoy deyatel'nosti u Eval'da Vasil'evicha Il'enkova // *Filosofiya vo mnozhestvennom chisle*. M.: Akademicheskiiy proekt, 2020. S. 361–363 (in Russian).
10. Maydanskiy A.D. Predislovie k publikatsii: Kommentariy E.V. Il'enkova k gegelevskoy «Filosofii dukha» // *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura*. 2017. 2 (14). S. 57–59 (in Russian).
11. Maydanskiy A.D. Retsenziya na kn.: *Filosofskaya ottepel' i padenie dogmaticheskogo marksizma v Rossii*. M.; SPb.: Nestor-istoriya, 2017; *Voprosy filosofii*. № 12. 2017. S. 212–214 (in Russian).
12. Rimskiy V.P., Maydanskiy A.D., Peretyat'kin G.F., Rimskaya O.N. Fragmenty istorii sovetskoy filosofii v perepiske Eval'da Il'enkova s Mikhailom Petrovym i Alekseem Potyomkinym // *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura*. 2017. № 4 (16). S. 67–68 (in Russian).
13. Maidansky A. The Ilyenkov Triangle: Marxism in Search of Its Philosophical Roots // *Stasis*. 2017. № 2. P. 136–15314.
14. Maydanskiy A.D. Il'enkov, Vygotskiy i Zagorskiy eksperiment // *Filosofiya E.V. Il'enkova i sovremennaya psikhologiya: Materialy XX Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Il'enkovskie chteniya: Il'enkov i Marks»* (19–20 aprelya 2018 g.). Ust'-Kamenogorsk, 2018. S. 22–28 (in Russian).
15. Illesh E.E. K istorii izdaniya pervoy knigi E.V. Il'enkova // *E.V. Il'enkov i filosofiya Marksa: Materialy XX Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Il'enkovskie chteniya: Il'enkov i Marks»* (19–20 aprelya 2018 g.). Ust'-Kamenogorsk, 2018. S. 316–320 (in Russian).
16. Maydanskiy A.D. Myshlenie i yazyk v Logike Il'enkova // *Voprosy filosofii*. 2019. № 2. S. 128–136 (in Russian).
17. Maydanskiy A.D. Razmyshleniya nad knigoy S.N. Mareeva «E.V. Il'enkov: zhit' filosofiey» // *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura*. 2019. № 2. S. 180–186 (in Russian).
18. Maydanskiy A.D. Vospitanie i priroda: Uroki Zagorskogo eksperimenta // *Filosofskaya antropologiya*. 2019. T. 5. № 1. S. 81–101 (in Russian).
19. Davydov V.V. *Vidy obobshcheniya v obuchenii*. M. Pedagogogicheskoe obshchestvo Rossii. 2000 (in Russian).
20. Davydov V.V.. *Teoriya razvivayushchego obucheniya*. M., INTOR. 1996 (in Russian).
21. Kun T. *Struktura nauchnykh revolyutsiy*. M. Izd. Ast. 2003 (in Russian).
22. Lakatos I. *Metodologiya issledovatel'skikh programm*. M. Izd. Ast. 2003 (in Russian).

**В.К. ЛЕВАШОВ***

Потенциал развития гражданского общества в России

Возвращение Крыма в состав Российской Федерации, контрсанкционная политика и практика российского государства и гражданского общества, а также разворачивающаяся в стране работа по осуществлению научно-технологического и социально-экономического прорыва стали важнейшими событиями и драйверами, определяющими социально-политическую ситуацию и ближайшую перспективу российского социума. Гражданское общество и правовое государство России продолжают движение по траектории устойчивого развития, несмотря на неблагоприятную глобальную социально-экономическую и социально-политическую конъюнктуру. Важнейшим результатом этого движения являются изменение кризисного тренда и достижение состояния динамического равновесия социально-политических отношений между российским государством и обществом.

В целом институты власти имеют достаточно обнадеживающий кредит доверия со стороны гражданского общества. Нарастить и укрепить потенциал доверия предстоит в ближайшем будущем. Алгоритм успеха политики российского государства будет заключаться в минимизации внешних угроз и вызовов и в реализации внутренних фундаментальных интересов и актуальных потребностей граждан в обеспечении безопасности и повышении качества жизни.

Ключевые слова: массовое и общественное сознание, социологический мониторинг, гражданское общество, российский социум, социальные трансформации, социализация государства, потенциал гражданского общества, социально-политическая устойчивость

Методология исследования

Российское гражданское общество и правовое государство вступили в новый цикл своего развития, начало которому положил майский 2018 г. Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Фе-

дерации на период до 2024 года». Выступив 15 января 2020 г. с посланием Федеральному Собранию, В.В. Путин объявил о внесении поправок в Конституцию РФ с целью расширения роли парламента, принял отставку старого и вскоре сформировал новое Правительство РФ.

* **Левашов Виктор Константинович** — доктор социологических наук, руководитель Центра стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН, руководитель проекта «Социальное государство и гражданское общество в условиях реализации национальных проектов» (20-011-00013а).
E-mail: levachov@mail.ru

Развернувшаяся в российском обществе дискуссия высветила проблемные стороны социально-политической жизни, дав возможность с цифрами и фактами в руках поразмышлять о потенциале развития гражданского общества в России¹.

Если попытаться определить сущностный признак социального феномена «гражданское общество», то в первую очередь необходимо указать, что это есть значимая социальная общность граждан, образовавшаяся на принципах политической самоорганизации для реализации с помощью государства своих жизненных интересов и защиты гражданских прав, то есть прав, связанных с владением и распоряжением имуществом. Именно в этом смысле Аристотель употреблял словосочетание “Koinonia politon”, имея в виду объединение граждан в полисе. Для него понятия гражданского и политического общества синонимичны. Гражданское общество состоит из граждан – владеющих имуществом свободных членов общества, которые осознают, заявляют, декларируют и с помощью инструментов гражданского и государственного права могут реализовать свои интересы. Если им не удаётся это сделать, они не в полной мере реализуют свой гражданский потенциал. А следовательно, совокупность таких граждан не может в полной мере составить потенциал гражданского общества. В таком случае оно, вероятно, является незрелым, социально и политически неэффективным.

Далеко не во всяком обществе все его члены являются гражданами, даже если они постоянно или большую часть жизни живут в той или иной стране. В силу

разных причин и обстоятельств они могут не быть гражданами или частично обладать гражданскими правами и обязанностями. На протяжении большей части своего исторического развития гражданское общество состояло из меньшей части общества. Даже во многих т.н. развитых странах еще в XIX–XX веках большая часть общества – женщины – не являлись полноценными гражданами, были частично или полностью исключены из политического процесса, не обладали избирательным правом, не могли по своей воле распоряжаться имуществом. История гражданского общества представляет собой процесс качественных цивилизационных изменений в силу изменений пропорции граждан и неграждан в каждой стране и на планете в целом. Характер развития гражданского общества указывает, что, в интересах получения достоверного научного знания, социологически продуктивной является постановка вопроса не о том, состоялось или не состоялось гражданское общество, а в какой степени или на какой стадии своего развития оно находится, в какой мере оно накопило свой потенциал.

Гражданское общество находится в теснейшей причинно-следственной связи с инструментом своей власти – государством. Одной из древнейших форм социополитических отношений между обществом и государством является демократия.

Парадоксально, но демократическое государство в своей политике, как правило, выражало интересы меньшей части общества. Например, в период расцвета афинской демократии из всего населения Аттики в 250–350 тыс. человек полными

¹ Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН продолжает изучение социальной и социополитической ситуации в стране в контексте формирования гражданского общества, построения социального государства и исследования возможностей устойчивого развития страны. Эмпирические исследования проводятся в рамках социологического мониторинга «Как живешь, Россия?» с 1992 г. Научный руководитель мониторинга – д.соц.н. В.К. Левашов. В исследовании использована квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, образования, местожительства. Объем выборочной совокупности составлял на различных этапах от 1312 до 1866 респондентов. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-00013а.

гражданскими и политическими правами обладали только 30–35 тыс. граждан мужского пола. Демократия с момента своего зарождения и по настоящее время всегда и везде имела социально ограниченный характер. В своей абсолютистской форме минимизации социальных функций эта тенденция выразилась в известной формуле «Государство – это я!». Но именно эта абсурдная в своей сущности социально-политическая практика стала неприемлемой в условиях индустриального общества, требующего больших степеней свободы, и положила начало современной массовой гражданской демократии. В новых условиях в новой форме проявился в очередной раз диалектический характер социально-политических отношений общества и государства – отношений противоборства и взаимообогащения. Медленно, сквозь века пробивается, усиливается и становится устойчиво доминирующей тенденция социализации государства, которое всё в большей степени, для всё большего числа граждан начинает выполнять функцию выражения и реализации интересов. Государство, которое защищает интересы господствующего класса граждан, является классовым, т.е., как правило, отражающим интересы меньшинства. Государство, которое стремится отражать и реализовать права большинства членов общества – граждан, перерастает в своем принципиальном признаке классовую природу. Феодалное, буржуазное, пролетарское, рабоче-крестьянское государство в своих конкретно исторических формах жизнедеятельности накапливали потенциал общенародного гражданского общества. Количество переходит в качество, и классовое государство меньшинства превращается в социальное, всенародное, гражданское по своему социальному и политическому характеру государство большинства.

Статья 7 Конституции РФ гласит, что Россия является социальным государством,

политика которого «направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека»¹. И вот здесь возникает все тот же вопрос: в какой мере современное российское государство реализует свой гражданский потенциал, проводит политику в интересах большинства граждан? Ответ на этот вопрос дают сами граждане с помощью социологических измерений.

Динамика устойчивого развития

Состояние российского гражданского общества, фундаментальные и актуальные проблемы его развития последних лет во многом определялись возвращением Крыма в состав РФ, совместными усилиями российского общества и политиков по минимизации последствий введения санкций западных стран против РФ. В мае 2018 г. закончился третий срок В.В. Путина на посту Президента РФ. В течение шести лет под его руководством были проведены реформы в большинстве сфер экономики, политической, социальной и духовной жизни граждан, повлиявшие на состояние российского гражданского общества. Данные изменения были неоднозначно восприняты россиянами, вызвав, с одной стороны, ряд негативных суждений, а с другой – одобрение и согласие с проводимой Президентом РФ политикой. Итогом такой политики и выражением солидарности большинства россиян с деятельностью В.В. Путина стало его переизбрание на пост Президента РФ на следующий срок в марте 2018 г. Сразу после выборов в мае 2018 г. в стране началась работа по реализации Указа Президента РФ № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», которая стала логическим продолжением политики социально-политической консолидации российского общества в марте 2018 г. **Возвращение Крыма в состав Российской Федерации,**

¹ Конституция Российской Федерации. – М: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005.

или проблемы, связанные с «дороговизной жизни», «произволом чиновников», «повышением тарифов на услуги ЖКХ», «повышением цен на продукты питания», «разделением общества на богатых и бедных», «экологической обстановкой» [3]. По сравнению с 2014 г. значительно выросло число граждан, отрицательно относившихся к курсу проводимых государством экономических реформ, а число граждан с положительным отношением к курсу реформ уменьшилось. Большинство россиян считали, что реформы не отвечают их интересам. Приблизительно каждый четвёртый гражданин отметил, что «денег хватает только на продукты питания», а каждый второй – «денег хватает на приобретение необходимых продуктов и одежды». При этом численность тех, у кого «покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает трудностей», зафиксирована на уровне 14%. Почти половина граждан относили себя к среднему классу, а каждый четвёртый – к низшему [4] (графики 2 и 3).

За прошедшие шесть лет под руководством Президента В.В.Путина стране пришлось столкнуться с кризисом, возникшим как следствие санкций, введённых рядом европейских стран. Антикризисная политика, проводимая властью, в ряде случаев не находившая понимания гражданского общества, проходила под лозунгом «Кризис и санкции нас сделают сильнее!». Однако эта иллюзия, воодушевлявшая российских граждан, со временем рассеялась. В декабре 2014 г. в целом наибольшее число россиян были склонны считать, что санкции окажут на российскую экономику позитивное влияние. В топ-3 ответов респондентов на вопрос «Какой эффект окажут санкции, объявленные США и Европой, на жизнь в нашей стране?» входили следующие: «заставят политиков и бизнес развивать отечественную промышленность и сельское хозяйство», «избавят российских политиков от иллюзий и заставят работать

во имя страны», «в целом будут полезны нашей стране».

Однако к маю 2018 г., устав от эффектов антироссийской политики, сложившейся на международной арене, граждане стали осознавать, что санкции «приведут к новой “холодной войне” и конфронтации в мире» и «затормозят развитие отечественной экономики и сотрудничество России с мировым сообществом». При этом с 20 до 13% сократилось число россиян – сторонников точки зрения о том, что санкции полезны нашей стране [5].

Самооценка денежных доходов граждан в мае 2018 г. по сравнению с апрелем 2012 г. существенно не изменилась. За прошедшие шесть лет количество «нищих» находилось в границах от 2 до 7%, «бедных» – от 17% до 26%, «ограниченных в средствах» – от 53 до 60%, «обеспеченных» – от 13 до 20% и «богатых» – от 1 до 4%. Несмотря на заявления властей о росте денежных доходов граждан, россияне не почувствовали каких-либо изменений в своём материальном положении [6].

За четыре года, к маю 2018 г. наблюдались существенное сокращение числа граждан, относящих себя к среднему классу, – с 59 до 44% (на 15 п.п.), и одновременный рост количества россиян, идентифицирующих себя с низшим классом, – с 18 до 26% (на 8 п.п.). В этот период возросло число респондентов, затруднившихся определить свою классовую принадлежность, с 19 до 29% (на 10 п.п.). Очевидно, в результате изменения самооценки часть респондентов, ранее причислявших себя к среднему классу, стали соотносить себя скорее с низшим классом [7].

Доверие к институтам власти

За шесть лет уровень доверия россиян Президенту В.В.Путину вырос с 51 до 68%. В эти годы наибольшее значение уровня доверия было зафиксировано в декабре 2015 г. (77%), а наименьшее – в июне 2013 г. (50%). Однако тенденция

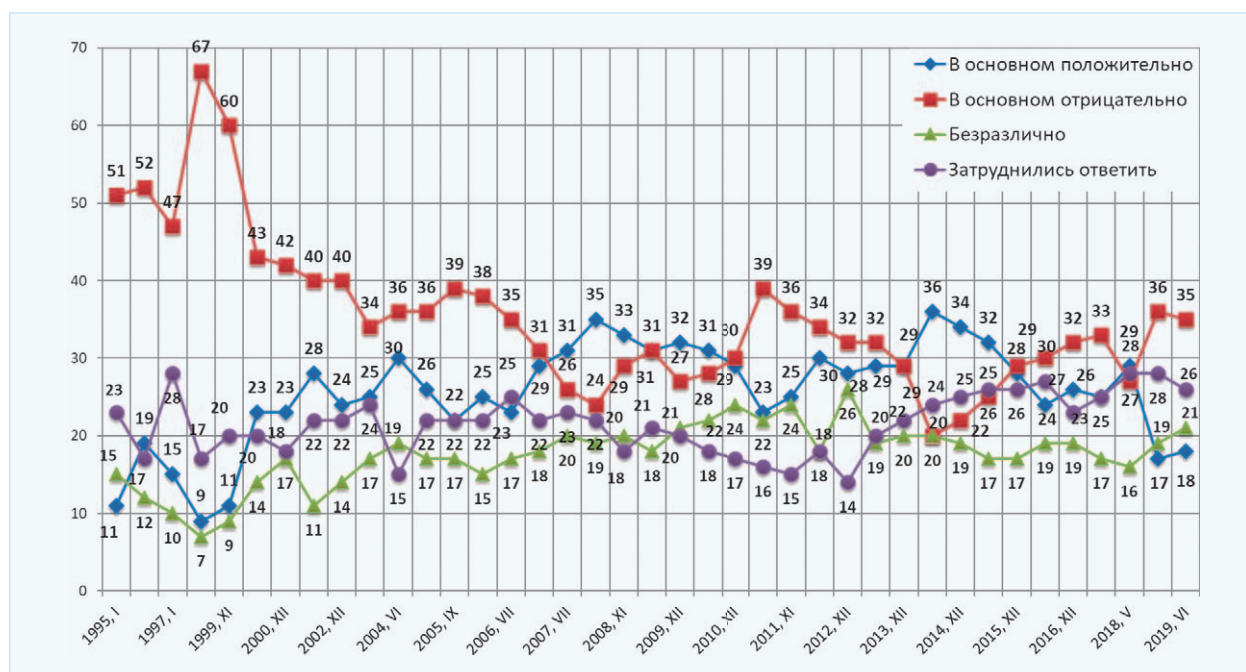


График 2. Динамика отношения респондентов к курсу проводимых экономических реформ (РФ, % от числа опрошенных)

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

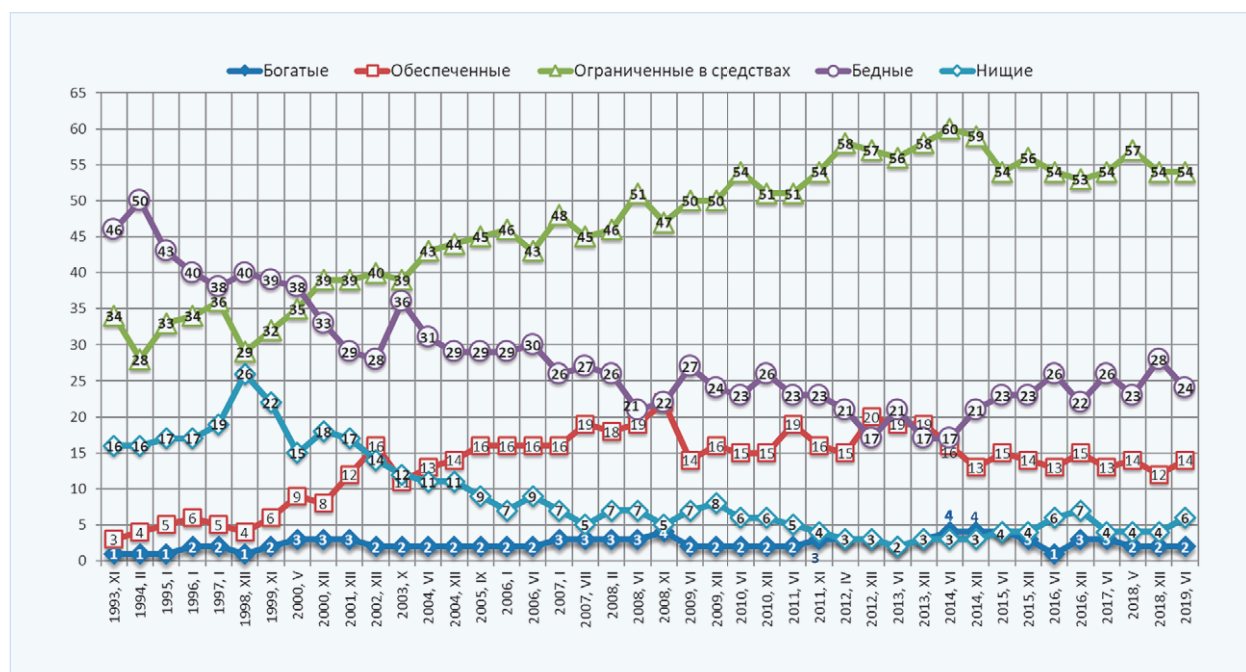


График 3. Самооценка денежных доходов респондентов (РФ, % от числа опрошенных)

Примечание: Вопрос: «Какая из ниже приведённых оценок наиболее точно характеризует Ваши доходы?».

Варианты ответов: «Богатые» – денег вполне достаточно, чтобы ни в чём себе не отказывать; «Обеспеченные» – покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает у нас трудностей; «Ограниченные в средствах» – денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды; «Бедные» – денег хватает только на приобретение продуктов питания; «Нищие» – денег не хватает даже на приобретение продуктов питания.

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

роста числа граждан, доверяющих Президенту РФ, наблюдавшаяся с апреля 2012 г. до декабря 2015 г., сменилась спадом. С 77% в декабре 2015 г. до 68% в мае 2018 г. снизился уровень доверия россиян В.В.Путину на посту Президента РФ. При этом число не доверяющих ему граждан возросло с 10 до 18%. По сравнению с апрелем 2012 г. в мае 2018 г. выросли уровни доверия россиян к армии (22 п.п.), Администрации Президента РФ (10 п.п.), Совету Федерации (8 п.п.), Совету Безопасности (7 п.п.), Правительству РФ (4 п.п.) (таблица).

Однако рост уровней доверия граждан к институтам власти, достигнув максимума в июне 2014 г., сменился спадом. Наибольшие значения снижения уровня доверия в мае 2018 г. зафиксированы у руководителей регионов (11 п.п.), Государственной Думы (10 п.п.), Совета Безопасности (9 п.п.), Правительства РФ (8 п.п.), Совета Федерации (6 п.п.), Администрации Президента РФ (5 п.п.), полиции, суда и прокуратуры (5 п.п.). Исключение составила армия: число доверяющих ей россиян возросло с 61 до 70%.

Институты гражданского общества за шесть лет к маю 2018 г., наоборот, теряли доверие россиян; церковь (11 п.п.), общественные организации (11 п.п.), партии и политические движения (9 п.п.), профсоюзы (8 п.п.), СМИ (5 п.п.), банковские и предпринимательские круги (4 п.п.). Наибольшие значения уровней доверия россиян к институтам гражданского общества были зафиксированы в начале третьего срока В.В.Путин: в апреле 2012 г. — к церкви (55%), общественным организациям (32%), партиям и политическим движениям (22%), в июне 2013 г. — к СМИ (27%) и банковским и предпринимательским кругам (17%), в июне 2014 г. — к Общественной палате (29%) и профсоюзам (25%). Начиная с июня 2015 г. уровни доверия россиян стремились к своим наименьшим значениям. За три года на 8 п.п. снизился уровень доверия граждан профсоюзам, на 5 п.п. — Общественной палате, на 4 п.п. — СМИ. За два с половиной

года число граждан, доверяющих церкви, уменьшилось на 8 п.п., а за год на 4 п.п. — общественным организациям [8].

Результаты деятельности политических партий и движений отразились на уровне поддержки их россиянами. В начале третьего срока В.В.Путин на посту Президента РФ партия «Единая Россия» имела поддержку 29% граждан. За 6 лет, к маю 2018 г., её рейтинг упал на 16 п.п., вернувшись к значениям 2000–2001 гг. Партия КПРФ лишилась поддержки значительной части сторонников, снизив свои позиции с 13% в апреле 2012 г. до 7% в мае 2018 г. На 4 п.п. упал рейтинг партии «Справедливая Россия», достигнув в мае 2018 г. минимума в 1%. Общероссийский народный фронт, созданный В.В.Путиным, с июня 2014 г. повысил уровень поддержки россиян с 10 до 14%. Большинство граждан в мае 2018 г. не поддерживали никакую партию или затруднились ответить (54%). В апреле 2012 г. численность данной группы составляла 39% россиян [9].

За 12 лет, к маю 2018 г., произошли значительные изменения в представлении о том, кто в сегодняшней России реально является источником и носителем власти. В 2006 г. на первом месте были «олигархи — богатые люди, контролирующие власть» (50%) и «бюрократия — чиновники в центре и на местах» (41%). Их влияние, по данным мая 2018 г., снизилось до 35 и 24% соответственно. В 2006 г. «Кремль — Президент и его доверенные люди» как источник власти отмечали 37% респондентов, а «Президента РФ» — только 29%. В 2018 г. представления изменились: Кремль отметили 43% респондентов, Президента — 42%. В обществе стала доминировать точка зрения о том, что источником и носителем власти в России являются Кремль и Президент РФ. Число убеждённых в том, что «многонациональный народ РФ» является источником и носителем власти, за эти годы также возросло с 4 до 11%.

В течение двух десятков лет наибольшее число граждан утверждали, что

Таблица

**Динамика отношений респондентов к общественным структурам
и институтам власти (вариант ответа «доверяю»)
(РФ, % от числа опрошенных)**

	Президент РФ	Правительство РФ	Совет Федерации	Государственная Дума	Администрация Президента РФ	Совет Безопасности	Общественная палата	Полиция, суд, прокуратура	Армия	Профсоюзы	Церковь	Партии, политические движения	Общественные организации	Руководители регионов	Средства массовой информации	Банковские, предприним. круги
1995, I	9	8	7	10	-	-	-	16	35	18	-	6	-	11	21	6
1997, I	17	14	10	14	9	10	-	10	36	11	33	11	-	28	20	8
1998, XII	6	11	8	13	3	9	-	11	27	17	33	13	-	23	18	5
1999, XI	4	18	14	14	3	14	-	12	38	15	26	7	-	23	12	5
2000, V	41	20	13	12	14	17	-	13	43	21	35	16	-	20	17	8
2000, XII	43	23	9	12	10	19	-	15	41	19	28	17	-	21	16	11
2001, XII	49	23	15	12	16	21	-	12	39	17	33	12	-	17	12	10
2002, XII	44	18	10	10	15	17	-	10	31	13	33	15	-	23	17	11
2003, X	57	20	13	9	19	22	-	11	36	15	36	8	-	20	17	12
2004, VI	53	23	13	10	20	23	-	9	30	17	38	9	-	16	20	10
2004, XII	49	17	11	6	19	21	-	9	27	16	35	5	-	15	19	12
2005, IX	48	20	14	10	19	23	-	12	31	12	35	7	-	21	23	12
2006, I	46	20	13	10	20	20	-	11	30	14	35	9	-	19	22	11
2006, VI	51	18	12	10	20	21	-	11	30	15	37	8	-	18	23	10
2007, I	63	26	15	12	26	31	17	11	39	19	46	9	20	17	21	16
2007, VII	63	28	17	13	26	29	16	9	30	17	42	13	20	22	20	12
2008, II	70	39	25	18	34	30	20	11	41	20	43	13	20	24	22	15
2008, VI	57	38	21	16	31	28	21	11	47	23	51	10	20	24	22	15
2008, XI	60	46	22	17	35	34	18	13	43	18	47	13	22	26	23	13
2009, VI	56	42	20	19	30	29	17	15	40	18	47	11	20	24	23	10
2009, XII	58	45	26	19	32	32	23	13	41	24	45	19	25	25	27	15
2010, VI	59	44	25	22	31	30	21	15	46	24	50	21	30	35	26	16
2010, XII	55	43	26	18	32	31	21	11	40	18	49	17	27	34	26	15
2011, VI	49	38	21	16	24	27	16	12	40	19	46	16	23	23	26	12
2011, XI	47	39	22	19	28	28	21	14	41	20	49	20	28	28	24	13
2012, IV	51	37	24	19	27	32	21	13	48	23	55	22	32	24	23	14
2012, XII	47	35	27	21	28	32	23	18	47	21	52	22	31	29	26	16
2013, VI	50	35	25	19	26	33	24	20	49	24	52	22	29	29	27	17
2013, XII	52	38	30	18	30	35	22	16	51	22	51	16	28	27	26	15
2014, VI	72	49	38	27	42	48	29	21	61	25	55	19	29	36	24	16
2014, XII	70	46	36	25	40	40	23	19	57	19	52	18	27	33	17	12
2015, VI	73	45	32	23	40	41	23	18	62	23	46	16	24	30	22	11
2015, XII	77	48	34	21	41	43	21	16	67	16	52	12	19	29	15	9
2016, VI	68	42	33	20	36	41	18	14	65	17	49	11	17	24	16	10
2016, XII	67	37	26	17	32	36	19	17	64	19	45	15	21	30	17	13
2017, VI	68	40	30	19	34	40	19	17	69	15	45	16	25	29	17	9
2018, V	68	41	32	17	37	39	18	16	70	15	44	13	21	25	18	10
2018, XII	57	32	23	15	29	33	16	13	61	18	38	10	20	25	16	11
2019, VI	54	32	25	14	26	36	16	15	64	18	39	14	23	31	17	15

Примечание: (-) – отсутствие позиции в инструментарии.

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

в сложившейся политической системе общества много недостатков, но их можно устранить реформами. Однако доля россиян с данным мнением за шесть лет изменялась. С апреля 2012 г. по май 2018 г. число сторонников реформ в политической сфере увеличилось с 46 до 52% в июне 2014 г., а затем снизилась до 41%. Число радикально настроенных граждан уменьшилось в период с апреля 2012 г. по июнь 2015 г. с 28 до 18%. Затем, в мае 2018 г., их количество возросло до 23%. Доля граждан, которых полностью устраивала политическая система общества, увеличилась с 13% в апреле 2012 г. до 26% в мае 2018 г. Таким образом, за шесть лет В.В.Путину на посту Президента РФ удалось выстроить такую политическую систему, которая стала устраивать четвертую часть гражданского общества, немного снизив количество радикально настроенных граждан.

Нормы демократической жизни

По сравнению с апрелем 2012 г. в мае 2018 г., по мнению граждан, государство стало лучше обеспечивать основные нормы жизни демократического общества. С середины 2012 г. зафиксирован рост значений индикаторов «свобода политического выбора» (на 18 п.п.), «социальные гарантии» (на 16 п.п.), «соблюдение прав человека» (на 12 п.п.), «свобода слова» (на 12 п.п.), «личная безопасность» (на 11 п.п.) и «терпимость к чужому мнению» (на 9 п.п.). Достигнув 25% в декабре 2014 г., значения индикатора «равенство всех граждан перед законом» начало снижение до 18% в мае 2018 г. За шесть лет политика, проводимая Президентом РФ, позволила улучшить состояние ряда институтов демократии.

Выполнение российскими властями своих обязанностей по обеспечению гарантий прав и свобод человека и гражданина является одним из важных факторов развития социального государства, гражданского общества и личности. За третий

срок властным органам под руководством Президента РФ В.В.Путина удалось решить ряд социальных проблем. Увеличилось количество россиян, отметивших, что государство выполняет следующие обязательства по обеспечению гарантий прав и свобод человека и гражданина: «свобода мысли и слова» (11 п.п.), «защита государством материнства и детства» (7 п.п.), «право на социальное обеспечение и пенсию» (7 п.п.), «право на выбор профессии» (5 п.п.). При этом на 9 п.п. снизилось значение индикатора гарантии государством «права на благоприятную окружающую среду».

По критерию «государство выполняет» по другим индикаторам существенных изменений не произошло. Тем не менее большинство граждан считали, что государство выполняет свои обязательства по обеспечению гарантий «права на социальное обеспечение и пенсию», «права на отдых», «защиты государством материнства и детства», «права на выбор профессии».

Неоднозначно оценивают россияне выполнение государством своих обязанностей по обеспечению «права на охрану здоровья и медицинскую помощь». В мае 2018 г., по мнению россиян, российское государство скорее выполняло, чем не выполняло свои обязанности по обеспечению «права на охрану здоровья и медицинскую помощь» (40% против 35%).

Увеличилось число граждан, считавших, что государство выполняло обязательства перед обществом по «обороне страны» (21 п.п.), «охране прав и свобод граждан, прав собственности, правопорядка» (11 п.п.), «обеспечению мира и подержанию мирового порядка» (10 п.п.), «защите жизни и прав соотечественников за границей» (6 п.п.), «развитию науки, культуры и образования» (5 п.п.). Государство, по мнению граждан, стало лучше выполнять данные обязанности перед обществом. Вместе с тем, снизились значения индикатора выполнения государством обя-

зательств перед обществом по «интеграции в мировую экономику» (9 п.п.), «регулированию производства и распределения товаров и услуг» (4 п.п.), «охране природы и использованию ресурсов» (4 п.п.), «налогообложению и взиманию налогов» (4 п.п.).

По мнению россиян, государство ухудшило качество выполнения своих обязанностей перед обществом по «охране природы и использованию ресурсов» (за 3,5 года снижение значения индикатора на 17 п.п.), «сотрудничеству и укреплению связей с СНГ» (на 13 п.п.), «обеспечению достойной жизни и всестороннего развития (на 7 п.п.), «налогообложению и взиманию налогов» (на 9 п.п.) [10].

В целом за шесть лет снизилась протестная активность граждан. В мае 2018 г. четверть гражданского общества предпочитала «ничего не делать» в защиту своих интересов (25%). За четыре года значение данного индикатора возросло на 6 п.п. С апреля 2012 г. наблюдалось увеличение числа россиян, считавших, что их «интересы достаточно защищены» с 11 до 15%. За шесть лет количество граждан, готовых «участвовать в забастовках, акциях протеста» в защиту своих интересов, снизилось на 4 п.п. с 12 до 8%. Также наблюдалось снижение значений индикатора «если надо, возьму оружие» с 12% в декабре 2012 г. до 8% в мае 2018 г. Таким образом, в российском гражданском обществе до четверти граждан не являлись политически активными, при этом шестая часть россиян считали, что их «интересы достаточно защищены». Количество граждан, готовых активно защищать свои интересы, постепенно снижалось.

К маю 2018 г. поиски гражданами решений материальных проблем и заработка не отразились в позитивной динамике. С 43% в апреле 2012 г. до 35% в мае 2018 г. снизилось число граждан, считавших, что «сейчас каждый, кто может и хочет работать, способен обеспечить своё материальное благополучие». Также за данный период с 42 до 51% возросло количество граждан с мнением о том, что «сколько

ни работай, материального благополучия себе не обеспечишь» [11].

Граждане о гражданском обществе

С конца 2014 г. снизили свои значения все индикаторы, отражающие уровень развития гражданского общества. Значение показателя «право собственности — владение, пользование и распоряжение имуществом» снизилось с 6,6 до 6,1 баллов, «политическое и идеологическое разнообразие в лице различных политических партий» — с 6,3 до 6 баллов, «демократия, свобода политического выбора» — с 6 до 5,5 баллов, «свобода слова — возможность без ограничений выражать своё мнение» — с 6 до 5,3 баллов, «открытость и доступность информации о положении дел в стране и за рубежом» — с 5,9 до 5,1 баллов, «правовое государство — господство закона, перед которым все равны и который защищает права, свободы и безопасность граждан» — с 4,9 до 4,7 баллов, «общественные организации, представляющие и защищающие интересы граждан» — с 5,1 до 4,5 баллов, «самоуправление — инициативное участие граждан в управлении делами по месту жительства, работы, учёбы и т.д.» — с 5,2 до 4 баллов. Развитие гражданского общества в России не нашло своего выражения в позитивной динамике индикаторов.

Большинство россиян в июне 2019 г. из институтов власти доверяли армии и Президенту РФ. А из институтов гражданского общества наибольшее доверие вызывала церковь. Почти половина граждан не поддерживали ни одну из существующих партий, а девятая часть респондентов затруднились определить свои партийные предпочтения. Отметим, что за все годы наблюдений зафиксировано наибольшее число граждан, не поддерживающих ни одну из существующих партий. Из партий наибольшей поддержкой пользовалась «Единая Россия» (каждый седьмой). Однако её рейтинг постоянно снижался. Меньшую поддержку получило движение «Общественный народный

фронт», число его сторонников также сокращалось. В рейтинге партий КПРФ и ЛДПР получили по 8% каждая. Свои политические взгляды немногим более четверти респондентов определили как «патриотические», и четверть — как «демократические». Эти политические взгляды являлись основными.

Отвечая на вопрос «Кто из перечисленных лидеров, по Вашему мнению, способен вывести Россию из кризиса?», наибольшее число граждан в июне 2019 г. считали, что таким лидером является В.В.Путин. Треть респондентов ответили: «Нет такого лидера». Каждый седьмой россиянин считал таким лидером С.К.Шойгу. Каждый двадцатый — Д.А.Медведева. Граждане оценили деятельность В.В.Путина на посту Президента России в 5,89 баллов, а Д.А.Медведева на посту Председателя Правительства в 3,57 баллов по десятибалльной шкале (график 4). Две трети российских граждан считали, что политическая система страны нуждается в изменениях: «необходимо изменить политическую систему радикальным образом» и «в политической системе много недостатков, но их можно устранить с помощью реформ». Причём по сравнению с 2014 г. число граждан с мнением, что «в политической системе много недостатков, но их можно устранить с помощью реформ» сократилось, а число сторонников радикальных изменений выросло. Политическая система «полностью устраивала» пятую часть респондентов [12].

В середине 2019 г. большинство граждан считали, что государство обеспечивает одну из основных норм жизни демократического общества — «свободу политического выбора». От половины до трети высказали мнение о том, что государство обеспечивает «свободу слова», «терпимость к чужому мнению», «социальные гарантии», «соблюдение прав человека» и «личную безопасность». Каждый пятый россиянин считал, что «равенство всех граждан перед законом» обеспечивается государством. Также большинство респон-

дентов считали, что государство выполняло основные обязанности по обеспечению «права на отдых», «права на выбор профессии» и «защиты материнства и детства». Наихудшим образом государство выполняло свои обязанности по обеспечению «права на бесплатное образование», «права на жильё», «права на судебную защиту прав и свобод гражданина», «равенства перед законом и судом», «права на благоприятную окружающую среду».

Более половины респондентов считали, что государство выполняло основные обязанности по «обороне страны», «обеспечению мира и поддержанию мирового порядка», «налогообложению и взиманию налогов», «сотрудничеству и укреплению связей с СНГ». По мнению россиян, хуже всего обстояли дела по выполнению государством своих обязанностей по «защите жизни и прав соотечественников за границей», «регулированию производства и распределению товаров и услуг», «интеграции в мировую экономику», «охране природы и использованию ресурсов», «обеспечению достойной жизни и всестороннего развития граждан».

В июне 2019 г. большинство граждан считали, что «сколько ни работай, материального благополучия себе не обеспечишь», «большинство из нас не могут повлиять на политические процессы в стране», «людям у власти нет никакого дела до простых людей». Более 40% высказали точку зрения о том, что «главное для центральной власти в Москве — это решить свои проблемы за счёт областей и республик России», и столько же затруднились высказать суждение об отношениях центра и регионов.

Россияне выше 5 баллов (из 10 возможных) оценили своё место в обществе «по квалификации», «по выполняемой работе, учёбе», «по образованию» и «по профессии». Более низкие значения наблюдались у индикаторов самооценки места в обществе «по качеству жизни», «размеру денежных доходов», самое низкое значение — по «участию в политической жизни страны». Наиболее развитыми

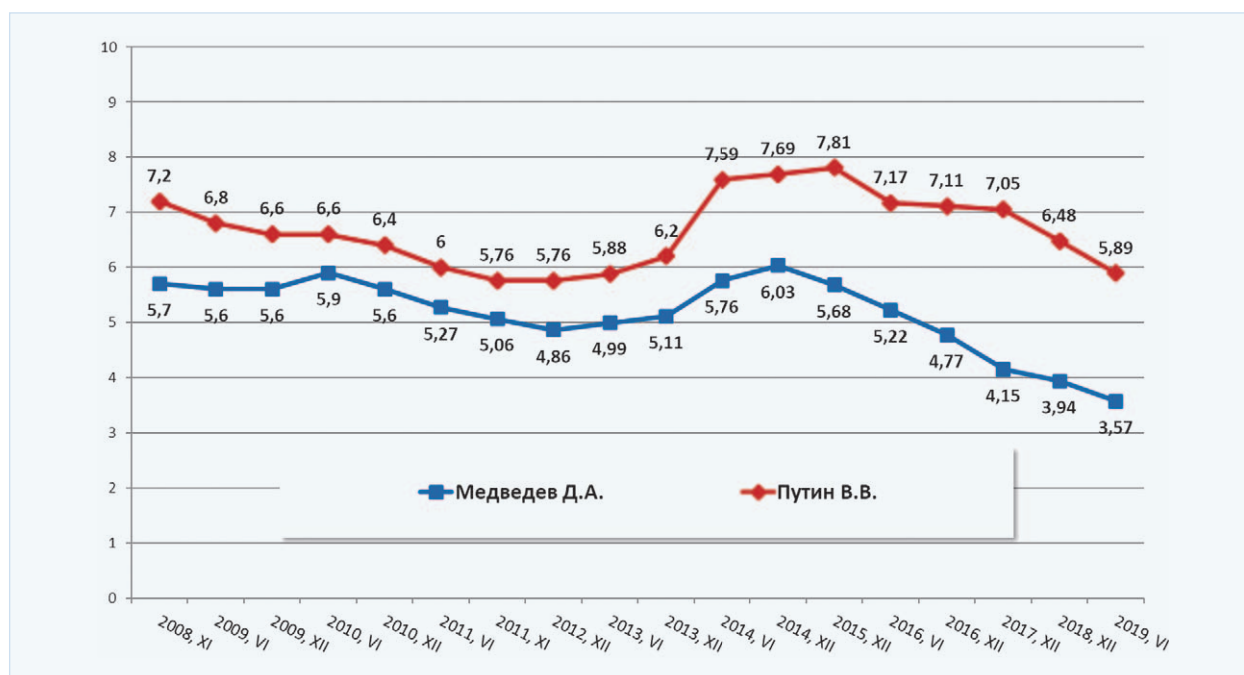


График 4. Оценка деятельности Путина В.В. и Медведева Д.А. на постах президента и председателя правительства России (РФ). Баллы по десятибалльной шкале)

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

сторонами гражданского общества в России, по оценкам граждан, являлись «право собственности — владение, пользование и распоряжение имуществом», «политическое и идеологическое разнообразие политических партий», «открытость и доступность информации о положении дел в стране и за рубежом» и «демократия, свобода политического выбора». Более низко россияне оценили такие стороны гражданского общества, как «свобода слова — возможность без ограничений выражать своё мнение», «правовое государство — господство закона, перед которым все равны и который защищает права, свободы и безопасность граждан», «общественные организации, представляющие и защищающие интересы граждан» и «самоуправление — инициативное участие граждан в управлении делами по месту жительства, работы, учёбы и т.д.».

В июне 2019 г. почти половина респондентов считали, что государство выражало и защищало в первую очередь интересы «богатых слоёв». Третья часть считала, что государство выражало и защи-

щало интересы «государственной бюрократии», а пятая часть — интересы «всех граждан России». Каждый десятый считал, что «его интересы достаточно защищены». Каждый восьмой для защиты своих интересов готов «подписать обращение к властям» или «выйти на митинг, демонстрацию». Меньшее число опрошенных сказали, что «будут участвовать в забастовках, акциях протеста» или даже «если надо, возьмут оружие». При этом четвертая часть респондентов не намерена предпринимать что-либо из перечисленных форм защиты своих интересов.

За прошедший год существенно снизилось доверие россиян Президенту РФ, Администрации Президента РФ, Правительству РФ, Совету Федерации и армии. В этот период возросло число россиян, не поддерживающих никакую партию. Рейтинг В.В.Путина как антикризисного лидера существенно упал, а число граждан, считавших, что такого лидера нет, возросло. За год снизилась оценка граждан деятельности В.В.Путина на посту Президента России. Возросло количество

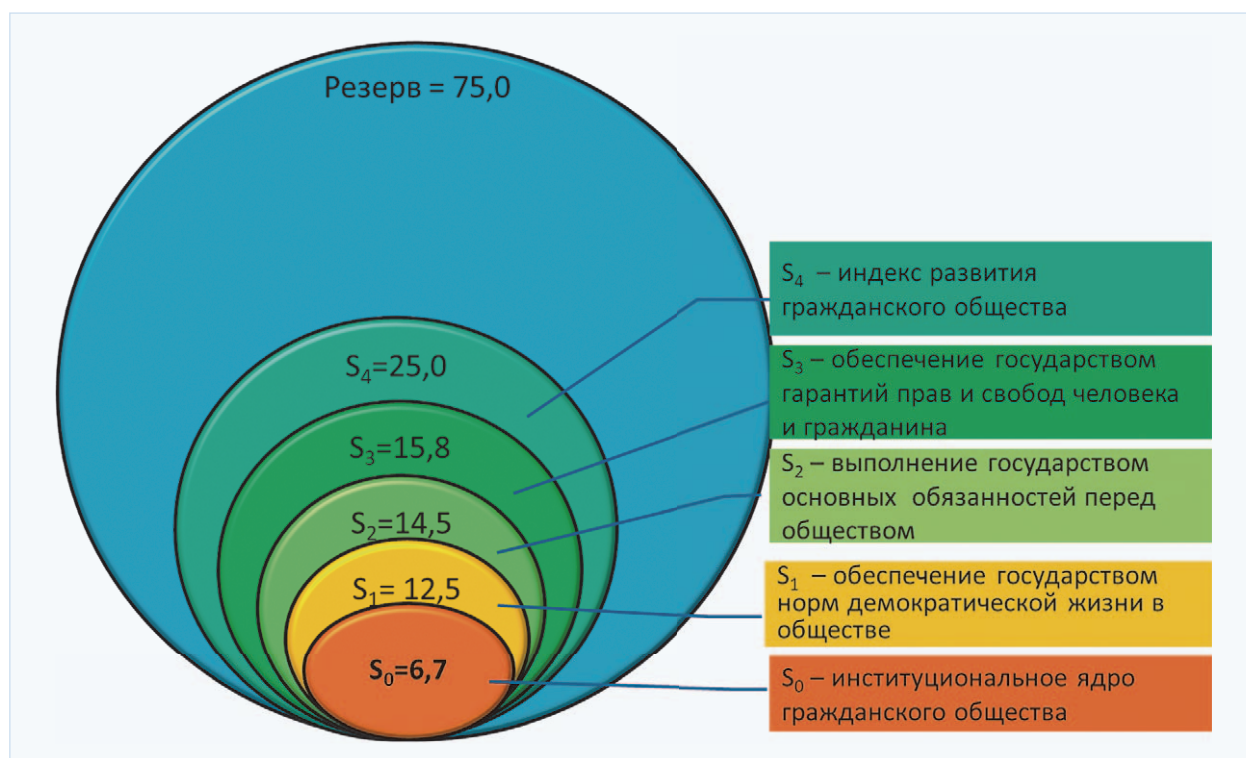


Рис. Эмпирическая модель гражданского общества в России – июнь 2019 г.

россиян, считавших, что политическую систему российского общества необходимо изменить радикальным образом. При этом число россиян, которых полностью устраивала политическая система российского общества, сократилось.

По мнению граждан, за полгода государство стало хуже обеспечивать основные нормы жизни демократического общества: «свободу политического выбора» и «свободу слова». За год уменьшилось количество россиян с мнением о том, что государство обеспечивает гарантию таких прав и свобод человека и гражданина, как «свобода мысли и слова», «право на социальное обеспечение и пенсию», «защита государством материнства и детства», «право на судебную защиту прав и свобод гражданина». Отметим, что снизилось число граждан, считавших, что государство выполняло обязательства перед обществом по «охране прав и свобод граждан, прав собственности, правопорядка», «охране природы и использованию ресурсов», «развитию науки, культуры и образования» и «обороне страны» [13].

Снизилось число россиян, считавших, что «сколько ни работай, материального благополучия себе не обеспечишь» и увеличилось количество граждан с мнением о том, что «главное для центральной власти в Москве – это решить свои проблемы за счёт областей и республик России». За эти годы возросло количество россиян, утверждавших, что «российское государство выражает и защищает интересы богатых слоёв», и уменьшилось число граждан, считавших, что «российское государство выражает и защищает интересы всех граждан России».

Модель потенциала гражданского общества

Уровень развития гражданского общества можно исследовать с помощью модели, в состав которой входит ряд существенных характеристик. Основу модели составляют базисные фундаментальные признаки, без проявления и наличия которых гражданское общество не может возникнуть. Все социологические измерения производятся на основе мнений на-

селения о различных сторонах жизнедеятельности гражданского общества [14].

Путём агрегирования значений по данным семи показателям вычисляется значение индекса гражданского общества в России. С помощью него оценивается гражданский потенциал общества (институциональное ядро гражданского общества), и на его основе рассчитывается индекс гражданского потенциала общества.

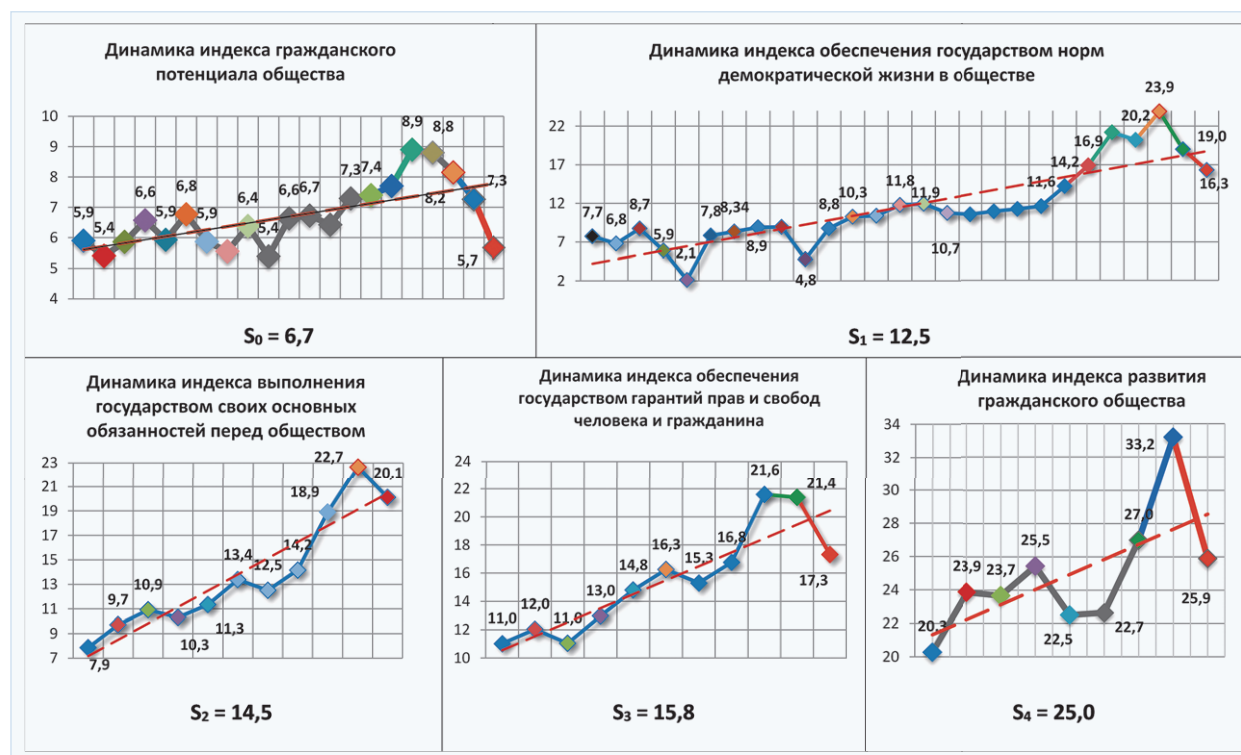
В состав концептуальной модели гражданского общества входят ядро и оболочки, а эмпирическую модель гражданского общества в России составляют совокупность измерений ядра и оболочек.

Эмпирическая модель развития гражданского общества в нашей стране может быть представлена в виде концентрических окружностей, площадь круга внутри каждой из которых отражает числовое значение индексов ядра и оболочек. Площадь круга внутри каждой предыдущей окружности учитывается в последующих (см. рис., графики 5–9).

Динамика всех индексов имеет тенденцию к повышению. Российское граж-

данское общество постепенно расширяет свои социальные границы. Резервы строительства гражданского общества значительны – 75% [15]. К современному историческому моменту развития пройдена четверть пути к идеальному гражданскому обществу. Конечно, абсолютное гражданское общество со 100-процентным значением всех признаков вряд ли когда-либо и кому-нибудь удастся построить. Но социально-политический гражданский процесс в своём развитии всегда будет стремиться к пространству идеального гражданского общества.

В целом система социально-политических отношений российского гражданского общества и государства развивается в режиме динамического равновесия в зоне кризиса, но имеет обозначившуюся в 2019 году тенденцию к выходу в зону стабильного развития. В значительной степени динамика и характер этого тренда будет зависеть от успешности политики Правительства РФ по повышению уровня и качества жизни российских граждан.



Графики 5–9. Динамика индексов развития гражданского общества в России

ЛИТЕРАТУРА

1. Левашов В.К. Диалектика развития и политическая культура // Вызовы цифрового будущего и устойчивое развитие России. Социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2017–2018 годах: коллективная монография / Под ред. Г.В. Осипова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова, Т.К. Ростовской. М.: ИТД «Перспектива», 2018. С. 175–192.
2. Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С. Кризис и риски устойчивого развития российского общества. По материалам XLVII этапа социологического мониторинга «Как живешь Россия?», май 2018 года / Под общ. ред. В.К. Левашова. [Электронное издание]. М.: Перспектива, 2018. URL: <https://goo.gl/RmELCu>. (дата обращения: 18.02.2020).
3. Левашов В.К., Шушпанова И.С., Афанасьев В.А., Новоженина О.П. Россия после выборов: стратегия прорыва и тревоги граждан // Наука. Культура. Общество. 2019, № 1. С. 5–19.
4. Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С. Состояние гражданского общества в России. XLIX этап социологического мониторинга «Как живешь Россия?», июнь 2019 года / Под общ. ред. В.К. Левашова. [Электронное издание]. М.: Перспектива, 2019. URL: <https://itdperspectiva.page.link/iproct2019> (дата обращения: 18.02.2020).
5. Левашов В.К. Новые социально-политические противоречия на пути достижения устойчивого развития // Социологические исследования. 2018. № 12. С. 107–119.
6. Шушпанова И.С. Особенности политической культуры бедных россиян: социологический анализ // Декабрьские социально-политические чтения «Как живёшь, Россия?». Российское социальное государство и гражданское общество в реализации стратегии прорыва: результаты и резервы» / Под ред. С.В. Рязанцева, В.К. Левашова, Т.К. Ростовской. [Электронное издание]. М.: Перспектива, 2019. С. 122–127. URL: <https://itdperspectiva.page.link/ispirandec2019> (дата обращения: 18.02.2020).
7. Шушпанова И.С. Уровень и риски бедности населения / Стратегия прорыва и цифровая реальность России. Социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2019 году: Коллективная монография // Под ред. Г.В. Осипова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова, Т.К. Ростовской. М.: Перспектива, 2019. С. 393–410.
8. Великая Н.М. Риски политического развития России: недоверие и отчуждение // Декабрьские социально-политические чтения «Как живешь, Россия?». Российское социальное государство и гражданское общество в реализации стратегии прорыва: результаты и резервы» / Под ред. С.В. Рязанцева, В.К. Левашова, Т.К. Ростовской. [Электронное издание]. М.: Перспектива, 2019. С. 23–32. URL: <https://itdperspectiva.page.link/ispirandec2019> (дата обращения: 18.02.2020).
9. Великая Н.М. Партийная система современной России: институциональные рамки и общественная легитимация // Вестник РГГУ. Серия: философия. Социология. Искусствоведение. 2019. № 1. С. 108–119.
10. Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С. Экспресс-информация. Как живёшь, Россия? XLIX этап социологического мониторинга, июнь 2019 года / Под общ. ред. В.К. Левашова. [Электронное издание]. — М.: Перспектива, 2019. URL: <https://itdperspectiva.page.link/ispiranjul2019> (дата обращения: 18.02.2020).
11. Левашов В.К., Шушпанова И.С., Новоженина О.П., Афанасьев В.А. Проблемы и перспективы трудовой мотивации в оценках российского гражданского общества // Будущее сферы труда: глобальные вызовы и региональное развитие: Сборник статей Международного форума «Будущее сферы труда: достойный труд для всех» (Уфа, 4–5 февраля 2019 г.) / Под ред. Г.Р. Баймурзиной, Р.М. Валиахметова. Уфа: Мир Печати, 2019. С. 304–310.
12. Новоженина О.П. Политическая лояльность граждан РФ как фактор социально-политической устойчивости // Декабрьские социально-политические чтения «Как живешь, Россия?». Российское социальное государство и гражданское общество в реализации стратегии прорыва: результаты и резервы» / Под редакцией С.В. Рязанцева, В.К. Левашова, Т.К. Ростовской. [Электронное издание]. М.: Перспектива, 2019. С. 83–90. URL: <https://itdperspectiva.page.link/ispirandec2019> (дата обращения: 18.02.2020).

13. Левашов В.К. Кому живётся весело, вольготно на Руси? // Социологические исследования 2019. Вып. 4. С. 165–170.
14. Левашов В.К. Российское государство и общество в период либеральных реформ: Монография / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2019. — 356 с.
15. Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С. Состояние гражданского общества в России. XLIX этап социологического мониторинга «Как живешь Россия?», июнь 2019 года / Под общ. ред. В.К. Левашова. [Электронное издание]. М.: Перспектива, 2019. URL: <https://itdperspectiva.page.link/iproct2019> (дата обращения: 18.02.2020).

ENGLISH

Prospects of Civic Society Development in Russia

Viktor Konstantinovich Levashov – Doctor of Sociology, Head of the Center for Strategic Social and Socio-Political Studies of Institute of Social and Political Studies, Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences, Head of the project “Social State and Civil Society in the Context of National Projects Implementation” (20-011-00013a).

E-mail: levachov@mail.ru

Russia's reunification with the Crimea, counter-sanction policy, practices of the Russian state and civil society, as well as scientific and technological and social and economic breakthrough actively attempted in the country are the key events and drivers determining the social and political environment and the nearest future of the Russian society. Russian civil society and the rule of law continue its steady growth despite adverse global social and economic and social and political environment. The key result of such growth is the pivot of the crisis trend as well as a dynamic balance of social and political relations between the Russian state and society. In general, the civil society offers a fairly sufficient level of trust to the government institutions. The trust level is to be enhanced and consolidated in the nearest future. The success of Russian politics shall depend on minimizing external threats and challenges and on meeting internal fundamental interests and urgent needs of citizens with respect to security and improvement of life quality.

Keywords: collective and social consciousness, sociological monitoring, civil society, Russian society, social transformations, state socialization, civil society potential, social and political sustainability

REFERENCES

1. Levashov V.K. Dialektika razvitiya i politicheskaya kul'tura // Vyzovy tsifrovogo budushchego i ustoychivoe razvitie Rossii. Sotsial'no-politicheskoe polozhenie i demograficheskaya situatsiya v 2017–2018 godakh: kollektivnaya monografiya / Pod red. G.V. Osipova, S.V. Ryazantseva, V.K. Levashova, T.K. Rostovskoy. M.: ITD «Perspektiva», 2018. S. 175–192 (in Russian).
2. Levashov V.K., Afanas'ev V.A., Novozhenina O.P., Shushpanova I.S. Krizis i riski ustoychivogo razvitiya rossiyskogo obshchestva. Po materialam XLVII etapa sotsiologicheskogo monitoringa «Kak zhivesh' Rossiya?», may 2018 goda / Pod obshch. red. V.K. Levashova. [Elektronnoe izdanie]. M.: Perspektiva, 2018. URL: <https://goo.gl/RmELCu>. (data obrashcheniya: 18.02.2020) (in Russian).

3. Levashov V.K., Shushpanova I.S., Afanas'ev V.A., Novozhenina O.P. Rossiya posle vyborov: strategiya proryva i trevogi grazhdan // Nauka. Kul'tura. Obshchestvo. 2019, № 1. S. 5–19 (in Russian).
4. Levashov V.K., Afanas'ev V.A., Novozhenina O.P., Shushpanova I.S. Sostoyanie grazhdanskogo obshchestva v Rossii. XLIX etap sotsiologicheskogo monitoringa «Kak zhivesh' Rossiya?», iyun' 2019 goda / Pod obshch. red. V.K. Levashova. [Elektronnoe izdanie]. M.: Perspektiva, 2019. URL: <https://itdperspectiva.page.link/iproct2019> (data obrashcheniya 18.02.2020) (in Russian).
5. Levashov V.K. Novye sotsial'no-politicheskie protivorechiya na puti dostizheniya ustoychivogo razvitiya // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2018. № 12. S. 107–119 (in Russian).
6. Shushpanova I.S. Osobennosti politicheskoy kul'tury bednykh rossiyan: sotsiologicheskii analiz // Dekabr'skie sotsial'no-politicheskie chteniya «Kak zhivyosh', Rossiya?». Rossiyskoe sotsial'noe gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo v realizatsii strategii proryva: rezul'taty i rezervy» / Pod red. S.V. Ryazantseva, V.K. Levashova, T.K. Rostovskoy. [Elektronnoe izdanie]. M.: Perspektiva, 2019. S. 122–127. URL: <https://itdperspectiva.page.link/ispirandec2019> (data obrashcheniya: 18.02.2020) (in Russian).
7. Shushpanova I.S. Uroven' i riski bednosti naseleniya / Strategiya proryva i tsifrovaya real'nost' Rossii. Sotsial'no-politicheskoe polozhenie i demograficheskaya situatsiya v 2019 godu: Kollektivnaya monografiya // Pod red. G.V. Osipova, S.V. Ryazantseva, V.K. Levashova, T.K. Rostovskoy. M.: Perspektiva, 2019. S. 393–410 (in Russian).
8. Velikaya N.M. Riski politicheskogo razvitiya Rossii: nedoverie i otchuzhdenie // Dekabr'skie sotsial'no-politicheskie chteniya «Kak zhivesh', Rossiya?». Rossiyskoe sotsial'noe gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo v realizatsii strategii proryva: rezul'taty i rezervy» / Pod red. S.V. Ryazantseva, V.K. Levashova, T.K. Rostovskoy. [Elektronnoe izdanie]. M.: Perspektiva, 2019 (in Russian). S. 23–32. URL: <https://itdperspectiva.page.link/ispirandec2019> (data obrashcheniya: 18.02.2020) (in Russian).
9. Velikaya N.M. Partiy'naya sistema sovremennoy Rossii: institutsional'nye ramki i obshchestvennaya legitimatsiya // Vestnik RGGU. Seriya: filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie. 2019. № 1. S. 108–119 (in Russian).
10. Levashov V.K., Afanas'ev V.A., Novozhenina O.P., Shushpanova I.S. Ekspres-informatsiya. Kak zhivyosh', Rossiya? XLIX etap sotsiologicheskogo monitoringa, iyun' 2019 goda / Pod obshch. red. V.K. Levashova. [Elektronnoe izdanie]. — M.: Perspektiva, 2019. URL: <https://itdperspectiva.page.link/ispiranjul2019> (data obrashcheniya: 18.02.2020) (in Russian).
11. Levashov V.K., Shushpanova I.S., Novozhenina O.P., Afanas'ev V.A. Problemy i perspektivy trudovoy motivatsii v otsenkakh rossiyskogo grazhdanskogo obshchestva // Budushchee sfery truda: global'nye vyzovy i regional'noe razvitie: Sbornik statey Mezhdunarodnogo foruma «Budushchee sfery truda: dostoinyy trud dlya vsekh» (Ufa, 4–5 fevralya 2019 g.) / Pod red. G.R. Baymurzinoy, R.M. Valiakhmetova. Ufa: Mir Pechati, 2019. S. 304–310 (in Russian).
12. Novozhenina O.P. Politicheskaya loyal'nost' grazhdan RF kak faktor sotsial'no-politicheskoy ustoychivosti // Dekabr'skie sotsial'no-politicheskie chteniya «Kak zhivesh', Rossiya?». Rossiyskoe sotsial'noe gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo v realizatsii strategii proryva: rezul'taty i rezervy» / Pod redaktsiey S.V. Ryazantseva, V.K. Levashova, T.K. Rostovskoy. [Elektronnoe izdanie]. M.: Perspektiva, 2019. S. 83–90. URL: <https://itdperspectiva.page.link/ispirandec2019> (data obrashcheniya: 18.02.2020) (in Russian).
13. Levashov V.K. Komu zhivyotsya veselo, vol'gotno na Rusi? // Sotsiologicheskie issledovaniya 2019. Vyp. 4. C. 165–170 (in Russian).
14. Levashov V.K. Rossiyskoe gosudarstvo i obshchestvo v period liberal'nykh reform: Monografiya / 2-e izd., pererab. i dop. M.: Izd-vo Yurayt, 2019. — 356 s. (in Russian).
15. Levashov V.K., Afanas'ev V.A., Novozhenina O.P., Shushpanova I.S. Sostoyanie grazhdanskogo obshchestva v Rossii. XLIX etap sotsiologicheskogo monitoringa «Kak zhivesh' Rossiya?», iyun' 2019 goda / Pod obshch. red. V.K. Levashova. [Elektronnoe izdanie]. M.: Perspektiva, 2019. URL: <https://itdperspectiva.page.link/iproct2019> (data obrashcheniya: 18.02.2020) (in Russian).

УДК 001.86+316.77

ГРНТИ 12.21.65

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-100-03-81-91



**С.А. ДУШИНА,
В.А. КУПРИЯНОВ***

Идея и реальность научной коммуникации в академических социальных сетях

В статье излагаются основные результаты исследования влияния академических социальных сетей на профессиональные практики учёных. Авторы рассматривают социальные академические интернет-сети как новые средства коммуникации, претендующие на преодоление ограничений традиционных средств коммуникации в виде научных конференций, научной периодики и книг. Показано, что интернет-платформы, в том числе академические социальные сети, ставят под сомнение главенствующее положение журнала в системе научных коммуникаций. Основываясь на результатах эмпирического исследования, авторы уделяют особое внимание изучению коммуникативных процессов на цифровых платформах. Показано, как социальные сети в силу особенностей характера своего функционирования переформируют деятельность учёного, т.е. меняют его мотивацию и ценностные установки, стимулируя стремление к высокому рейтингу и к увеличению количества контента, цитирований, числа подписчиков, посещаемости страницы. Авторы рассматривают социальные сети в качестве инструмента идеологии открытой науки, в связи с чем приходят к выводу, что за продвижением сетей скрываются определённые властные интересы, направленные на реорганизацию научной коммуникации в соответствии с ценностями, обусловленными новой неоллиберальной экономикой.

Ключевые слова: учёный, научная коммуникация, научная периодика, цифровая платформа

Введение

Традиционная система научной коммуникации представляет собой разветвлённую сеть издательств, журналов, препринтов и конференций, выполняю-

щих роль посредников в общении учёных. Значение этих коммуникативных средств не сводимо к функции незаметных медиаторов. Скорее, наоборот, они задают коммуникативные практики

* **Душина Светлана Александровна** — кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора социальных и когнитивных проблем науки Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, руководитель проекта «Учёные в социальных сетях: способствуют ли академические медиа профессиональной карьере?» (17-03-00171а).

E-mail: sadushina@yandex.ru

Куприянов Виктор Александрович — кандидат философских наук, научный сотрудник сектора социальных и когнитивных проблем науки Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, исполнитель того же проекта.

E-mail: nonignarus-artis@mail.ru

и формируют стандарты академической работы. Особенно это касается научных журналов и журнальной статьи, которая в современном естествознании признаётся главной единицей информационного обмена [1, с. 94].

Так сложилось исторически, что журналы конституируют группы научного сообщества, определяют тематическое поле исследований, задают норму научности для конкретных областей знания. При выявлении причин возникновения научных журналов историки науки указывают на ряд условий социально-экономического характера, в том числе на изобретение новой технологии книгопечатания. Но изначально интентией, вызвавшей необходимость создать научный журнал, являлась задача научного информирования и упрощения передачи информации. Вскоре после своего почти одновременного возникновения в 1665 г. в Англии и во Франции журналы превратились в публичную трибуну (своего рода «форум разума») для высказывания и обсуждения новейших идей и открытий, что обеспечивало их авторам не только быстрое распространение собственных исследований, но также и путь к научному признанию и известности. Публикации в научных журналах того времени передавали знание в процессе работы, т.е. знание искомое и открытое к корректировке или к полному опровержению [2, 3].

Важно отметить, что именно в этом аспекте современная журнальная коммуникация заметно отличается от того, чем она была в раннее Новое время. Сегодня журналы в основном публикуют законченные исследования, являющиеся результатом проделанной работы, и «процессуальный», поисковый, дискуссионный момент отходит на второй план. Хотя в целом нужно признать, что современная научная периодика продолжает выполнять те же самые социальные функции, что и во времена своего возникновения во второй половине XVII в.: распространение материала и его архивирование,

контроль качества, осуществляющийся через установленный механизм экспертной оценки [4, р. 367], а также своевременное и быстрое информирование учёных о происходящем в мире науки.

Однако нельзя не заметить, что сегодня как никогда прежде научные журналы подвергаются критике со стороны учёного сообщества [5]. Вызывают недовольство скорость публикации представленных в редакцию рукописей, дороговизна подписки на научные журналы, усложняющая доступ к исследовательским статьям, и работа рецензентов, которую зачастую оценивают как предвзятую и необъективную. Главная же проблема современной научной коммуникации, которая охватывает как институты научной периодики, так и в целом все формы и способы общения учёных, — перенасыщение информацией и, как следствие, сложность отбора в плотном потоке статей, монографий, конференционных дискуссий действительно ценного и значимого, а порой и просто профессионального знания. Создаётся впечатление, что выработанные веками средства научной коммуникации дают системный сбой, выражающийся в потере ими роли инстанций, придающих легитимность и социальную значимость научному знанию. Всё это вместе взятое даёт основание говорить если не об институциональной эрозии, то о некотором несоответствии традиционных средств научной коммуникации и, прежде всего, научной периодики запросам и потребностям учёных и подталкивает к поиску альтернативных средств профессионального общения. К таковым относят технологические инновации в виде цифровых платформ, интегрирующих содержание, аналитику, информационный сервис, обеспечивающих более доступные и простые способы распространения, хранения и потребления контента. Цифровые средства коммуникации подаются в качестве новых и более перспективных субститутов исторически сложившихся средств научной коммуни-

кации, прежде всего научной периодики. К числу новых средств коммуникации относятся, главным образом, академические социальные сети, представляющие собой открытые интернет-платформы, созданные для беспрепятственного и удобного обмена информацией (это, в первую очередь, такие сайты как «ResearchGate», «Academia.edu» и «Mendeley»). Основную задачу нашего исследования мы видели в том, чтобы эксплицитно обозначить значимость и роль в исследовательской работе учёных такого рода интернет-платформ. Наша работа разворачивалась на двух уровнях: мы интерпретировали понятие академической социальной сети сквозь призму концепта «открытой науки», тем самым показав «идеальное» содержание сетевой научной коммуникации; затем, отталкиваясь от данных эмпирических исследований, проанализировали реальное использование сетей в коммуникативных практиках учёных.

Журнальная периодика vs академические социальные сети

Идеология «открытой науки» является феноменом неолиберального социально-экономического порядка, который перестраивает существующие социальные институты науки, подчиняя их рыночным императивам [6]. Исторически идеология открытой науки есть производная от идеи открытого общества К.Поппера, являющейся развитием того понимания свободы, которое мы находим в классическом либерализме Дж.Локка, французских просветителей и английских утилитаристов (И.Бентама, Дж.С.Милля), а также в трудах современных адептов неоллиберализма: Л.Фон Мизеса, М.Фридмана, Ф.А. фон Хайека [7, 8]. Речь идёт о понимании свободы как отсутствия внешних барьеров для самореализации личности. При всём многообразии содержание идеи открытой науки сводится к мысли о необходимости максимального облегчения доступа к информации в сочетании с большей публичностью. Под открытой нау-

кой, как обобщающе пишет Ф.Мировски, «понимается и *открытый доступ* к существующим научным статьям, и *некий иной формат будущей научной публикации*, и *открытое обеспечение научными данными*; и *открытое рецензирование*; и наконец, вовлечение не-учёных в исследовательский процесс под рубрикой *гражданской науки*». [6, p. 173].

Социальные академические интернет-сети позиционируют себя как конкурента в борьбе с научной издательской индустрией, а не с другими, общими, социальными сетями. Традиционные институты далеко не всегда способны удовлетворить такие ключевые социальные потребности учёного, как достижение широкого признания, поиск единомышленников, распространение своих исследовательских работ, свободная коммуникация с коллегами. Именно на такую базовую социальную потребность — потребность в профессиональной самореализации в сообществе коллег — отвечают социальные сети. Для этого они предлагают своим пользователям возможность выйти со своими работами на широкий, ничем не сдерживаемый рынок идей и путём свободной борьбы, опираясь на собственные силы, заявить о себе, чтобы добиться определённого статуса в научном сообществе (в противовес исторически сложившимся организациям с их не всегда ясными и справедливыми принципами социальной стратификации). Иначе говоря, сети привлекают именно идеей открытого, т.е. неоллиберального, рынка. Открытая наука, таким образом, оказывается главной идеологической конструкцией, лежащей в основании академических социальных сетей.

Технологические возможности платформ безграничны, и в отличие от журнальной периодики, связанной с не всегда ясными процедурами рецензирования, а также порой с фактическим отсутствием читателей, сети могут позволить себе публиковать практически всё и предлагают инструменты продвижения опубли-

кованного материала, т.е. обеспечивают поиск читателя и, следовательно, потенциального единомышленника. Академические социальные медиа дают возможность пользователям размещать не только уже опубликованные в научной периодике статьи, делая их открытыми для всех заинтересованных, но и представлять результаты исследований, которые не могут быть отражены традиционными издательскими системами, – отклонённые редакцией рукописи, доклады, презентации, черновики, главы диссертаций, препринты. Иначе говоря, социальные сети являются виртуальной площадкой для «научной кухни», которая до сих пор скрывалась за публикацией, и способствуют переводу внимания на институционально невидимые прежде практики производства научного знания [9].

В соответствии со стремлением к демократизации цифровые платформы ставят под сомнение столетиями существующий традиционный институт экспертизы. Идея открытых интернет-платформ, в том числе академических социальных сетей, предполагает равенство участников коммуникативного процесса, когда научная значимость статьи определяется не в результате суждения рецензента, занимавшего привилегированную позицию, а благодаря свободной оценке каждого интернет-пользователя, находящегося в равных условиях. В данном случае предполагается, что каждый пользователь сети в состоянии сам принять решение о значимости того или иного материала. Таким образом, стороннее, экспертное суждение, являющееся непременным условием проверки на истинность научного материала, оказывается в интернет-платформах избыточным. Статус публикации, размещённой в социальной сети, определяется на основе метрик и рейтингов, вычисляемых интеракциями объекта в интернете (скачивания, рекомендации, чтения, комментарии, цитирования). Таким образом, безличным демократическим голосованием интернет-пользо-

вателей публикация – единица коммуникативного обмена – получает оценки и приобретает значимость. Экспертная функция в данном случае выстраивается не через суждения рецензента и членов редколлегий, которые, как считается, могут быть предвзятыми, а распределяется через безличный механизм компьютерного алгоритма, подсчитывающего количество интеракций в сети. Таким образом, несмотря на стремление к открытости и полному снятию всех внешних барьеров, в социальных сетях механизм оценки предусмотрен и существует как симулякр традиционной экспертизы, когда рейтинг (например, RGscore) выстраивается, в частности, в зависимости от охвата аудитории, от привлечения широкого круга стейкхолдеров, что, в общем, соответствует общим трендам открытой науки.

Учёные в сетях открытой науки: анализ сетевой активности пользователей

Для оценки характера воздействия социальных сетей и заложенной в них идеологии открытой науки мы используем результаты нашего эмпирического исследования, проведенного в 2018 г. и направленного на выявление стратегий онлайн-поведения пользователей социальных сетей [описание выборки см.: 10, с. 86–87].

Как показывают полученные нами данные, самыми распространёнными действиями в сети становятся «чтение статей» (83,3%), «выкладывание опубликованных работ» пользователей (67%) и «тематический поиск публикаций» (66,5%) (рис. 1). В поведении пользователей социальных академических сетей неформальные коммуникативные практики выражены более слабо: меньше всего респонденты пишут комментарии (11,1%), задают вопросы (18,1%), отвечают на вопросы (19,8%) и рекомендуют статьи (24,3%). В этом отношении поведение пользователей российского сегмента социальных сетей мало чем отличается от поведения

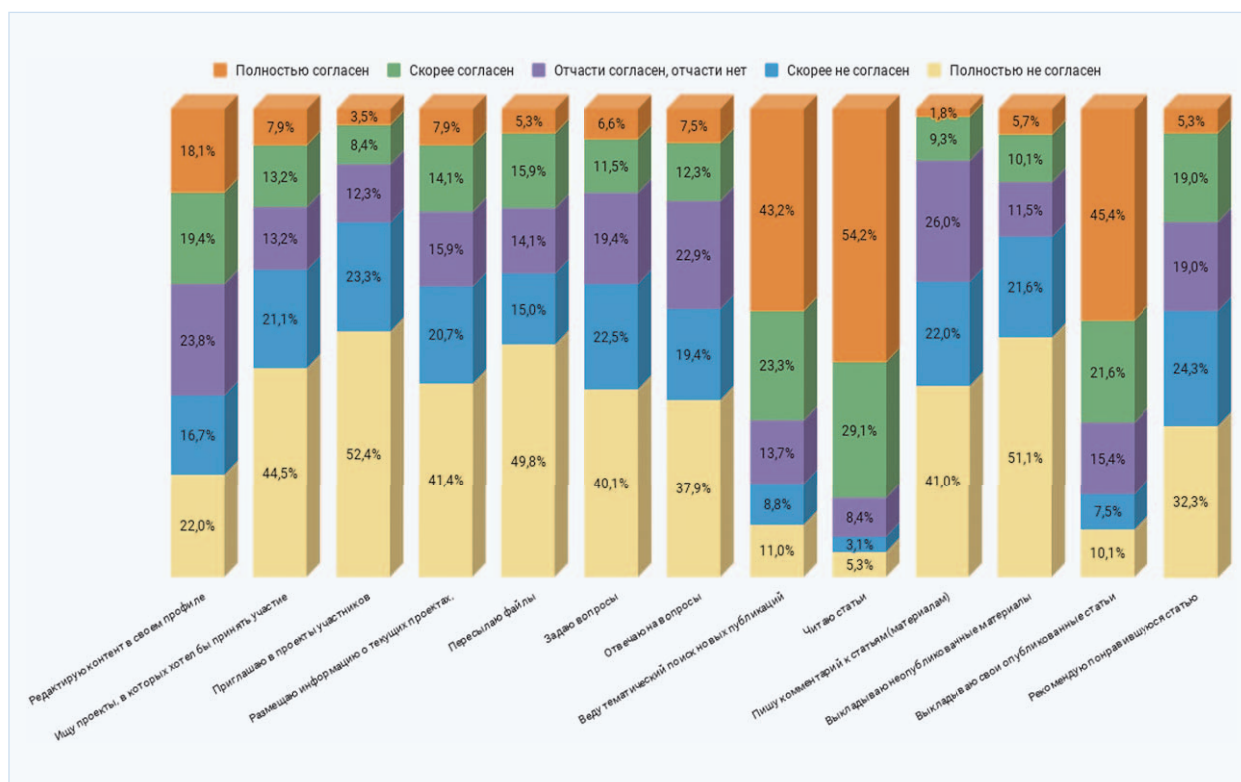


Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Что Вы делаете в академических интернет-сетях?»

Источником данных в этом и последующих случаях, если не указано другое, являются расчёты авторов по результатам собственного исследования.

зарубежных исследователей [11]. Сеть выступает как своего рода репозиторий, и в таком качестве она наиболее полезна для респондентов.

Именно это обстоятельство обусловило, на наш взгляд, тот факт, что значимое число респондентов (рис. 2) отметило важную роль сети в генерации новых идей, подходов, методов. Представляется, это происходит не в последнюю очередь благодаря размещению полнотекстовых версий свежих статей, хотя нельзя исключить и аспект обмена мнениями, который, безусловно, практикуется, но не является основным. Дело в том, что, как полагают многие исследователи, открытый доступ к научным статьям делает более интенсивными процессы генерации нового знания, его распространения, оптимизирует хранение и извлечение материала из репозитория [12].

Важным моментом в понимании академических социальных сетей, их инно-

вационности, способности стать альтернативной площадкой печатной периодике является размещение неопубликованных рукописей. Небольшой процент респондентов (15,8%) выкладывает в сеть неопубликованные по каким-то причинам материалы, что вполне понятно: публичное признание результата исследовательской работы сегодня происходит не в социальных сетях, не через «голосование» пользователей, а через каналы формальной коммуникации, благодаря институтам рецензирования, экспертизе. Неопубликованная рукопись, размещённая на сайте и получившая одобрение пользователей, не является научной публикацией в традиционном смысле. Это нечто иное, совершенно неизвестный до этого формат работы, и, как показывает наше исследование, практикуется сравнительно редко. Вместе с тем нельзя не отметить, что так или иначе цифровые платформы и сети как их разновидность

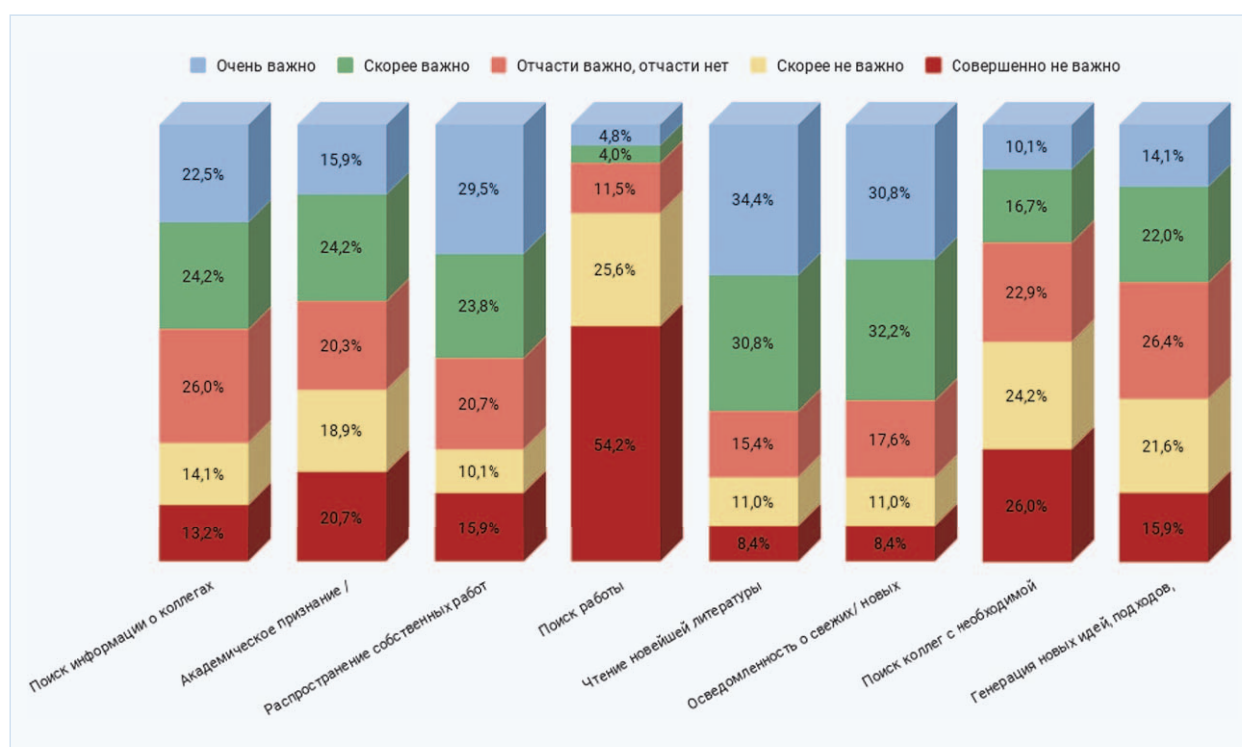


Рис. 2. Значение академических интернет-сетей для научной работы

подтачивают главенствующее положение журнальной статьи в системе научной коммуникации, способствуют стиранию той «фиксированной точки», которая сама исторична [9].

Мы обратили внимание на то, что сетевые индексы признания – число цитирований, скачиваний, число порекомендовавших, репутационный индекс, который рассчитывается на основе сетевой активности учёного и откликов на нее других исследователей (рис. 3), – значимы для пользователей. Возможно, размещающие в сети публикации исходят из прагматических соображений признания, популярности, славы, чему открытый доступ, бесспорно, способствует.

Как показали результаты нашего опроса, для учёных значимы количественные показатели профессиональной сетевой активности, прежде всего связанные с цитированием и скачиванием работ, а также с рекомендациями материалов (см. рис. 3). Чуть меньше половины респондентов (46,7%) также обращает внимание и на репутационный индекс, гене-

рируемый сетью. Таким образом, исследователи – пользователи сетей нацелены на повышение своих наукометрических показателей и формирование своего «цифрового лица», отражающего положение пользователя в глобальном сетевом рейтинге исследователей. Этот факт свидетельствует о том, что учёные соглашались с теми правилами распределения символического капитала, формирования лидерства, которые предлагаются социальными сетями. Пользователей привлекает либеральная идея самостоятельной реализации себя через собственную активность, и сети как раз предоставляют определённый механизм для оценки себя в этом виртуальном научном сообществе.

Формирование научной информации в результате сетевого взаимодействия

Социальные сети привлекательны своей открытостью, они отвечают потребности исследователей в расширении своего когнитивного влияния, одновременно втягивая их в свою систему отношений

в соответствии со своими алгоритмами. Что же происходит при этом с учёными – пользователями сетей? Учёный попадает на виртуальный рынок идей и в одиночку накапливает собственный «капитал», измеряемый разного рода метриками. Пользователи вносят в сеть документы, которые претерпевают своего рода «оборот» и тем самым набирают баллы, создавая «стоимость», формирующую «ценность». В этой системе выложенный документ эквивалентен товару, а получаемый рейтинг – его стоимости, выраженной не в деньгах, а в баллах [9].

Применительно к социальным медиа суть этой идеи заключается в том, что ценность, т.е. статус объекта в системе информационного обмена, определяется в академических социальных сетях механизмами, аналогичными тем, которые лежат в основе устройства финансовых рынков. Именно эти механизмы позволяют платформам присваивать ценность пользователям или объектам и рассчитывать их влияние в зависимости от виртуальных взаимодействий, которые поощряются и фиксируются самой этой платформой [13]. Таким образом, платформы

конструируют репутацию пользователя, не связанную напрямую с его исследовательскими достижениями, но определяющую, тем не менее, положение учёного в виртуальном научном сообществе.

Подвергая критике традиционные институты легитимации нового знания и научного вклада за непрозрачность экспертизы, прежде всего, журнальную периодику, сторонники открытой науки претендуют на формирование новых правил в научном сообществе под лозунгом открытости и доступности информации для всех заинтересованных лиц. Но деятельность этих платформ далека от прозрачности. Здесь сталкиваются разные виды власти: одна основана на традиционных институтах контроля и признания, а другая – на использовании новых цифровых практик, новых свобод, связанных, прежде всего, с интернетом. Сторонники «открытой науки» продвигают себя на веб-сайтах с бесплатными услугами, но зарегистрированных как корпорации, целью которых является получение прибыли. Н.Срничек в своей книге «Капитализм платформ» поясняет, что платформа – это новая корпоративная

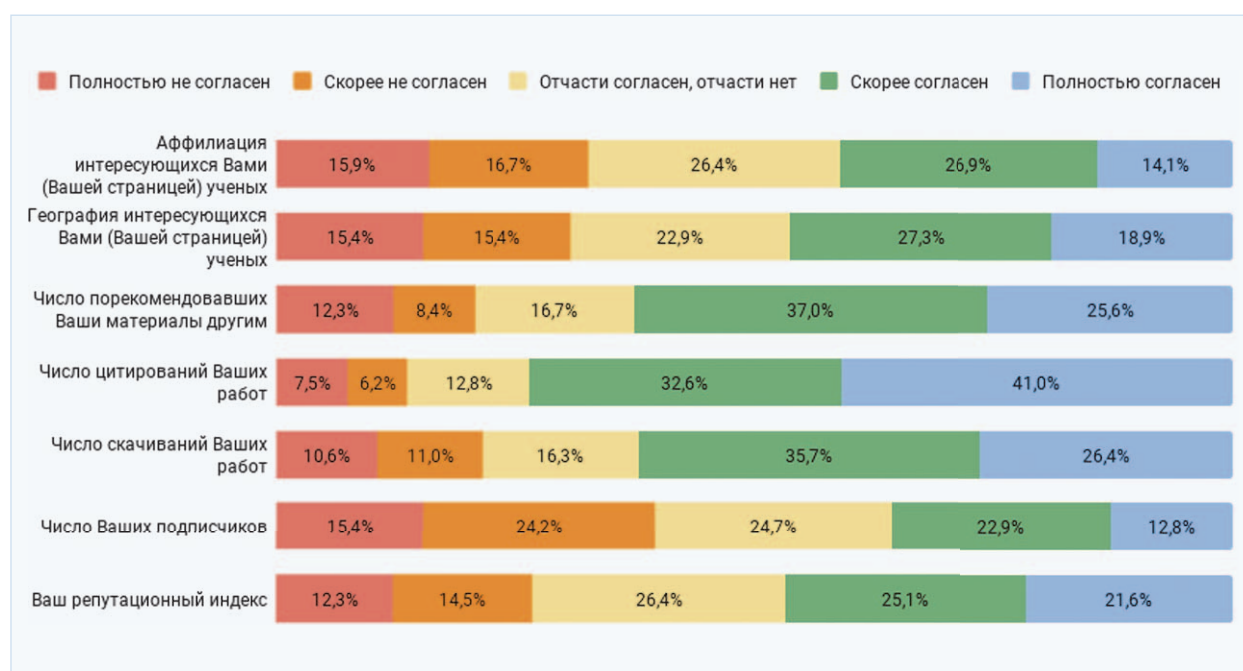


Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Насколько Вы согласны с тем, что в академических интернет-сетях для Вас важны...»

структура, которая получает прибыль на эффектах сетевого взаимодействия и на масштабном сборе данных, а также на номинально бесплатной рабочей силе [14, с. 41]. Академические социальные сети отвечают интенции профессиональных и непрофессиональных учёных быть вовлечёнными в новые формы виртуального взаимодействия. Но в результате «научные» веб-сайты (это частные компании) нацеливаются на реинжиниринг исследовательского процесса [15].

Проблема в данном случае в том, что любой пользователь сети оказывается здесь в позиции инструмента для осуществления интересов, чуждых сущности науки, понимаемой в смысле поиска истины. Как бы ненавязчиво социальные сети и другие аналогичные проекты, связанные с идеологией открытой науки, ни формировали у их участников осознание непредзаданности сетевой коммуникации и чувство свободы, тем не менее, пользователи социальных сетей превращаются в элемент не только чьих-то инвестиционных проектов (как правило, владельцев сайтов), но и становятся частями новой социальной конструкции, которая мягко переопределяет их ценностные установки и поведенческие стратегии, можно сказать, стремится заменить целевые установки пользователей. Под действием сетей социальное поведение учёных реформатируется в соответствии с идеологией неолиберальной науки. Хотя при этом необходимо признать, что пока академические социальные сети всё-таки воздействуют на своих пользователей весьма ограниченно.

Заключение

Цифровые платформы, в том числе академические социальные сети, пошатнули положение традиционной научной периодики, но не лишили её и прочие устоявшиеся формы научной коммуникации главенствующего положения. Мы можем предположить, что формат научной статьи и иных форм коммуникации

вместе с соответствующей им социальной инфраструктурой будет меняться, как и всё, что подвержено историческому развитию. Но пока научная периодика с зародившимся в её недрах институтом научного рецензирования остаётся основным инструментом, посредством которого осуществляется легитимация социального бытия учёного: развиваются научные карьеры, формируются локальные научные сообщества, обеспечиваются научное признание и научное лидерство, репрезентируются научные школы и традиции.

Мы исследовали социальные сети в качестве средства коммуникации, порождённого новой технологией в ответ на определённую фундаментальную социальную потребность учёных и предполагающего перестройку всех социальных механизмов науки в соответствии с принципами неолиберализма. Виртуальное пространство социальных сетей (в особенности академических) состоит из наукометрических показателей и формируемых на их основе рейтингов, которым и подчиняется сетевая активность пользователей. Именно это и приводит к трансформации поведения участников сетей. В случае с научными сетями ценности поиска истины и публикационной деятельности как средства донесения до профессионального сообщества своих размышлений (что составляет мотивацию учёного в подлинном смысле) заменяются на стремление к высокому рейтингу, определяющему «социальный» сетевой статус, репутацию. Таким образом, вместо поиска истины мотивацией учёного становится увеличение количества контента, цитирований, числа подписчиков, посещаемости страницы и пр. В результате виртуальная сеть как бы сама собой формирует реальную научную деятельность в искажённом виде, меняя её сердцевину — цели и мотивацию. Но задача научного общества состоит отнюдь не в том, чтобы целенаправленно сопротивляться развитию новых средств ком-

муникации (соцсетей в частности) или сдерживать развитие новых технологий, а в том, чтобы контролируя все их потенциалные риски, искать наиболее удобные и пригодные для себя новые формы социальной активности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прайс Д. Дж. де С. Тенденции в развитии научной коммуникации – прошлое, настоящее, будущее // Коммуникация в современной науке / Под ред. Э.М. Мирского, В.Н. Садовского. М.: Прогресс, 1976. С. 93–109.
2. Vittu J.-P. La formation d'une institution scientifique: le Journal des Savants de 1665 a 1714. Premier article : d'une entreprise privyve a une semi-institution // Journal des Savants. 2002. № 1. P. 179–203.
3. Vittu J.-P. Un système européen d'échanges scientifiques au XVIIIe siècle: les journaux savants // Le Temps des médias. 2003. Vol. 20. № 1. P. 47–63.
4. Bohlin I. Communication Regimes in Competition: The Current Transition in Scholarly Communication Seen through the Lens of the Sociology of Technology // Social Studies of Science. 2004. Vol. 34. Iss. 3. P. 365–391.
5. Nature // <https://www.nature.com/collections/prbfbkwmwvz/> (дата обращения: 22.05.2018).
6. Mirowski Ph. The future(s) of open science // Social Studies of Science. 2018. Vol. 48. Issue 2. P. 171–203.
7. Хайек Ф. Судьбы либерализма в XX веке. М., Челябинск: ИРИСЭН, Мысль, Социум, 2012.
8. Хайек Ф. А. Дорога к рабству. М.: Экономика, 1992.
9. Delfanti A. The Financial Market of Ideas. A Theory of Academic Social Media. 2018. Article under review URL: https://www.academia.edu/35457542/The_Financial_Market_of_Ideas._A_Theory_of_Academic_Social_Media (дата обращения: 15.08.2019).
10. Душина С.А., Куприянов В.А., Хватова Т.Ю. Социальные академические интернет-сети как репрезентация «открытой науки» // Социология науки и технологий, 2018. Т. 9. №3. С. 80–99.
11. Campos-Freire F., Ruas-Araujo J. The use of professional and scientific social networks: The case of three Galician universities // Profesional de la Información. 2017. Vol. 25. No 3. P. 431–440.
12. Bernius S. The impact of open access on the management of scientific knowledge. Online Information Review. 2010. Vol. 34. Issue 4. P. 583–603.
13. Arvidsson A. Facebook and finance: On the social logic of the derivative. Theory, Culture & Society. 2016. Vol 33. Iss. 6. P. 3–23.
14. Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 128 с.
15. Delfanti A. Fake Archives: The Search for Openness in Scholarly Communication Platforms // Gaming the metrics: misconduct and manipulation in academic research / Ed. by Biagioli M. and Lippman A. Cambridge, MA: MIT Press. 2020. P. 261–271.

ENGLISH

The Idea and Feasibility of Science Communication in Academic Social Networks

Svetlana Aleksandrovna Dushina – Candidate of Science (Philosophy), Senior Researcher at the Sector of Social and Cognitive Problems of Science, St. Petersburg branch of Vavilov Institute of History of Science and Technology Russian Academy of Sciences, Head of the project “Academics in Social Networks: Do Academic Media Contribute to the Professional Development?” (17-03-00171a).

E-mail: sadushina@yandex.ru

Viktor Aleksandrovich Kupriyanov – Candidate of Science (Philosophy), Researcher at the Sector of Social and Cognitive Problems of Science, St. Petersburg branch of Vavilov Institute of History of Science and Technology Russian Academy of Sciences, executor of the same project.

E-mail: nonignarus-artis@mail.ru

The paper includes general findings of the study with respect to the impact of academic social networks on the academicians' professional practice. The authors consider academic social networks as the new means of communication that seek to overcome the limits of traditional means of communication, i.e. academic conferences, scholarly periodicals and books. The study shows that web-platforms, including academic social networks, challenge the superiority of journals in the system of science communications. Based on the results of the empirical study, the authors pay extra focus to studying communication processes via digital platforms. It shows that social networks, due to their specific nature, transform the scientific activity, i.e. change an academicians' motivation and values, encouraging the pursuit of high ratings, more content, citations, followers and page traffic. The authors consider social networks as a tool of open science ideology, concluding that promotion of social networks profiles is underlined by certain power interests aimed at restructuring science communication pursuant to the values of the neoliberal economy.

Keywords: academician, science communication, academic periodicals, digital platform

REFERENCES

1. Prays D. Dzh. de S. Tendentsii v razvitii nauchnoy kommunikatsii – proshloe, nastoyashchee, budushchee // Kommunikatsiya v sovremennoy nauke / Pod red. E.M. Mirskogo, V.N. Sadovskogo. M.: Progress, 1976. S. 93–109 (in Russian).
2. Vittu J.-P. La formation d'une institution scientifique: le Journal des Savants de 1665 a 1714. Premier article : d'une entreprise privye a une semi-institution // Journal des Savants. 2002. № 1. P. 179–203.
3. Vittu J.-P. Un système européen d'changes scientifiques au XVIIIe siècle: les journaux savants // Le Temps des médias. 2003. Vol. 20. № 1. P. 47–63.
4. Bohlin I. Communication Regimes in Competition: The Current Transition in Scholarly Communication Seen through the Lens of the Sociology of Technology // Social Studies of Science. 2004. Vol. 34. Iss. 3. P. 365–391.
5. Nature // <https://www.nature.com/collections/prbfkwmwvz/> (data obrashcheniya: 22.05.2018).

6. Mirowski Ph. The future(s) of open science // Social Studies of Science. 2018. Vol. 48. Issue 2. P. 171–203.
7. Khayek F. Sud'by liberalizma v XX veke. M., Chelyabinsk: IRISEN, Mysl', Sotsium, 2012 (in Russian).
8. Khayek F. A. Doroga k rabstvu. M.: Ekonomika, 1992 (in Russian).
9. Delfanti A. The Financial Market of Ideas. A Theory of Academic Social Media. 2018. Article under review URL: https://www.academia.edu/35457542/The_Financial_Market_of_Ideas._A_Theory_of_Academic_Social_Media (data obrashcheniya: 15.08.2019).
10. Dushina S.A., Kupriyanov V.A., Khvatova T.Yu. Sotsial'nye akademicheskie internet-seti kak reprezentatsiya «otkrytoy nauki // Sotsiologiya nauki i tekhnologiy, 2018. T. 9. № 3. S. 80–99 (in Russian).
11. Campos-Freire F., Ruas-Araujo J. The use of professional and scientific social networks: The case of three Galician universities // Profesional de la Information. 2017. Vol. 25. No 3. P. 431–440.
12. Bernius S. The impact of open access on the management of scientific knowledge. Online Information Review. 2010. Vol. 34. Issue 4. P. 583–603.
13. Arvidsson A. Facebook and finance: On the social logic of the derivative. Theory, Culture & Society. 2016. Vol 33. Iss. 6. P. 3–23.
14. Sronichek N. Kapitalizm platform. M.: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2019. 128 s.
15. Delfanti A. Fake Archives: The Search for Openness in Scholarly Communication Platforms // Gaming the metrics: misconduct and manipulation in academic research / Ed. by Biagioli M. and Lippman A. Cambridge, MA: MIT Press. 2020. P. 261–271.

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 92(091)

ГРНТИ 17.09.09

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-100-03-92-105



О.Ю. ПАНОВА*

Пять путешествий Уильяма Дюбуа в СССР

Советские контакты афроамериканских писателей составляют важную часть как истории советско-американских литературных связей, так и афроамериканской литературной истории. Особое место здесь принадлежит Уильяму Эдварду Бургхардту Дюбуа (1868–1963), крупнейшему афроамериканскому мыслителю, писателю, общественному деятелю XX в., пять раз посетившему Советский Союз (1926, 1936, 1949, 1958–1959, 1962) и неоднократно обращавшемуся к теме России и СССР в своих письмах, публицистике, художественных произведениях.

Побудительным мотивом для первого путешествия стал интерес Дюбуа к русской революции 1917 г. и социальному эксперименту в России, а в особенности к тому, как решались там расовый и национальный вопросы. Последующие его визиты позволяют проследить не только эволюцию взглядов самого Дюбуа, которые становились всё более левыми, но и динамику его общественной и литературной репутации в Советском Союзе — от настороженного отношения к нему как либералу и ненадёжному попутчику до чествования его как крупного афроамериканского классика и большого друга СССР. Вступление Дюбуа в компартию США за полгода до его смерти и переезд из США в Гану довершили сложившееся в СССР представление о его жизненном пути как эталонном: суть его виделась в постепенном преодолении ошибок и заблуждений и движении ко всё более полному приятию марксизма-ленинизма.

Ключевые слова: Уильям Э.Б. Дюбуа, советско-американские литературные контакты, история афроамериканской литературы, тревелог, архивные материалы

В последние годы проблема советско-афроамериканских литературных связей и контактов активно

исследуется на Западе, в первую очередь в США [см. напр.: 12, 14, 20]. Что касается отечественной американистики, то до

* **Панова Ольга Юрьевна** — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, профессор кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, руководитель проекта «История афроамериканской литературы XVIII–XX вв.» (18-012-00241a).

E-mail: olgapanova65@mail.ru

сих пор у нас привлекали внимание лишь отдельные авторы и эпизоды литературных контактов [напр.: 7, 8, 10]; но уже есть и опыт издания тематического коллективного труда по этой тематике [11]. Однако у нас пока намечены только подступы к этой достаточно важной и интересной теме, а потому задача представить комплексное описание и анализ советских литературных контактов афроамериканских писателей приобретает всё большую актуальность в России. Такой комплексный обзор будет представлен в первой отечественной «Истории афроамериканской литературы», создаваемой при поддержке РФФИ.

Взаимное притяжение Советской России / СССР и «Афроамерики» обозначилось сразу же после революции 1917 г. Для левых афроамериканских интеллектуалов советский эксперимент был особенно привлекателен, поскольку он обещал разрешение не только классовых, но также национальных и расовых конфликтов. Советский строй воспринимался как антипод американской модели расовых отношений, советская Россия — как «земля обетованная» для угнетённых расовых и этнических меньшинств. Интерес был обоюдным: расовый вопрос в США с самого начала привлекал внимание архитекторов русской революции. Уже с 1919 г., т.е. с момента проведения Первого panaфриканского конгресса (Париж, 19–22 февраля 1919 г.) в Коминтерне возникла идея созыва всемирного негритянского съезда¹ под эгидой мирового коммунистического движения; Джон Рид составил на имя Г.Е. Зиновьева большую докладную записку о положении негров в Америке². После IV Конгресса Коминтерна, на рубеже 1922–1923 гг. в Третьем Интернационале было создано специаль-



Фото 1. Уильям Дюбуа. 1918 г.

ное подразделение — Негритянское бюро Восточного секретариата ИККИ³, занимавшееся проблемами Африки, колониальных стран с негритянским населением и угнетённого расового меньшинства США. 120 дел Негритянского бюро ИККИ, отложившиеся в РГАСПИ⁴, содержат документацию, которая позволяет реконструировать масштаб работы, проводившейся Коминтерном в 1920–1930-х гг. в США и «чёрной Атлантике».

Частью этой работы был и «литературный фронт». Уже с 1920-х гг. начинается знакомство советских читателей с афроамериканской литературой США, контакты с чернокожими американскими писателями [см.: 9]. Из числа известных авторов в СССР приезжали Клод Маккей, Лэнгстон Хьюз, Хомер Смит (Чэтивуд Холл) Дж. Килленз; тесное общение и ак-

¹ Письмо Малого бюро ИККИ от 25.2.1919 Джону Риду и др. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 1.

² Докладная записка Джона Рида Г. Зиновьеву о негритянском вопросе в США, 31.12.1919. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 155. Д. 1. Л. 3-11.

³ Выписка из решения ИККИ по негритянскому вопросу (18.12.1922). РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 2.

⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155.

тивная переписка поддерживалась с Ричардом Райтом, Юджином Гордоном и мн. др. В СССР приезжали, учились, работали многие афроамериканские левые журналисты, публицисты, общественные деятели [14]. Особое место среди них занимает Уильям Эдвард Бургхардт Дюбуа (1868–1963) – крупный учёный, писатель и общественный деятель, основатель Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения (НАСПЦН) и знаменитого журнала «The Crisis» (фото 1).

С 1917 г. Дюбуа внимательно следил за ходом русской революции, знакомился с публикациями о событиях в России. Ему, как и многим левым интеллектуалам, было интересно взглянуть на социальный эксперимент в России своими глазами.

Довоенные визиты (1926, 1936): первое знакомство с «русским экспериментом»

В решении предпринять поездку в Россию его укрепили впечатления очевидцев, в первую очередь Клода Маккея, который приезжал на IV Конгресс Коминтерна и задержался в СССР на полгода (ноябрь 1922 – май 1923). Дюбуа предложил Маккею напечатать в журнале «The Crisis» большую статью о пребывании в СССР, что и было сделано [26]. Кроме того, Дюбуа беседовал с рядом делегатов panaфриканских конгрессов 1921 и 1923 гг., которые высоко оценивали происходящие перемены в России¹. Но, возможно, решающим аргументом стало полученное им письмо от Джеймса С. Джексона (наст. имя Ловетт Форт-Уайтмен) – уроженца Далласа, выпускника Таскиги и одного из первых чернокожих коммунистов (Джексон вступил в компартию в 1919 г.) [см. о нём подробно: 21, р. 15–66]². Форт-Уайтмен / Джексон отправился в Россию в июне 1924 г. на V Конгресс

Коминтерна, после которого поступил учиться в Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ). Из России 15 июля 1924 г. он и написал Дюбуа:

«Нужно побывать в России, чтобы понять и оценить прекрасные изменения, происходящие в обществе... Здесь царит дух интернационализма... Здесь все жаждут информации о положении негров. Ни одна другая раса не вызывает такого горячего интереса. Я постоянно пишу статьи в русские и украинские газеты и журналы и выступаю с лекциями. <...> С большим удовольствием я узнал, что Ваша брошюра “Негр” и роман Рене Марана “Батула” пользуется большой популярностью среди здешних студентов» [17, v. I, p. 289].

В 1926 г. Дюбуа отправился в СССР, где провёл два месяца и посетил ряд городов, в том числе Москву, Киев, Одессу. Впечатления у него остались двойственные. Его поразили нищета, грязь, отсталость: «В 1926 году я видел Россию, только что перенесшую войну с целым светом. Население страны жило бедно, одевалось плохо, продуктов не хватало. Беспорядочные дети – оборванные, грязные – копошились в канавах» [1, с. 36]. Вместе с тем в «стране надежды и трудолюбия» его вдохновили начавшееся строительство, забота о простых тружениках, но главное – борьба с неграмотностью, общественные «обсуждения в духе свободной критики» всех насущных проблем и революционный энтузиазм: «Я увидел народ, стремившийся к новой жизни. Люди искали истину, они помогали друг другу, сознательно шли на жертвы» [1, с. 36].

Как отмечает Д.Л. Льюис в своём классическом биографическом исследовании, Дюбуа, ещё в 1911 г. вступивший в социалистическую партию США, в середине 20-х ещё смутно представлял себе учение Маркса и идеи Ленина, однако

¹ Joy Gleason Crew, Blacks, Reds, and Russians: Sojourners in Search of the Soviet Promise // New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 2008. P. 50.

² См. о нём подробно: Gilmore, Glenda E. Defying Dixie: The Radical Roots of Civil Rights, 1919–1950. New York: W.W. Norton & Co., 2008. P. 15–66.

полагал, социализм гораздо в большей степени, чем капитализм, способен разрешить национальные и расовые проблемы [25, р. 486–487]. Отсутствие расовой дискриминации и национальной розни — главное, что восхитило Дюбуа и сразу расположило его к России. Позже, в своих набросках к так и не опубликованной книге «Россия и Америка: толкование» (1950) он вспоминал: «Я был изумлён и восхищён теми открытиями, которые принесла мне Россия. Конечно, я, быть может, заблуждался, не знал всего, но если то, что я увидел своими глазами и услышал своими ушами, будучи в России, и есть большевизм, значит, я — большевик» [18, р. 19].

Первый визит Дюбуа не воспринимался в СССР как выдающееся событие, хотя его уже знали здесь, причём не только как писателя, но также как влиятельного публициста и общественного деятеля. Из его произведений к этому времени был издан только роман «За серебряным руном» (*The Quest of the Silver Fleece*, 1911), вышедший в ленинградском частном издательстве «Сеятель» в 1925 г. и почти не вызвавший резонанса. В 1920-е гг. советские критики хоть и отмечали прогрессивные взгляды Дюбуа, выгодно отличавшие его от «конформиста» Букера Т.Вашингтона, однако всегда подчёркивали его интеллигентскую мягкотелость, либерализм, «классовую ограниченность», склонность к оппортунизму и реформизму [5, 6]. Однако масштаб его личности и степень влияния в США у нас представляли себе адекватно. Не случайно имя Дюбуа фигурировало в списках иностранных гостей СССР, которых планировали пригласить осенью 1927 г. на юбилейные Октябрьские торжества в качестве делегата Конгресса друзей СССР¹. Однако тогда он приехать на Октябрьские торжества не смог — его следующий визит состоялся в 1936 г.

За эти десять лет взгляды и убеждения Дюбуа претерпели значительную эволю-

цию: как и большинство либерально настроенных американских интеллектуалов, с началом «красных тридцатых» он заметно «полевел». В начале 1930-х Дюбуа изучает марксизм, интересуется рабочим и профсоюзным движением и всё больше склонен трактовать постоянно занимающие его проблемы (колониализм, расовое угнетение) сквозь призму социальных конфликтов и классовой борьбы. Работая над капитальным трудом «Чёрная реконструкция в Америке» (1935), он консультируется у левых учёных и преподавателей Говарда — Ф.Фрэзера, А.Харриса, Э.Дорси. Одновременно Дюбуа в первой половине 1930-х подготовил и прочел в университете Атланты два курса: «Карл Маркс и негритянская проблема» и «Экономическая история негров» [13, р. 183–197].

Изменилось и отношение к Дюбуа в СССР, в том числе благодаря сталинскому «повороту к классике»: на Дюбуа стали смотреть как на фигуру, масштаб которой для негритянской литературы США сопоставим с масштабом Т.Манна для немецкой литературы или Р.Роллана — для французской.

В 1936 г. Дюбуа, предпринявший длительное кругосветное путешествие (его маршрут, в числе прочего, включал визит в нацистскую Германию, Китай и Японию), во второй раз оказался в СССР — на сей раз проездом: в течение десяти дней он пересёк всю страну по Транссибирской железнодорожной магистрали от Москвы до границы с Маньчжурией. Дюбуа отметил огромные перемены, произошедшие за десять лет: модернизацию и благоустройство больших городов, рост промышленности, военной мощи: «Это была гордая и уверенная нация, всегда готовая постоять за свои интересы... Они не боялись ни бедности, ни старости; они не были рабами и не собирались восставать, как утверждал кое-кто на Западе» [1, с. 40].

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 99. Д. 19. Л. 6, 78.

Приезд 1949 года: посланец мира в эпоху холодной войны

После войны Дюбуа трижды приезжал в Советский Союз, уже в статусе современного классика и, главное, видного активиста мирного движения. Первый послевоенный визит пришёлся на самый разгар холодной войны: Дюбуа пригласили в качестве зарубежного гостя на Всесоюзную конференцию сторонников мира (25–27 августа 1949), состоявшуюся сразу после создания Советского комитета мира (июнь 1949). До этого в 1949 г. Дюбуа дважды выступал на мероприятиях Всемирного совета мира: на мирной конференции в Нью-Йорке и на первом Всемирном конгрессе сторонников мира в Париже (апрель 1949). Дюбуа позвали в СССР несмотря на то, что ещё в 1946–1947 гг. он критически высказывался в адрес советского коммунистического режима и авторитарного правления Сталина [25, р. 669]. Вместе с тем его вера в то, что только при социализме можно победить социальное и расовое неравенство и уничтожить колониализм, оставалась незыблемой. Во второй половине 1940-х он всё тесней сближался с прокоммунистически настроенными кругами творческой интеллигенции, среди них Говард Фаст, Поль Робсон, писательница и общественная активистка Ширли Грэм, которая в 1951 г. стала его женой. Из-за явного дрейфа Дюбуа в сторону коммунизма он был вынужден уйти из НАСПЦН, поскольку там не приветствовали эти настроения.

ФБР уже с начала 1940-х пристально следило за Дюбуа как за прокоммунистически настроенным опасным элементом и собирало на него досье [23, р. 15]. В 1950 г. Дюбуа создал Информационный центр в защиту мира (Peace International Committee — PIC), первыми акциями которого должны были стать публикация в США Стокгольмского воззвания и участие в кампании по сбору подписей под

этим документом. Министерство юстиции фактически отказало Дюбуа и его сторонникам в регистрации, потребовав, чтобы Центр был зарегистрирован как «иностранный агент». В 1951 г. начался судебный процесс против Дюбуа, результатом которого стали конфискация его паспорта и запрет на выезд из страны, который продлился до 1958 г. [25, р. 689–696; 13, р. 195–196].

Преследования, которым подвергся Дюбуа в эпоху маккартизма, ещё больше укрепили его репутацию и среди американских коммунистов, и в СССР. Вот лишь один пример из числа тех акций поддержки Дюбуа, которые организовывались левыми кругами в Штатах при участии советских товарищей: 6 февраля 1951 г. Сэмюэл Силлен, известный издатель и редактор прокоммунистического журнала «Masses and Mainstream», обратился в Союз советских писателей со следующим письмом:

Дорогой Александр Фадеев,

Друзья д-ра Дюбуа собираются отметить 83-летие этого видного вождя негритянского народа. Мы считаем, что торжественный обед в честь Дюбуа, устраиваемый нами 23 февраля, будет событием большого значения для защитников мира и человечества во всём мире. Обед устраивается большой группой видных общественных деятелей США.

Приветствия от друзей Дюбуа из многих стран покажут американскому народу, как высоко его ценит прогрессивное человечество. Было бы очень ценно и желательно получить приветствия от Вас, а также от организаций, с которыми Вы связаны¹.

От Фадеева, представлявшего всех советских писателей, 20 февраля 1951 г. была отправлена поздравительная телеграмма:

Комитету по чествованию профессора Дюбуа

Наш сердечный привет и горячие поздравления выдающемуся представи-

¹ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3779. Л. 1–2.

телю негритянского народа, уважаемому доктору Дюбуа по случаю его 83-летия. Деятели советской культуры высоко ценят заслуги этого видного борца за дело мира, за права негритянского народа. Желая доктору Дюбуа здоровья и успеха в его благородной деятельности, направленной к защите мира во всем мире. Александр Фадеев¹.

Зимнее путешествие в оттепель (1958): встречи с Хрущёвым и советские издания Дюбуа

Критика сталинизма на XX съезде КПСС не поколебала убеждённости Дюбуа в прогрессивности советского строя и перспективах социализма; главным для него по-прежнему была та роль, которую СССР играл в борьбе с расовым угнетением и колониализмом. 9 июля 1956 г. Дюбуа сформулировал своё отношение к происходящему в Советском Союзе в письме к педагогу и общественному активисту Анне Меллиссе Грейвз:

«Я по-прежнему считаю Сталина одним из величайших людей XX века. Да, он был несовершенен. Он бывал слишком жесток. Но сделал три вещи: создал первое в современном мире социалистическое государство; сломил мощь кулачества; победил Гитлера. В последние годы жизни он стал безответственным тираном, это было очень скверно, и я сожалею об этом. Но он не первый и не последний тиран в этом мире. К тому же меня не убеждают аргументы Хрущёва. Они выглядят безответственными и сумбурными. Он смешивает борьбу Сталина с троцкизмом и издержки больших чисток. Из тех признаний, которые я тогда читал (Дюбуа имеет в виду опубликованные материалы московских процессов конца 1930-х. — О.П.), у меня сложилось впечатление, что наказание было справедливым. Конечно, в ходе суровой борьбы, развернувшейся тогда, могли постра-

дать какие-то невинные люди, но в целом справедливость этих процессов подтвердили достойные доверия американские обозреватели...» [17, в. III, р. 240].

В 1956 г. в СССР вышел фрагмент из знаменитой книги Дюбуа «Душа чёрного народа» [2] (*The Souls of Black Folk*, 1903) и были начаты переговоры о подготовке русского издания романа «Испытания Мансарта» — первой части будущей трилогии «Чёрное пламя». Инициатором выступил ленинградский переводчик В.В. Кузнецов, который перевёл фрагмент из романа, опубликованный в февральском номере «*Masses and Mainstream*» за 1955 г. (Vol. 8, № 2), и 27 января 1956 г. отправил У. Дюбуа письмо со своим переводом (в 1956 г. он был напечатан в «Смене» [3]), а также с предложением перевести и опубликовать роман в СССР полностью, о чём обещал хлопотать в издательстве «Иностранная литература».

Вместо Дюбуа Кузнецову ответила Ширли Грэм²: она суммировала содержание романа, его композицию и рассказала о сложностях, с которыми Дюбуа столкнулся в связи с публикацией романа в США: «Уже около года мы пытаемся опубликовать этот роман... Однако теперь, поскольку он (Дюбуа. — О.П.) является жертвой политических репрессий, обычные коммерческие каналы для него закрыты. Произведения его значительно урезаются, а их сбыт связан с чрезвычайными трудностями». Ширли Грэм также сообщила, что отправила русский перевод «эксперту», который прислал восторженный отзыв, пообещала выслать рукопись целиком, если издательство согласится на публикацию, а также поинтересовалась, нет ли возможности выпустить роман в СССР на языке оригинала. Получив ответ из США, В.В. Кузнецов написал в издательство «Иностранная литература» и, получив отказ (издательство ответило, что у них печатают только пе-

¹ Там же. Л. 3.

² Ш. Грэм — В. Кузнецову. 27.02.1956. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3871. Л. 1.

реводы советских писателей и классиков марксизма-ленинизма), обратился в Союз писателей с просьбой посодействовать публикации романа, сделав исключение для доктора Дюбуа:

«Что же касается этого романа, принадлежащего перу человека в любых условиях честного и чрезвычайно принципиального, блестящего мастера слова и превосходного историка — деятеля, которого заслуженно ставят в один ряд с Линкольном и Томасом Пейном, то можно быть уверенным, что успех ему обеспечен. Об этом свидетельствует интерес читателей к уже опубликованному отрывку. Так, ко мне как к переводчику с письмом обратился солдат из Белоруссии, как видно, хороший деревенский парень, где он просит рассказать, “что будет дальше”. А до него написала девушка из Грузии. Написала, в частности, следующее: “Из отрывка видно, что вся книга должна быть правдивой и интересной. Хотелось бы прочесть её целиком”. Конечно, если бы книга была опубликована у нас на английском языке, не каждый смог бы прочесть её, но зато она могла бы экспортироваться, да её бы и перевели тотчас же. <...> И думается, что если бы со стороны Комиссии было бы оказано содействие, то издать роман д-ра Дюбуа у нас стало бы вполне возможно»¹ (фото 2).

Вопрос о публикации романа в СССР на английском отпал уже на следующий год, поскольку появилось американское издание². Русский перевод романа в итоге всё же вышел в издательстве «Иностранная литература» [4], но спустя почти четыре года, в 1960 г.; очевидно, катализатором затянувшегося процесса стал визит Дюбуа в СССР на рубеже 1958–1959 гг.

В 1958-м Дюбуа, сумевший наконец получить свой паспорт, отправился в большую поездку по миру, в том числе в Китай и в СССР. Своё желание посетить Советский Союз он подтвердил перед выездом из США в кратком письме от 14 июля 1958 г. секретарю Союза писателей Алексею Суркову:

«Мой дорогой господин Сурков, разрешите поблагодарить Вас за Ваше доброе приветствие, присланное мне в феврале этого года ко дню рождения. [Если] я смогу приехать в Москву этой осенью, я надеюсь встретиться с Вами, а также с другими советскими писателями и приветствовать их лично»³.

Однако ещё до Москвы Дюбуа побывал в Ташкенте на международной конференции писателей стран Азии и Африки (июль 1958), где выступил с речью и был избран в президиум, а затем, после поездки в Чехословакию и ГДР, вернулся в СССР — уже в Москву — как раз к Октябрьским праздникам. Это был его самый длительный визит в Советский Союз: вместе с Ширли Грэм он провёл здесь чуть меньше полугода — с осени 1958-го до весны 1959 г. Он видел парад и демонстрацию в честь 7 ноября на Красной площади, вечером того же дня побывал на приёме в Кремле и говорил с Хрущёвым. На следующий день Дюбуа отправился на отдых и лечение в санаторий, а 31 декабря снова увидел Хрущёва на новогоднем праздничном обеде (на котором был и Поль Робсон) [15, р. 473; 22, р. 269–270].

В январе 1959 г. состоялась встреча Дюбуа с Хрущёвым, на которой обсуждались движение за мир, борьба с колониализмом, проблемы Африки [27, р. 8]. В «Воспоминаниях» Дюбуа подробно излагает ту часть беседы, которая касалась помощи СССР Африке и необходимости комплексных ис-

¹ В.В. Кузнецов — Иностранной комиссии ССП. 21 июня 1956 г. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3871. Л. 2–3. К своему письму в Инкомиссию ССП В. Кузнецов приложил перевод письма «госпожи Дюбуа» — Ш. Грэм.

² Роман был опубликован в коммунистическом издательстве: Du Bois W.E.B. The Ordeal of Mansart. New York: Mainstream Publishers, 1957.

³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 948.

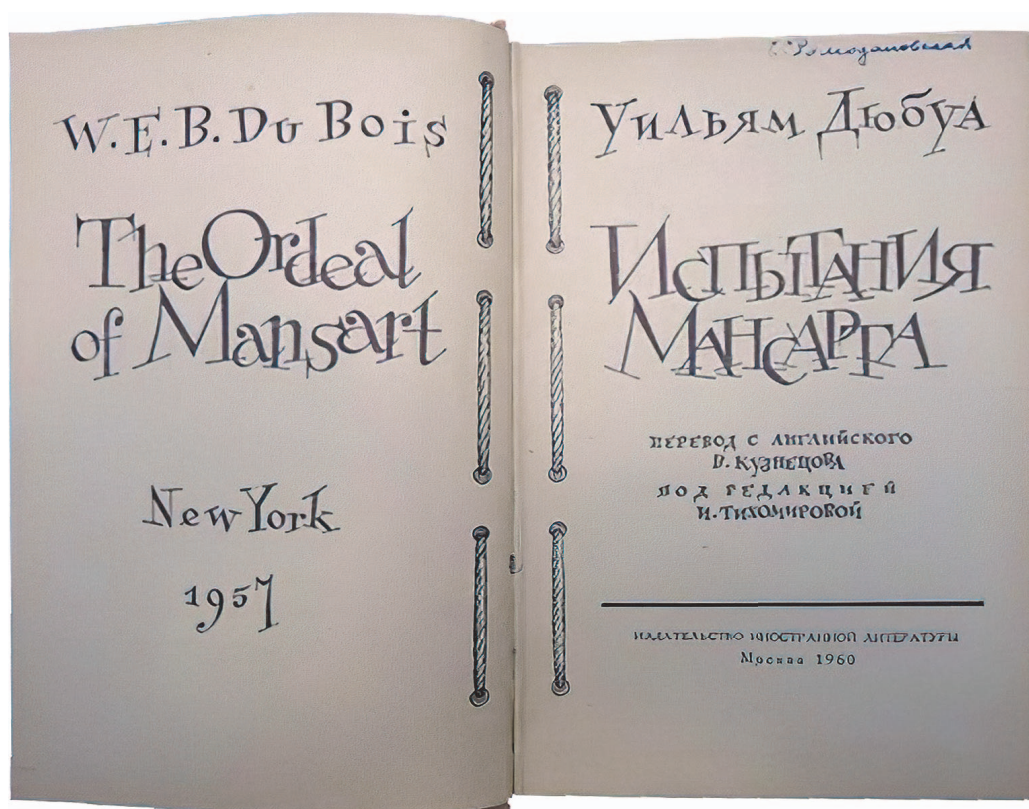


Фото 2. Советское издание романа У. Дюбуа «Испытания Мансарта» (1960)

следований чёрного континента, развития африканистики. В «Воспоминаниях» Дюбуа подчёркивает, что именно он подал Хрущёву идею создать в СССР академический Институт Африки: «...я предложил, чтобы при академии наук СССР был создан институт по изучению истории, социологии, этнографии, антропологии Африки и других родственных исследований. <...> Кстати, теперь этот институт в Москве создан. Возглавляет его мой друг Иван Потехин» [1, с. 42–43]¹. В 1960 г. во время визита Хрущёва в США Дюбуа снова видел советского лидера на приёме в ООН [28, р. 18].

Самый живой и не лишённый юмора рассказ Дюбуа об этой поездке содержится в его письме к дочери Йоланде Дюбуа-Уильямс, написанном 10 декабря в Москве:

«Пришла телеграмма. Мы должны лететь в Ташкент на встречу африканских и азиатских писателей, все расходы оплачены и т.д. Где этот Ташкент? Где-то к югу от Москвы. Мы летели на реактивном самолете. Как выяснилось, Ташкент не только в сотнях миль к югу от Москвы, он ещё и настолько же восточней Москвы, насколько Лос-Анджелес восточней Нью-Йорка! И вот мы в Средней Азии, возле Шанду — «В стране Ксанад благословенной, / Дворец построил Кубла-хан...»² Мы были почётными гостями, нас поселили в красивом отеле, у нас были слуги, личный переводчик и машина с шофёром. Меня выбрали в президиум, и я выступил с речью³ <...>

Мы прилетели в Москву, и я побывал на торжественном празднике на Крас-

¹ Иван Изосимович Потехин (1903–1964) — учёный-африканист, доктор исторических наук, был первым директором Института Африки АН СССР, который был создан в октябре 1959 г. С того же года И.И. Потехин также был председателем советской Ассоциации дружбы с народами Африки.

² Дюбуа цитирует поэму С.Т. Кольриджа «Кубла-хан».

³ Подробнее впечатления Дюбуа от Ташкента см. в [16, р. 40–42].



Фото 3. У. Дюбуа в СССР

ной площади, где собралось около полумиллиона зрителей. Майор в парадной форме сопровождал нас с Ширли и официальным переводчиком с Красной площади в отель. По дороге он остановился и приветствовал Хрущёва, а Хрущёв приветствовал меня, приподняв шляпу. Тем же вечером мы посетили приём в Кремле, где было всё правительство, и я поговорил с Хрущёвым наедине¹.

На следующий день мы с Ширли поехали на нашем автомобиле в санаторий, где я сейчас и нахожусь. Он большой и величественный, вокруг высокие сосны и снежные сугробы. Обслуживающий персонал предупредителен и готов исполнить любое наше желание, все необыкновенно любезны. Я здесь уже месяц и проиёл всевозможные осмотры и анализы... Мы планировали посетить Гану, но наш врач сказал: "Простите, пока я не могу Вас отпустить". Так что Ширли от-

правилась в Африку одна — с моей речью в кармане². Я был страшно расстроен, но, конечно же, сказал ей, что ей надо ехать... Что мне здесь не нравится, так это ужасная еда, для западного гостя совершенно безвкусная, но зато эта пища простая, здоровая <...>

Кстати, 60% персонала здесь женщины. Они очень милые, но порой возникают неловкие ситуации. Например, женщина-доктор сказала моему другу Альберту Кану³: "Снимите штаны". "А можно мне остаться в носках?" — спросил он. И она без тени юмора ответила: "Да, можно!" Ко мне являлись каждый вечер целых три санитарки, чтобы помочь мне принять ванну. Ширли удалось убедить их, что она сама позаботится обо мне, и они наконец уступили — с сомнениями и неохотой. Когда Ширли уехала в Африку, я сдался на их милость, и теперь каждый вечер меня тщательно моют и укладывают в постель несколько невозмутимых санитарок. Кроме того, они надевают на меня сапоги для ежедневной прогулки, а массажистка каждый день добросовестно охаживает меня вдоль и поперёк.

Скоро я поеду в Москву, где пробуду ещё месяц⁴, а потом по приглашению руководства страны мы отправимся в Китай. Домой мы планируем вернуться в мае или июне» [24, р.190–192].

Впоследствии Дюбуа много раз повторял это описание своего отдыха и лечения в СССР (фото 3), но уже в самом серьёзном тоне — и в письмах [напр.: 17, vol. III, pp. 432–434], и в «Автобиографии» [16], и в «Воспоминаниях» [1, с. 41]; есть оно и в мемуарах его жены [22, chapter 14] (которые, впрочем, грешат неточностями и ошибками).

¹ Рассказ о праздновании 41-й годовщины Октября 7.11.1958 см. [16, р. 33–34, 1, с. 41].

² Дюбуа был приглашён на Конференцию народов Африки в Аккре, столице Ганы (8–13 декабря 1958 г.). Ш. Грэм зачитала текст его выступления, который Дюбуа приводит в своей «Автобиографии» [16, р. 401–404].

³ Американский писатель Альберт Кан, неоднократно посещавший СССР, был активным участником движения за мир, работал вместе с Дюбуа в РИС в ходе кампании по распространению Стокгольмского воззвания в США.

⁴ Дюбуа был выписан из санатория накануне Нового года.

Последний приезд (1962): канонизация афроамериканского классика в СССР

Последний приезд У. Дюбуа в Советский Союз состоялся в начале ноября 1962 г. — через год после вступления 93-летнего писателя в компартию США и переезда на жительство в Гану (октябрь 1961) и за почти за год до смерти (27 августа 1963 г.). Этот десятидневный визит (с 3 по 13 ноября 1962 г.), ставший апогеем в чествованиях Дюбуа, документирован сохранившимся отчётом американиста Фриды Лурье, сотрудника Иностранной комиссии ССП, сопровождавшей чету Дюбуа-Грэм в Москве в качестве референта Инкомиссии, гида и переводчика¹.

Супруги Дюбуа прибыли в Советский Союз по приглашению Союза писателей после шести недель, проведённых под крылом Мао Цзэдуна — на отдыхе и лечении в Китае (фото 4). Ф. Лурье описывает торжественную встречу 3 ноября в Шереметьево, на которой присутствовали представители ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета, Союза писателей (А.Б. Чаковский, Г.М. Марков, А.В. Софронов, К.В. Воронков), председатель Комитета защиты мира Н.С. Тихонов, директор Института Африки И.И. Потехин, пресса «и другие официальные лица». С такой же помпой были организованы и проводы 13 ноября, причём к советским провожающим присоединились американские коммунисты (афроамериканец Генри Уинстон, в 1966 г. ставший Национальным председателем компартии США, корреспондент «Worker» Арт Шилдс), а также посол Ганы и сотрудники посольства Ганы в Москве.

Весь визит курировали ответственные работники аппарата ЦК и Союза писателей. Программа включала участие в празд-



Фото 4. Уильям Дюбуа и Мао Цзэдун. Китай. Май 1959 г.

новании 45-й годовщины Октября (гости побывали на параде на Красной площади, а вечером были на правительственном приёме в кремлёвском Дворце съездов, где пообщались с Хрущёвым и другими партийно-советскими руководителями), посещение Института Африки и Университета им. Патриса Лумумбы. Состоялись и встречи с писателями: помимо общения с официальными представителями (секретарями) ССП Г.М. Марковым и К.В. Воронковым, Дюбуа побывал на даче в Переделкино у В. Катаева, дома — у Б. Полевого и Е. Романовой, на «праздничном обеде» 7 ноября у главреда «Иностранной литературы» А. Чаковского. Была также встреча с министром культуры Е.А. Фурцевой и директором издательства «Иностранная литература» П.А. Чувиковым, который вручил гостям только что вышедшие советские издания «Воспоминаний» Дюбуа и книги Ш. Грэм «Ваш покорный слуга»

¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4138.

и обсудил вопросы гонораров, в частности перечисление их в валюте. Разумеется, были банкет (10 ноября) в Клубе писателей и парадный приём в ССП в последний день пребывания в Москве (12 ноября), после которого супруги Дюбуа снова отправились в Кремль — на сей раз на встречу с Председателем Президиума Верховного Совета Л.И. Брежневым.

Тем не менее визит протекал не в безоблачной обстановке. В отчёте Ф. Лурье отмечает, что супруги Дюбуа «приехали в настроении известной настороженности и отчуждённости, которое объясняется в основном китайским влиянием», поскольку чета подверглась в Китае массовой идеологической обработке «на самом высоком уровне» (личные встречи с Мао, Чжоу Энь Лаем и другими руководителями КНР); эту обработку китайцы постарались продолжить и в Москве («сотрудники посольства КНР не оставляли доктора Дюбуа и Ширли Грэхем своим вниманием и заботами»). Лурье не раз пишет о «прокитайских настроениях» супруги Дюбуа, которые она выражала открыто и публично, на всех частных и официальных встречах; в частности, именно китайским влиянием Лурье объясняет убеждённость Ш. Грэм в невозможности «мирного сосуществования двух систем» (капитализма и социализма) и «неверное представление о событиях на Кубе». Впрочем, Лурье оптимистически заключает, что встреча советская обработка принесла достойные плоды: «В конце пребывания в Советском Союзе... в настроениях Ширли Грэхем намечился некоторый перелом. Что касается доктора Дюбуа... есть основания полагать, что к прокитайским настроениям своей супруги, к её безоговорочному восхвалению всего китайского доктор относится несколько иронически...».

Усилия по «перетягиванию Дюбуа на свою сторону» предстояло продол-

жить и в Гане — эта задача возлагалась на советское посольство в Аккре через «тесный дружеский контакт нашего посла в Гане с доктором Дюбуа и его супругой». Лурье подчёркивает важность этой задачи, учитывая масштаб фигуры Дюбуа и то, «каким огромным авторитетом и влиянием пользуется доктор Дюбуа у негров всего мира, прежде всего у негров Африки», которые его «называют своим святым отцом». Судя по всему, успех, достигнутый во время последнего визита Дюбуа в СССР, был закреплён в течение оставшихся десяти месяцев его жизни. Когда пришла весть о кончине Дюбуа, в Аккру полетели соборезнования из СССР. Так, уже через два дня — 29 августа 1963 г. — Союз писателей отправил коллективную телеграмму (её подписали Константин Федин, Александр Чаковский, Георгий Марков, Борис Полевой, Павел Нилин, Константин Воронков, Алексей Сурков)¹. Ответ Ширли Грэм был тёплым и дружеским: «Дорогие товарищи писатели, ваше сочувствие и любовь помогают мне перенести тяжёлую утрату. Радость, которую вы подарили моему дорогому мужу во время его последнего приезда минувшей осенью, согревала его в последние дни его жизни. Примите мою сердечную благодарность»².

Для советских литературных функционеров и литературных критиков история жизни, эволюция взглядов и убеждений Уильяма Дюбуа дали материал для выстраивания идеальной, эталонной биографии современного зарубежного классика — большого друга СССР. Кейс Дюбуа в этом смысле во многом аналогичен случаю Драйзера. В отличие от К. Маккея или Р. Райта, превратившихся из товарищей в ренегатов, Дюбуа, пять раз посетивший страну Советов, неизменно оставался «другом СССР», а его вступление в коммунистическую партию США незадолго до смерти

¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4196.

² Там же.

позволило представлять путь крупнейшего афроамериканского мыслителя, писателя и общественного деятеля как постепенное преодоление ошибок и заблуждений, движение от либерализма и расплывчатых «левых идей» ко всё более полному приятию марксизма-ленинизма, которое «все- сильно, потому что оно верно».

ЛИТЕРАТУРА

1. Дюбуа У. Воспоминания. М.: Худ. лит., 1962. С. 36.
2. Дюбуа У. Душа чёрного народа / Пер. В. Гольшева, Б. Изакова // Лики мира. М., 1956. С. 169–184.
3. Дюбуа У. Испытания Мансарта / Пер. В. Кузнецова // Смена. 1956. № 6. С. 19–21.
4. Дюбуа У. Испытания Мансарта / Пер. В. Кузнецова. М.: Изд. иностр. лит., 1960.
5. К-н И. [Кашкин И.А.] Новое в негритянской литературе // Вестник иностранной литературы. 1928. № 10. С. 143–146.
6. Негритянская литература в Америке // На литературном посту. 1928. № 13–14. С. 79–80.
7. Островская Е.С. Лэнгстон Хьюз в переписке с журналом «Интернациональная литература» // Литература двух Америк. 2017. № 3. С. 106–126.
8. Панова О.Ю. О несостоявшемся визите Ричарда Райта в СССР // Там же. С. 176–228.
9. Панова О.Ю. Первое знакомство: «Литература американских негров» в освещении советской критики 1920-х гг. // Studia Litterarum. 2019. Т. 4, № 4. С. 98–125.
10. Панова О.Ю. Экзотический гость: Клод Маккей в СССР // Литература двух Америк. 2019. № 6. С. 220–256.
11. Российско-американские связи: афроамериканцы и Россия / Ред. Е.М. Апенко, Ю.П. Третьяков. СПб.: Наука, 2009.
12. Baldwin K.A. Beyond the Color Line and the Iron Curtain: Reading Encounters Between Black and Red, 1922–1963. Durham, NC: Duke University Press, 2002.
13. Burden-Stelly C. W.E.B. Du Bois in the Tradition of Radical Blackness: Radicalism, Repression, and Mutual Comradeship, 1930–1960 // Socialism and Democracy. 2018. Vol. 32. № 3. Pp. 181–206.
14. Carew J.G. Blacks, Reds, and Russians: Sojourners in Search of the Soviet Promise. Trenton: Rutgers University Press, 2008.
15. Duberman M. Paul Robeson. New York: Alfred A. Knopf, 1989.
16. Du Bois W.E.B. Autobiography. New York: Intl Publishers, 1968.
17. Du Bois W.E.B. The Correspondence of W.E.B. Du Bois / Ed. by H. Aptheker. Amherst, MA: University of Massachusetts Press, 1997.
18. Du Bois W.E.B. Russia and America: An Interpretation (1950). In: Du Bois Papers. Massachusetts, MA: Special Collections and University Archives, University of Massachusetts Amherst Libraries. MS 312. URL: <https://www.digitalcommonwealth.org/search/commonwealth-oai:vm40zk75x>.
19. Du Bois W.E.B. The Ordeal of Mansart. New York: Mainstream Publishers, 1957.
20. Haas A. “To Russia and Myself”: Claude McKay, Langston Hughes and the Soviet Union // Transatlantic Negotiations, eds. Christa Buschendorf, Astrid Franke. Heidelberg: Winter Verlag, 2007. P. 111–131.
21. Gilmore G.E. Defying Dixie: The Radical Roots of Civil Rights, 1919–1950. New York: W.W. Norton & Co., 2008.
22. Graham S. His Day Is Marching On: A Memoir of W.E.B. Du Bois. Philadelphia: Lippincott Co., 1971.

23. Keen M.F. *Stalking Sociologists: Edgar Hoover's FBI Surveillance of American Sociology*. New Brunswick: Transaction Publ., 2004.
24. A Letter from W.E.B. DuBois to his Daughter Yolande, Dated «Moscow, December, 10, 1958», publ., introd., comm. by M.D. Higbee // *The Journal of Negro History*. Vol. 78. № 3. Summer, 1993. Pp. 188–195.
25. Lewis D.L. *W.E.B. Du Bois: A Biography*. New York: Henry Holt, 2009.
26. McKay C. *Soviet Russia and the Negro* // *The Crisis*. Vol. 27. № 2. 1923. Dec. P. 161–165; Vol. 27. No 3. 1924. January. P. 114–118.
27. *New York Times*. 5 Oct. 1960.
28. *New York Times*. 21 Jan. 1959.

ENGLISH

Five Times William Du Bois Travelled to the USSR

Olga Yurievna Panova – Doctor of Philology, Leading Researcher at Gorky Institute of World Literature RAS, Professor at the Department History of World Literature, Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University, Head of the project “History of African-American Literature of the 18th–20th centuries” (18-012-00241a).

E-mail: olgapanova65@mail.ru

Soviet contacts with African-American authors are an important part of both Soviet-American literary contacts and African-American literature history. William Edward Burghardt Du Bois (1868–1963), the most prominent African-American thinker, writer, public figure of the 20th century, occupies a special place. He travelled to the USSR five times (1926, 1936, 1949, 1958–1959, 1962) and had repeatedly addressed the subject of Russia and the USSR in his letters, essays, and fiction.

The incentive for Du Bois' first visit to the USSR was his interest in the Revolution of 1917 and the Russian social experiment, namely, the solution to the race and ethnicity problem. The following visits allow tracing not only the evolution of Du Bois' viewpoint (which became increasingly leftist), but also the development of his public and literary reputation in the Soviet Union – from wariness (for Du Bois being a liberal and unreliable associate) to honoring him as a major African-American classic and a great friend of the USSR. The fact that William Du Bois had joined the US Communist Party six months before his death and his relocation from the US to Ghana finalized the Soviet idealistic attitude towards the writer's life. The essence of Du Bois' journey was perceived as a gradual transition from errors and misconceptions to a more complete acceptance of Marxism-Leninism.

Keywords: William E. B. Du Bois, Soviet-American literary contacts, history of African-American literature, travelogue, archive records

REFERENCES

1. Dyubua U. *Vospominaniya*. M.: Khud. lit., 1962. S. 36 (in Russian).
2. Dyubua U. *Dusha chyornogo naroda* / Per. V. Golysheva, B. Izakova // *Liki mira*. M., 1956. S. 169–184 (in Russian).
3. Dyubua U. *Ispytaniya Mansarta* / Per. V. Kuznetsova // *Smena*. 1956. № 6. S. 19–21 (in Russian).

4. Dyubua U. Ispytaniya Mansarta / Per. V. Kuznetsova. M.: Izd. inostr. lit., 1960 (in Russian).
5. K-n I. [Kashkin I.A.] Novoe v negrityanskoy literature // Vestnik inostrannoy literatury. 1928. № 10. S. 143–146 (in Russian).
6. Negrityanskaya literatura v Amerike // Na literaturnom postu. 1928. № 13–14. S. 79–80 (in Russian).
7. Ostrovskaya E.S. Lengston Kh'yuz v perepiske s zhurnalom «Internatsional'naya literatura» // Literatura dvukh Amerik. 2017. № 3. S. 106–126 (in Russian).
8. Panova O.Yu. O nesostoyavshemysya vizite Richarda Rayta v SSSR // Tam zhe. S. 176–228 (in Russian).
9. Panova O.Yu. Pervoe znakomstvo: «Literatura amerikanskikh negrov» v osveshchenii sovetskoj kritiki 1920-kh gg. // Studia Litterarum. 2019. T. 4, № 4. S. 98–125 (in Russian).
10. Panova O.Yu. Ekzoticheskiy gost': Klod Makkey v SSSR // Literatura dvukh Amerik. 2019. № 6. S. 220–256 (in Russian).
11. Rossiysko-amerikanskije svyazi: afroamerikantsy i Rossiya / Red. E.M. Apenko, Yu.P. Tret'yakov. SPb.: Nauka, 2009 (in Russian).
12. Baldwin K.A. Beyond the Color Line and the Iron Curtain: Reading Encounters Between Black and Red, 1922–1963. Durham, NC: Duke University Press, 2002.
13. Burden-Stelly C. W.E.B. Du Bois in the Tradition of Radical Blackness: Radicalism, Repression, and Mutual Comradeship, 1930–1960 // Socialism and Democracy. 2018. Vol. 32. № 3. Pp. 181–206.
14. Carew J.G. Blacks, Reds, and Russians: Sojourners in Search of the Soviet Promise. Trenton: Rutgers University Press, 2008.
15. Duberman M. Paul Robeson. New York: Alfred A. Knopf, 1989.
16. Du Bois W.E.B. Autobiography. New York: Intl Publishers, 1968.
17. Du Bois W.E.B. The Correspondence of W.E.B. Du Bois / Ed. by H. Aptheker. Amherst, MA: University of Massachusetts Press, 1997.
18. Du Bois W.E.B. Russia and America: An Interpretation (1950). In: Du Bois Papers. Massachusetts, MA: Special Collections and University Archives, University of Massachusetts Amherst Libraries. MS 312. URL: <https://www.digitalcommonwealth.org/search/commonwealth-oai:vm40zk75x>
19. Du Bois W.E.B. The Ordeal of Mansart. New York: Mainstream Publishers, 1957.
20. Haas A. «To Russia and Myself»: Claude McKay, Langston Hughes and the Soviet Union // Transatlantic Negotiations, eds. Christa Buschendorf, Astrid Franke. Heidelberg: Winter Verlag, 2007. P. 111–131.
21. Gilmore G.E. Defying Dixie: The Radical Roots of Civil Rights, 1919–1950. New York: W.W. Norton & Co., 2008.
22. Graham S. His Day Is Marching On: A Memoir of W.E.B. Du Bois. Philadelphia: Lippincott Co., 1971.
23. Keen M.F. Stalking Sociologists: Edgar Hoover's FBI Surveillance of American Sociology. New Brunswick: Translation Publ., 2004.
24. A Letter from W.E.B. Dubois to his Daughter Yolande, Dated «Moscow, December, 10, 1958», publ., introd., comm. by M.D. Higbee // The Journal of Negro History. Vol. 78. № 3. Summer, 1993. Pp. 188–195.
25. Lewis D.L. W.E.B. Du Bois: A Biography. New York: Henry Holt, 2009.
26. McKay C. Soviet Russia and the Negro // The Crisis. Vol. 27. № 2. 1923. Dec. P. 161–165; Vol. 27. No 3. 1924. January. P. 114–118.
27. New York Times. 5 Oct. 1960.
28. New York Times. 21 Jan. 1959.



**Т.Н. ВЯТЧАНИНА,
Г.К. СМИРНОВ***

Два дворца Ф. Растрелли по чертежам из коллекции Бергхольца в Национальном музее Стокгольма

В статье приводятся описания и анализ 12 листов из коллекции Бергхольца, посвящённых двум курляндским дворцам герцога Бирона в Митаве и Руэнтале (сегодня, соответственно, Елгава и Рундале, Латвия). Построенные по проектам Ф. Растрелли дворцы принадлежат к лучшим произведениям русской архитектуры барокко 1730-х гг. В результате проведённого исследования было установлено, что 7 листов, изображающих планы и фасады дворца в Руэнтале, являются почти точными копиями оригинальных проектов, хранящихся в собрании музея Альбертина в Вене. Из пяти чертежей, на которых представлен дворец в Митаве, два также являются копиями венских листов, а три — копиями осуществлённых проектов. Таким образом, наибольшую ценность среди рассматриваемых листов архитектурной графики из собрания Бергхольца представляют три чертежа, изображающие фасад и планы двух этажей дворца в Митаве — единственные известные науке копии осуществлённого проекта Растрелли, оригиналы которого до сих пор не обнаружены.

Ключевые слова: архитектура, дворцы Бирона, барокко, Растрелли, коллекция Бергхольца, Национальный музей в Стокгольме, музей Альбертина

Статья посвящена двум замечательным курляндским дворцам, хорошо известным произведениям раннего творчества Франческо Растрелли — дворцам в Руэнтале (ныне Рундале, Латвия) и Митаве (ныне Елгава,

* **Вятчанина Татьяна Николаевна** — кандидат искусствоведения, заместитель директора по научной работе Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства, руководитель проекта «Архитектура Москвы и российской провинции первой половины XVIII века в свете архитектурной графики в Национальном музее Стокгольма» (19-012-00504а).
E-mail: tatvyat@yandex.ru

Смирнов Георгий Константинович — кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Государственного института искусствознания, исполнитель того же проекта.
E-mail: georg-sm@mail.ru

Латвия). Архитектура их довольно хорошо изучена, но никогда не рассматривалась в связи с чертежами, хранящимися в коллекции Бергхольца в Национальном музее Стокгольма. Данная статья – первая попытка такого исследования, проведённая с привлечением новых иконографических источников.

Несколько слов о самом Бергхольце и его коллекции.

Фридрих Вильгельм фон Бергхольц (1699–1771) хорошо известен в отечественной историографии как автор дневника 1721–1725 гг., содержащего ценнейшие сведения о российской действительности последних лет петровского царствования. Со времени первой публикации дневника на русском языке в середине XIX в.¹ редкое историческое исследование о России первой четверти XVIII в. обходится без использования этого источника. Значительно позднее получила известность коллекция чертежей и рисунков, собранная Бергхольцем в России и впервые исследованная шведским учёным Бьёрном Хальстрёмом в середине XX в.² В России часть этой коллекции, посвящённая Петербургу, стала известна благодаря выставке, состоявшейся в Государственном Эрмитаже в сентябре 1963 г.³ Остальные листы коллекции с изображением различных зданий в других городах и сёлах Российской империи (Москва, Тверь, Тула, Киев, Козелец, Батулин и некоторые другие), а также в Курляндии⁴ привлекались исследова-

телями русской архитектуры в очень незначительной степени, и лишь несколько чертежей были опубликованы⁵.

Ф.В. Бергхольц трижды приезжал в Россию, где провёл в общей сложности около 15 лет (1709–1714, 1721–1727, 1742–1746). Для историков архитектуры наибольший интерес представляет его последнее посещение в качестве воспитателя наследника русского трона будущего императора Петра III. Именно тогда, по всей вероятности, и была собрана им богатейшая коллекция архитектурной графики, хотя начало ей могло быть положено ещё в предыдущий приезд в качестве камер-юнкера при дворе Карла Фридриха, герцога Гольштейн-Готторпского), жениха, а затем мужа Анны Петровны. Судьба коллекции Бергхольца после смерти её владельца связана с Королевским (позднее Национальным) музеем в Стокгольме. Как предполагает Хальстрём, Бергхольц мог завещать её Шведскому Королевскому дому в знак благодарности за денежное пособие, выплачиваемое ему Швецией в конце 1740-х гг., когда он жил в Висмаре, городе на севере Германии, в то время принадлежавшем Швеции⁶. В настоящее время коллекция Бергхольца является частью одного из лучших собраний европейской архитектурной графики – Собрания Тессина-Хорлемана в Национальном музее (Стокгольм).

Коллекция Бергхольца насчитывает 480 чертежей и рисунков, 306 из них посвяще-

¹ Дневник камер-юнкера Берхгольца, ведённый им в России в царствование Петра Великого с 1721–1725 год. Ч. 1–4. М., 1857–1860.

² Помимо нескольких статей на шведском языке, Хальстрём издал полный каталог коллекции Бергхольца на английском языке: Hallström, Björn H. Russian architectural drawings in the Nationalmuseum. Stockholm, 1963.

³ Архитектура Петербурга первой половины XVIII века из собрания Национального музея в Стокгольме (проспект выставки) / Автор текста Ю. Денисов. Л., б.г.

⁴ Курляндия, вассальное герцогство Речи Посполитой, вошла в состав Российской империи в 1795 г. при третьем разделе Польши.

⁵ См., например: Евангулова О.С. Дворцово-парковые ансамбли Москвы первой половины XVIII века. М., 1969. С. 52–54, 70; Свод памятников архитектуры России: Тверская область. Ч. 1 / Отв. ред. Г.К. Смирнов. М., 2002. С. 180–181; Тюхменева Е.А. Искусство триумфальных врат в России первой половины XVIII века. М., 2005. Цветные иллюстрации 1 и 4.

⁶ Hallström. Op. cit. P. 5.

ны Петербургу и его окрестностям, бóльшая часть остальных листов — московским ансамблям и постройкам, на 13 — изображены различные сооружения в городах и сёлах центральной части европейской России, Украина представлена 15-ю листами и Курляндия — 12-ю.

Листы, составляющие коллекцию, неоднородны по своему характеру и качеству исполнения. Условно их можно разделить на две группы. Меньшую по количеству составляют обмерные или проектные архитектурные чертежи, выполненные карандашом или тушью и акварелью, подлинники или копии. Большинство же листов представляют собой карандашные рисунки — копии обмерных чертежей и гравюр или изображения с натуры. Рассматриваемые чертежи принадлежат к первой группе и являются одними из лучших в коллекции.

Чертежи и рисунки Фридрих Берггольц, по-видимому, приобретал разными способами: покупал, обменивал, принимал в дар — на этот счёт можно делать лишь предположения. Это в равной степени касается и рассматриваемых здесь «курляндских» чертежей. Они могли быть приобретены Берггольцем во время его проезда через Курляндию по пути в Голштинию в 1742 г. или при возвращении в Висмар в 1746 г. Кроме того, Берггольц мог каким-то образом получить листы в промежуток между этими датами в Петербурге, в бытность воспитателем наследника российского престола. Нельзя также полностью исключать возможность знакомства нашего героя с обер-архитектором Франческо Растрелли и получения проектных копий курляндских дворцов от него лично или кого-либо из круга маэстро.

Имение Руэнталь граф Эрнст Иоганн фон Бирон приобрёл 26 июня 1735 г. В этом же году было задумано строительство здесь нового дворца (вместо небольшого замка бывших владельцев), проектирование которого поручили Франческо Растрелли. Придворный архитектор императрицы Анны Иоанновны по её приказанию прибыл в Руэнталь в августе 1735 г. В течение 9 месяцев он подготавливал проект дворца, после чего 24 мая 1736 г. состоялась его закладка¹. В 1738 г., когда дворец уже подвели под крышу, началось строительство городской резиденции Бирона, ставшего в 1737 г. герцогом Курляндским, в Митаве, столице герцогства. Проект нового дворца (вместо прежнего средневекового замка) и руководство строительными работами также были возложены на Растрелли.

Несмотря на сложности, связанные с одновременным строительством двух огромных дворцов, оба здания к концу осени 1740 г. были почти закончены снаружи, а в Руэнтале частично выполнена и внутренняя отделка. После смерти Анны Иоанновны в октябре 1740 г. Бирон стал регентом при малолетнем императоре Иване VI. Однако арест в результате дворцового переворота 20 ноября того же года и последующая 22-летняя ссылка Бирона надолго задержали завершение обеих резиденций. В 1762 г. Екатерина II вернула Бирона из ссылки и восстановила его на Курляндском престоле. Лишь после этого и по возвращении герцога в Курляндию в начале 1763 г. работы по завершению дворцов смогли продолжиться. В основном они производились под руководством Растрелли, отставленного от дел в Петербурге, вновь прибывшего сюда в 1764 г. и получив-

¹ История проектирования и строительства дворца изложена по: Виппер Б.Р. В. Растрелли и архитектура русского барокко // Русская архитектура первой половины XVIII века. Исследования и материалы / Под ред. акад. И.Э. Грабаря. М., 1954. С. 283–287; Виппер Б.Р. В.В. Растрелли // История русского искусства. Т. V. М., 1960. С. 179–182; Козьян Г.К. Франческо Бартоломео Растрелли // Зодчие Санкт-Петербурга. XVIII век. СПб., 1997. С. 228–230, 288, 289; Ланцманис И. Рундальский дворец. Елгава, 2012. С. 4–9; Малиновский К.В. Бартоломео и Франческо Растрелли. СПб., 2017. С. 114–125, 211–217.

шего должность «обер-интенданта герцогских построек»¹. Архитектор прожил в Курляндии с перерывами до 1770 г., оставаясь на герцогской службе. В этот период был полностью завершён дворец в Руэнтале (1767), несколько позднее — городская резиденция, в которую в декабре 1772 г. переехала герцогская семья².

В коллекции Берггольца летняя резиденция Бирона в Руэнтале представлена семью графическими листами³. На них изображены ситуационный план, охватывающий регулярный французский сад, охотничий парк с лучевыми просеками, конный двор и ряд других более отдалённых от дворца построек; планы первого и второго этажей; четыре фасада: северный с надвратной башней, южный, обращённый к саду, дворовый фасад с поперечными разрезами двух боковых корпусов и внешний фасад бокового корпуса. Эти чертежи из коллекции Берггольца в точности (или почти в точности) соответ-

ствуют аналогичным по сюжету листам из собрания графики музея Альбертина в Вене⁴.

Все чертежи из музея Альбертина, за исключением генплана, утверждены Бироном: на каждом из них имеется надпись: “*Dieses wird aprobirt. E.J.Biron*” («Быть по сему. Э.И.Бирон»). Три листа указывают на авторство Ф.Растрелли. Причём на двух из них стоит, возможно, собственноручная подпись маэстро: “*De R.*”⁵. Именно так Растрелли подписывал многие свои работы с тем лишь отличием, что первая буква была строчной, а не заглавной, и в конце не ставилась точка⁶. Частица “*de*” обозначает графское достоинство Растрелли, который по-русски подписывался: «Обер архитектор граф фон Растрели»⁷. Третий лист подписан полной фамилией мастера латинскими буквами, что не характерно для подлинных чертежей Растрелли (но встречается в его письмах): “*De Rastrelly* (или

¹ Малиновский. Указ. соч. С. 211.

² В это время герцогом был сын Э.И. Бирона Пётр, которому отец передал правление 25 ноября 1769 г.

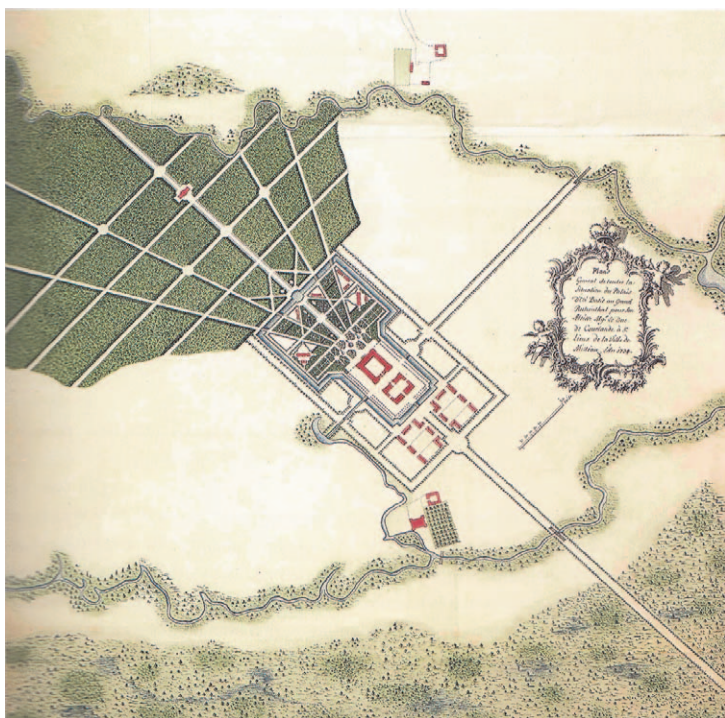
³ NM THС1524, 1525, 1526, 1527, 1528, 1529, 1530. На листах сделаны надписи на французском языке. № 1524: “Plan du Chateaux de Rouhental avec le Jardin et les environs” («План дворца в Руэндале с садом и окрестностями»). № 1525: “Plan des Souterains, du Chateaux de Rouhental” (План цокольного этажа дворца Руэндала»). № 1526: “Plan du Chateaux de Rouhental avec tous ces Batiments” (План дворца в Руэндале со всеми постройками»). № 1527: “Facade du coté de l’entre, du Pallais de Rouhental” («Фасад дворца в Руэндале со стороны входа»). № 1528: “Facade de l’Exterieur du Pallais de Rouhental que le Duc de Courland a fait Batir à quelque Lieux de Mietau” («Внешний фасад дворца в Руэндале, который герцог Курляндский распорядился построить в нескольких лье от Митавы»). № 1529: “Facade de L’Interieur de la Cour du Chateaux de Rouhendahl” («Фасад со стороны двора дворца в Руэндале»). № 1530: “Facade d’un des Ailes du Pallais Ducal de Rouhental” («Фасад одного из крыльев герцогского дворца в Руэндале»).

⁴ Четыре из них опубликованы в изданиях на русском языке. Б.Р. Виппер в своей более ранней работе о Растрелли (1954) опубликовал генплан и садовый фасад центрального корпуса (С. 284), в более поздней (1960) — ещё раз второй чертёж (с. 179), оба раза в чёрно-белом варианте. И. Ланцманис опубликовал генплан, северный фасад дворца с надвратной башней и дворовый фасад центрального корпуса с поперечными разрезами боковых корпусов (все в цвете): Ланцманис. Указ. соч. С. 7, 8. Наконец, К.В. Малиновский опубликовал северный фасад с надвратной башней и — впервые — план первого этажа (Малиновский. Указ. соч. С. 117). Надо, впрочем, отметить, что в этой работе Малиновского на с. 115 опубликован также садовый фасад дворца, однако место хранения чертежа указано ошибочно: это не Альбертина, а коллекция Берггольца (NM THС1528). На той же странице приведена центральная часть фасада бокового корпуса дворца в Руэнтале (фрагмент чертежа из Альбертины), однако подрисовочная подпись дана неверная: «Фасад дворца в Митаве. Фрагмент».

⁵ Albertina. 79-2-8 № 5678 (Дворовый фасад центрального корпуса с поперечными разрезами боковых корпусов); 79-2-10 № 5680 (Фасад бокового корпуса).

⁶ См.: Франческо Бартоломео Растрелли. Архитектурные проекты из собрания Государственного музея истории С.-Петербурга: Каталог / Сост. Г.Б. Васильева, К.В. Житорчук, А.М. Павелкина. СПб., 2000. С. 22, 24, 36, 42 и др.

⁷ Там же. С. 108, 110.



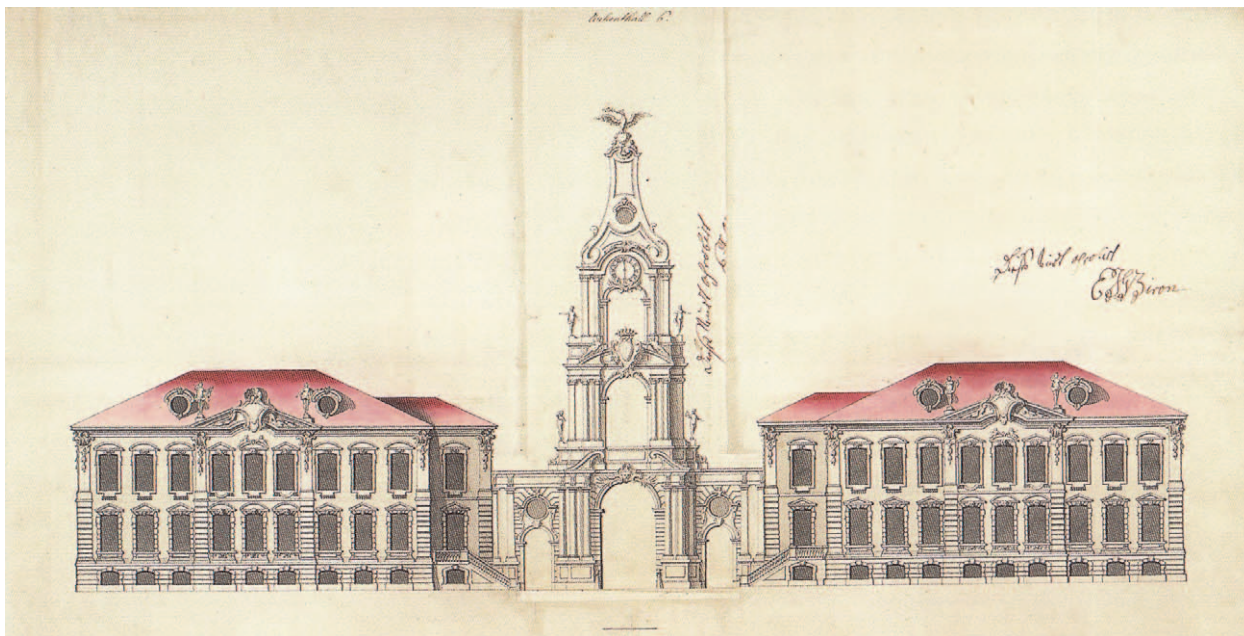
Ил. 1. Дворец и парк в Руэнтале. Генплан. (Проект).
Музей Альбертина. (Из книги: Ланцманис И. Рундальский
дворец. Елгава, 2012. С. 7)

Rastrellij) f.¹. Последняя буква, по-видимо-
му, означает латинское “*fecit*” («сделал»).
Несмотря на некоторые сомнения, мож-

но с большой долей вероятности
утверждать, что названные три
листа подписаны самим автором
проекта.

Три листа из собрания Альбер-
тины датированы. Это генплан
(1734 г.) и два фасада с подпи-
сью “*De R.*” (1736 г.) (ил. 1). Что
касается первой даты, то она яв-
но ошибочна. Во-первых, имение
Руэнталь было, как указано выше,
приобретено Бироном в 1735 г.
Правда, Б.Р. Виппер, ссылаясь
на то, что переговоры о покупке
владения велись с 1733 г., счита-
ет дату достоверной и пред-
полагает, что Растрелли приез-
жал в Курляндию в 1734 г. и тог-
да создал проект ансамбля двор-
ца с садом, парком и хозяйствен-
ными постройками². Однако эта
версия представляется совершенно
неубедительной. Во-вторых,

в обрамлённой рокайльным картушем
надписи, включающей эту дату, говорит-
ся о «дворце, построенном для герцога



Ил. 2. Дворец в Руэнтале. Северный фасад с воротной башней. (Проект). Музей Альбертина.
(Из книги: Ланцманис И. Рундальский дворец. Елгава, 2012. С. 8)

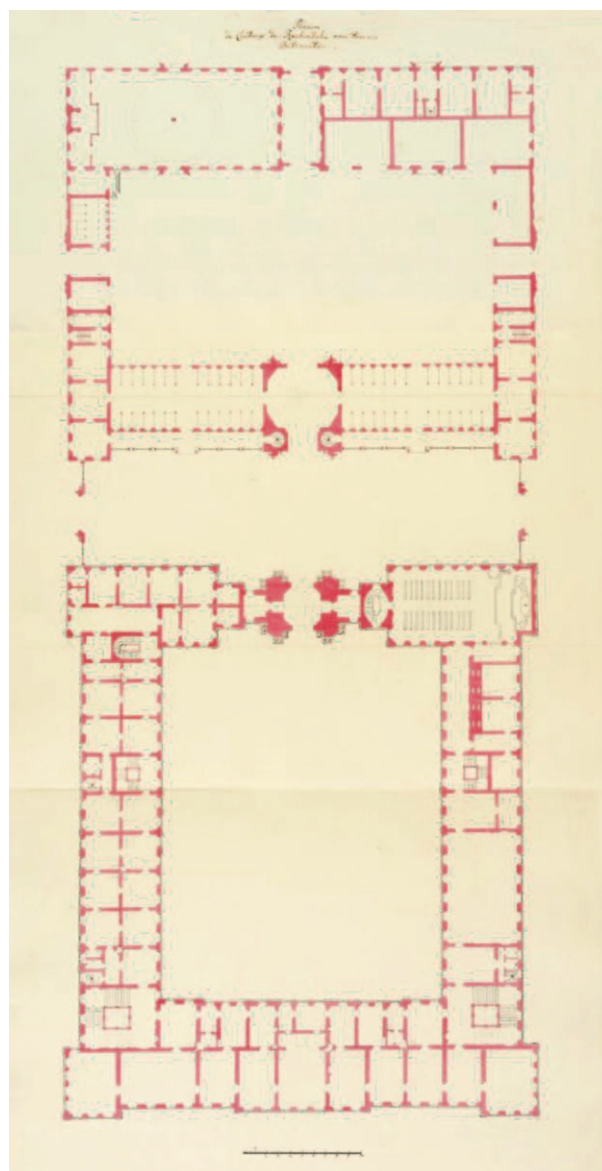
¹ Albertina. 79-2-9 № 5679.

² Виппер Б.Р. В. Растрелли и архитектура... С. 283.

Курляндского». Однако дворец начали строить только в 1736 г., а Бирон стал герцогом лишь в 1737 г. Наконец, в-третьих, рокайльный картуш, в который заключена надпись, стилистически не отвечает творчеству Растрелли или кого-либо ещё в России или Курляндии в 1730-е гг. Он мог быть выполнен не ранее середины XVIII в., а точнее не ранее 1764 г., во время возобновления строительства дворца¹. Таким образом, есть все основания датировать эту надпись 1764 г. или последующими годами работы Растрелли в Руэнтале. Дата «1736 г.» на чертежах с фасадами сомнений не вызывает, так как в середине этого года и началось строительство дворца, что косвенно подтверждает подлинность подписи Растрелли на этих листах (ил. 2).

Таким образом, чертежи из собрания графики музея Альбертина являются оригинальными проектными чертежами, в то время как не подписанные архитектором, не утверждённые заказчиком и не датированные листы из коллекции Бергхольца — их копиями. Однако внимательное попарное сравнение соответствующих листов из двух музеев выявляет некоторые отличия стокгольмских и венских чертежей. Точными копиями подлинников можно считать оба плана (вплоть до размещения печей, ретирад, количества ступеней и т.д.) (ил. 3) и два фасада (если не считать некоторой меньшей тщательности в прорисовке деталей декора): дворовый фасад центрального корпуса с поперечными разрезами боковых корпусов и внешний фасад бокового корпуса.

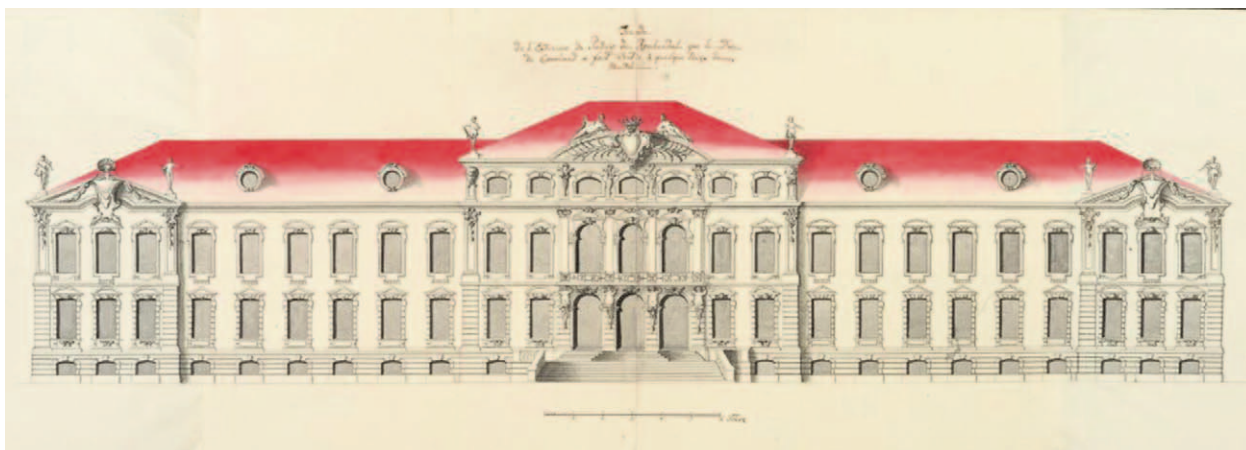
Два других фасада, хотя в целом также соответствуют венским чертежам, отличаются от них несколькими, впрочем, незначительными деталями. В основном это касается изображений некоторых аллегорических статуй с разными позами и жестами рук. Например, мужская фигура на фронте правого ризалита садо-



Ил. 3. План второго этажа дворца в Руэнтале и план хозяйственного комплекса. (Проект). NM THS 1526

вого фасада на венском листе показана фронтально лицом к зрителю, а на стокгольмском — в трёхчетвертном повороте и сзади (ил. 4). Остальные — немногочисленные — отличия ещё менее заметны и обязаны, по-видимому, небрежности или «вольности» со стороны копииста. Статус копий чертежей из коллекции Бергхольца подтверждается также тем, что все они обладают одинаковой с под-

¹ За ценнейшую консультацию по этому чертежу сердечно благодарим Имантса Ланцманиса, замечательного латышского историка искусства и художника, директора дворца-музея Рундале с 1976 по 2019 г.



Ил. 4. Дворец в Руэнтале. Фасад со стороны парка. (Проект). NM THС 1528

линниками масштабной линейкой с единицей измерения в туазах.

Обособленно в этом ряду стоит генплан ансамбля Руэнтальского дворца (ил. 5). Чертёж из коллекции Бергхольца охватывает немного меньшую территорию, по срав-

нению с чертежом из музея Альбертина, и на нём отсутствует картуш с надписью. Почти со всех сторон владение несколько «обрезано», сильнее всего с северо-востока, из-за чего здесь не показаны строения, вероятно служебного назначе-



Ил. 5. Дворец и парк в Руэнтале. Генплан. (Проект). NM THС 1524

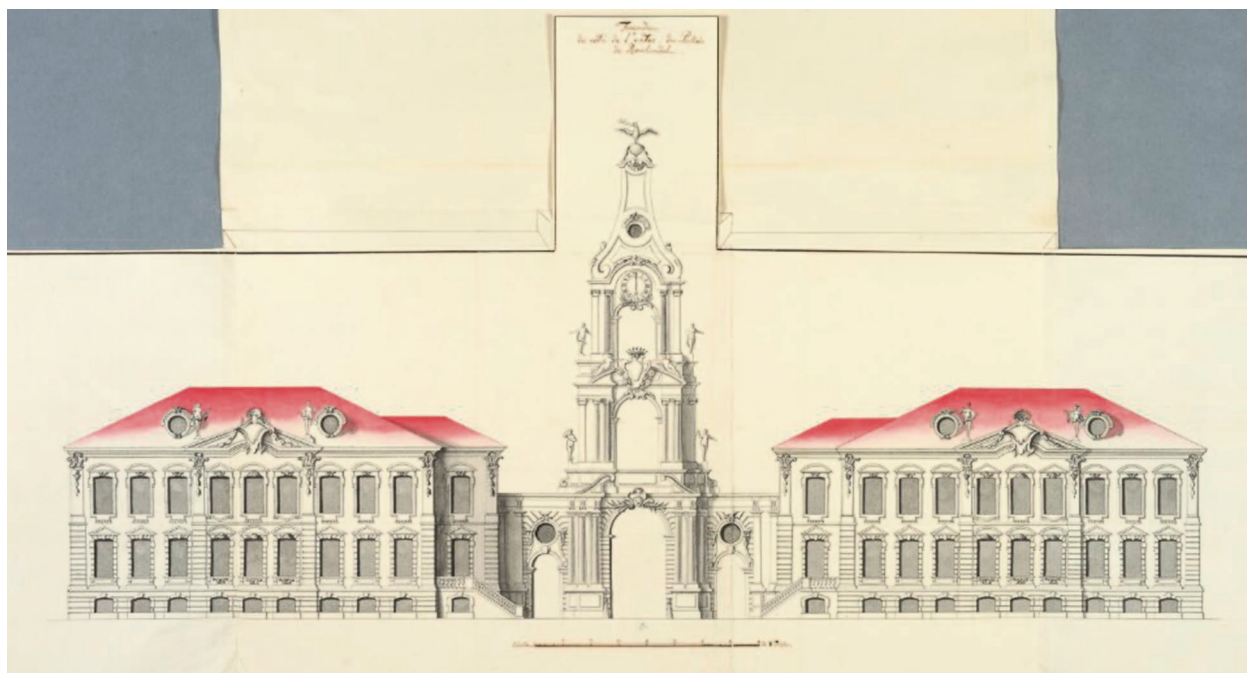
ния, на другом берегу реки. Если дворец и расположенный напротив него конный двор, а также регулярный французский сад и охотничий парк показаны с абсолютной точностью, то фруктовый (?) сад при хозяйственном комплексе в нижней части листа на копии изображён более схематично. Несмотря на отмеченные отличия, этот чертёж из музея Стокгольма также следует считать копией оригинала из Вены.

Рассмотренные проекты Растрелли дворца в Руэнтале были осуществлены с достаточно большой точностью. Однако некоторое расхождение между чертежа-

ми и сохранившимся зданием (исключая, разумеется, более поздние изменения) всё же имеются. В первую очередь это отражается в различном количестве осей окон на проектных чертежах и у построенного дворца. Так, на внешних фасадах боковых корпусов вместо запроектированных 29 осей имеется 31 ось, при этом центральный ризалит в проекте насчитывает пять осей, а в осуществлённом здании – три (ил. 6). Несовпадение количества оконных осей присуще также дворовому фасаду центрального корпуса (15 на проектных планах и 17 на натуре – так же, как на чертеже фасада).



Ил. 6. Дворец в Руэнтале. Боковой фасад. (Проект). NM THС 1530



Ил. 7. Дворец в Руэнтале. Северный фасад с воротной башней. (Проект). NM THС 1527



Ил. 8. Дворец в Рундале. Вид с юго-востока. Фото Г.К. Смирнова, 2016 г.



Ил. 9. Дворец в Руэнтале. Фасад со стороны двора с поперечными разрезами боковых крыльев. (Проект). NM THC 1529

Можно отметить и неодинаковое число слуховых окон-люкарн на тех же фасадах. Однако все эти несовпадения, которые обязаны, вероятно, изменениям, внесённым самим Растрелли в ходе строительства, не существенны и не меняют характер архитектуры дворца (ил. 7).

Дошедшее до нашего времени здание, хотя и подвергалось на протяжении более двух с половиной столетий перестройкам и утратам, в своих основных планировочных и композиционных особенностях и сегодня сохраняет первоначальный облик 1730-х гг. (ил. 8). Это касается как пространственной структуры интерьеров, так и фасадов. Первые изменения в архитектурном облике дворца произошли уже в 1760-е гг. во время второго периода его строительства после возвращения

Бирона из ссылки. Тогда была снесена трёхъярусная надвратная башня, заменённая воротами с пилонами. Возможно, тогда же (если не на первом этапе строительства) Бирон отказался от фигурирующих на проекте статуй и декоративных элементов чугунного литья (маски, капители, орнаменты). Всё это сделало архитектурный облик дворца намного строже и проще по сравнению с его первоначальным замыслом.

О задуманном в проекте убранстве интерьеров можно судить только по поперечным разрезам боковых корпусов с изображением двух парадных лестниц (ил. 9). Оформление именно этих двух помещений уцелело от первого этапа строительства дворца. Обе лестницы (1739–1740) сохранили известные по разрезам про-

странственно-конструктивную структуру и основные композиционные членения (пилястры, ложные окна с зеркальным остеклением и т.д.), а также если не точную форму, то характер барочного лепного убранства. Художественная отделка остальных помещений дворца относится ко второму периоду строительства (после 1763 г.) и к более поздним временам, что выходит за хронологические рамки данной статьи. Необходимо ещё отметить, что прямоугольное угловое северо-восточное помещение второго этажа, согласно первоначальному проекту, должна была занять лютеранская церковь. Для неё Растрелли выполнил проект алтаря¹, утверждённый Бироном и подписанный архитектором: «*De Rastrelly f. 1736*». Хотя в заголовке листа написано на французском языке: “*Grand Autel du Palais Ducal a Mittea*” («Большой алтарь герцогского дворца в Митаве»), дата свидетельствует о том, что первоначально алтарь предназначался для Руэнтала. Дело в том, что в 1740 г. Бирон принял решение вместо церкви устроить здесь бальный зал, а церковь «перенести» в свою городскую резиденцию. К тому времени и следует отнести заглавную надпись на чертеже. Проект алтаря – яркое произведение зрелого барокко с развитой богословской программой, характерной для лютеран.

В результате изменения замысла церкви в Руэнтальском дворце соседнее овальное помещение с лестницей (по которой прихожане могли бы подниматься в церковь снаружи) было преобразовано в фарфоровый кабинет. Созданный Растрелли в 1760-е гг. Белый зал, в котором происходили придворные балы, принадлежит к лучшим интерьерам дворца. Уникальный элемент декора – включение в лепнину потолочной розетки натурального гнезда аиста.

Наконец, конный двор, план которого изображён на генплане, а также на листе вместе со вторым этажом дворца, был начат в 1730-е гг., но его не закончили до опалы Бирона. На втором же этапе строительных работ, в 1760-е гг., этот комплекс был сооружён по сильно изменённому проекту – совместному произведению Растрелли и датчанина Северина Йенсена, придворного архитектора герцога Курляндского.

Четыре чертежа дворца в Митаве из коллекции Бергхольца представляют планы первого и второго этажей, а также главный фасад в двух вариантах². На обоих планах дворец показан в том виде, в каком он был построен. Несколько иная ситуация возникает с чертежами фасадов. Один из фасадов³ (ил. 10) отражает изначальный замысел и является копией первого варианта проекта Растрелли, ко-

¹ Albertina.79-1-4. № 5682. Дважды опубликован Б.Р.Виппером (Виппер. В Растрелли и архитектура...С. 285; Виппер.В.В. Растрелли... С. 181), а позднее К.В.Малиновским (Малиновский. Указ. соч. С. 124). Albertina. 79-1-4. N5682. Копия этого рисунка, находящаяся в собрании Бергхольца (NM THC1969), не датирована и не подписана, но имеет надпись на немецком языке: “Abzeichnung des Altars in die Mitausischen Schloss Capelle” («Рисунок алтаря в митавской дворцовой капелле»).

² NM THC1520, 1521, 1522, 1523. Все чертежи имеют немецкие надписи, сделанные, по-видимому, самим Бергхольцем. Надписи следующие. № 1520: “Grund Riss, / Der untersten Etage, Des Hochfürstlichen, Mitausischen Schlosses, wie solches, von dem damahligen Herzog von Biron, Angeleget, und vor dessen fall, biss unter Dach, gebracht worden” («План нижнего этажа Митавского дворца его княжеского высочества, возведённого бывшим герцогом фон Бироном, и до его падения доведённого до крыши»). № 1521: “Grund Riss, Der Obersten Etage, Des vorgedachten, Hochfürstlichen Mitausischen Schlosses” («План верхнего этажа упомянутого Митавского дворца его княжеского высочества»). № 1522: “Das herzogliche Mitausische Slos, nach dem Ersten Projekt” («Герцогский Митавский дворец по первому проекту»). № 1523: “Des Hochfürstlichen Mitausischen Pallais, in Courland” («Митавский дворец его княжеского высочества в Курляндии»). К.В.Малиновским опубликованы оба фасада и план первого этажа, однако, как и в случае с фасадом Руэнтальского дворца, место хранения указано неверно: музей Альбертина (Малиновский. Указ. соч. С. 116, 122).

³ NM THC1522.



Ил. 10. Дворец в Митаве. Фасад (первый вариант). (Проект). NM THC 1522



Ил. 11. Дворец в Митаве. Фасад (осуществлённый вариант). (Проект). NM THC 1523

торый хранится в собрании графики музея Альбертина в Вене¹. Последний датирован 1738 г. и утверждён Бироном. Ещё одна копия этого проекта находится в Национальной библиотеке в Варшаве². Вверху чертежа над рамкой помещена надпись на французском языке: «Nouveau Palais du Duc Courlande, Sous la Reigne de L'Imperatrice Anna qui à Été Bâtis á Mittea» («Новый дворец герцога Курляндского, построенный в царствование императрицы Анны»). Несмотря на резолюцию Бирона и на приведённую выше надпись, этот вариант фасада реализован не был.

Осуществлён был другой вариант, который изображён на втором фасаде из коллекции Бергхольца³ (ил. 11). Это легко устанавливается при сопоставлении проекта с нынешним обликом дворца, а также с фиксационным чертежом из РГИА (около 1800 г.) с изображением главного фасада и плана первого этажа⁴. Несмотря на некоторые изменения, которые претерпели архитектурные формы, декор и внутренняя планировка здания в более поздние времена (о чём будет упомянуто ни-

же), все вертикальные и горизонтальные членения, система ризалитов, количество осей проёмов, наконец, очертания основных декоративных элементов на чертеже и на существующем дворце совпадают. Таким образом, чертёж этого фасада, как и оба плана (ил. 12), имеют исключительную ценность, поскольку являются *единственными известными нам графическими материалами, которые отражают осуществлённый вариант проекта Растрелли*.

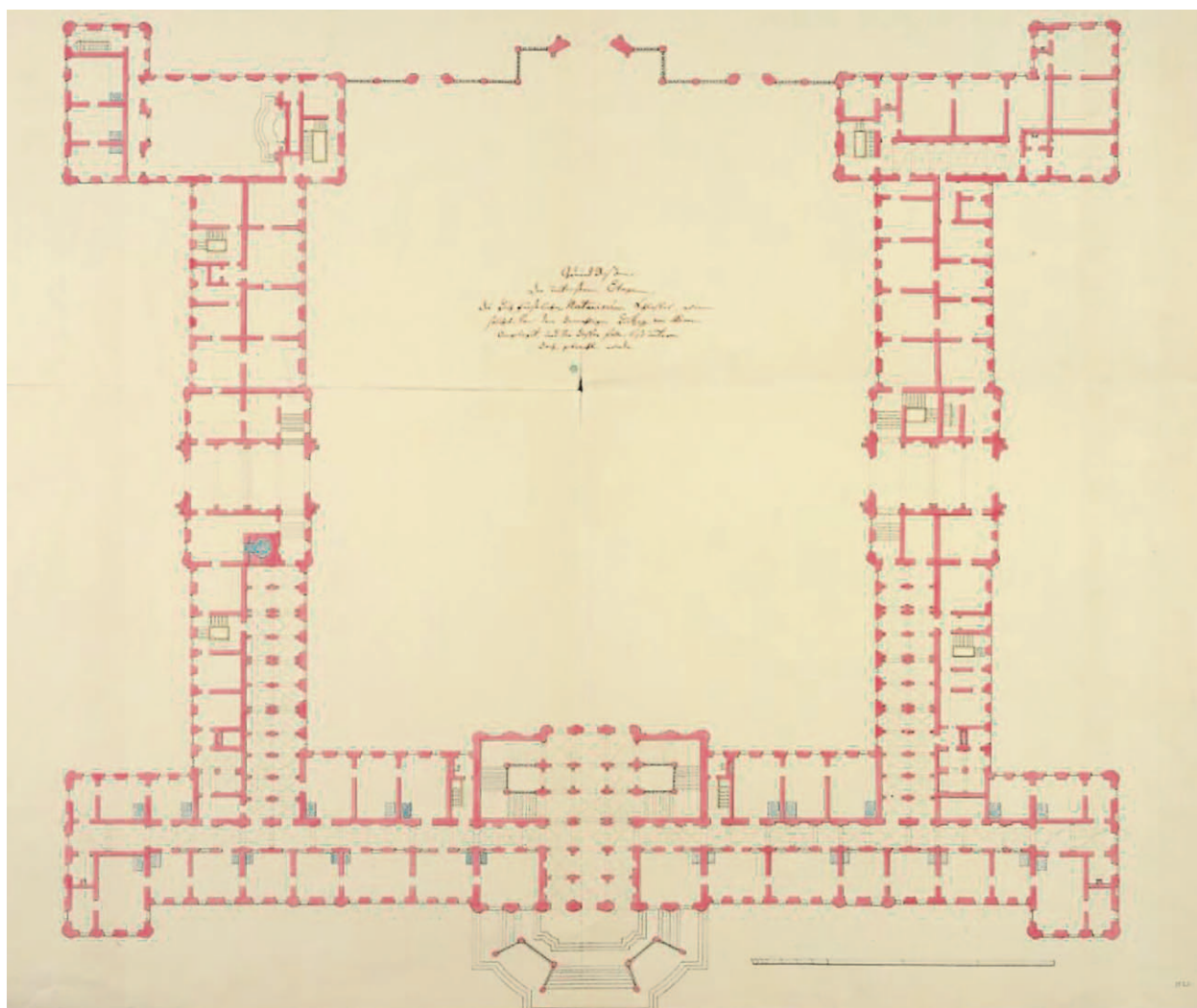
Другими словами, перед нами копии оригинальных проектов, до сих пор остающихся неизвестными. Впрочем, некоторые отличия копий проектных планов от выстроенного здания всё же имеются, как это было и в случае с Руэнтальским дворцом. Это касается боковых дворовых фасадов, которые в реальности (как и на фиксационном плане из РГИА) насчитывают меньшее количество окон, по сравнению с планами первого и второго этажей из стокгольмского музея. В результате боковые корпуса стали более короткими, а двор приобрёл не-

¹ Albertina. Inventarnummer AZ5674.

² Biblioteka Narodowa (Warszawa). Magazyn ikonografii. R.5409/WAF.104.

³ NM THC 1523.

⁴ РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 441. Л. 4.



Ил. 12. Дворец в Митаве. План первого этажа. (Проект). NM THС 1520

сколько иные пропорции. Всё же с большой долей вероятности можно утверждать, что три чертежа из собрания Бергхольца в целом правдиво изображают Митавский дворец в том виде, в каком он был построен по заказу Бирона до его падения в 1740 г. Как свидетельствует надпись Бергхольца на плане первого этажа, дворец тогда был доведён до крыши. Это значит, что скорее всего не были выполнены статуи, слуховые окна-люкарны и, возможно, фронтоны с гербами и скульптурными композициями. Очевидно, эти пышные элементы так и остались лишь на бумаге, поскольку после возвращения Бирона в 1763 г. и возобновления строительства дворца новый архитектурный вкус требовал бо-

лее строгих и простых форм зарождающегося классицизма.

Это и отразилось во второй период строительства дворца, особенно в его верхней части. Пологая двускатная крыша, предполагавшаяся проектом, была заменена высокой мансардной с переломом. Претерпели изменения некоторые архитектурные элементы: например, разорванный лучковый фронтон центрального ризалита на главном фасаде получил более строгую форму (ещё позднее, около 1800 г., фронтон был сделан треугольным), а раскрепованные пилястры второго этажа и мезонина на этом ризалите были заменены тектонически более уравновешенными парными пилястрами. Очевидно также, что не была реализова-

на вся скульптурная программа фасадного убранства с его фривольными барочными персонажами: бородатыми и пузатыми атлантами, легкомысленными путти, возлежащими на скалах сандриков и т.д. Однако чугунные маски и растительные орнаменты, изготовленные на заводах Родиона Баташева в Туле и присланные в 1737 г. для Руэнтальского дворца, были использованы по повелению герцога для украшения дворца в Митаве. Внутренняя планировка в основном была осуществлена в соответствии с проектом, однако в конце XVIII в. были внесены два значительных изменения, отражённые на фиксационном плане из РГИА. Это, во-первых, церковь, пространство которой после смерти вдовы Эрнста Бирона герцогини Бенигны Готлибы (1782) было разделено на несколько небольших помещений. Во-вторых, парадная лестница, пострадавшая

во время пожара 1788 г., при восстановлении была втрое уменьшена в объёме¹.

Впрочем, надо иметь в виду, что существующий архитектурный облик дворца во многом обязан обновлениям и реконструкциям, которым он подвергался на протяжении веков своего существования (ил. 13). Необходимо учитывать и восстановительные работы после повреждений во Второй мировой войне. В силу этого рассматриваемые чертежи могли бы оказать несомненную помощь при воссоздании первоначальных архитектурных форм при гипотетической реставрации, которая бы поставила именно такую цель. Но пусть это останется скорее теоретическим вопросом, чем практическим применением.

В заключение следует ещё раз подчеркнуть исключительную ценность относящихся к Митавскому дворцу чер-



Ил. 13. Дворец в Елгаве. Фото Г.К. Смирнова, 2016 г.

¹ За сообщение сведений, касающихся чугунных украшений, церкви и парадной лестницы, сердечно благодарим Имантса Ланцманиса.

тежей из коллекции Бергхольца, поскольку копии главного фасада, хранящиеся в Варшаве и Вене, принадлежат первому, не осуществлённому проекту Растрелли. К нему же относятся планы этажей из музея Альбертина. В лю-

бом случае чертежи обоих курляндских дворцов из коллекции Бергхольца должны послужить дополнительным важным источником для изучения этих выдающихся архитектурных произведений русского барокко.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архитектура Петербурга первой половины XVIII века из собрания Национального музея в Стокгольме (проспект выставки) / Автор текста Ю. Денисов. Л., б.г.
2. Вишпер Б.Р. В. Растрелли и архитектура русского барокко // Русская архитектура первой половины XVIII века. Исследования и материалы / Под ред. И.Э. Грабаря. М., 1954. С. 283–287.
3. Вишпер Б.Р. В.В. Растрелли // История русского искусства. Т. V. М., 1960. С. 179–182.
4. Дневник камер-юнкера Бергхольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721–1725 год. Ч. 1–4. М., 1857–1860.
5. Евангулова О.С. Дворцово-парковые ансамбли Москвы первой половины XVIII века. М., 1969. С. 52–54, 70.
6. Козьян Г.К. Франческо Бартоломео Растрелли // Зодчие Санкт-Петербурга. XVIII век. Л., 1997. С. 228–230, 288, 289.
7. Ланцманис И. Рундальский дворец. Елгава, 2012. С. 4–9.
8. Малиновский К.В. Бартоломео и Франческо Растрелли. СПб., 2017. С. 114–125, 211–217.
9. Свод памятников архитектуры России: Тверская область. Часть 1 / Отв. ред. Г.К. Смирнов. М., 2002. С. 180–181.
10. Тюхменева Е.А. Искусство триумфальных врат в России первой половины XVIII века. М., 2005. Цветные иллюстрации 1 и 4.
11. Франческо Бартоломео Растрелли. Архитектурные проекты из собрания Государственного музея истории С.-Петербурга: Каталог / Сост. Г.Б. Васильева, К.В. Житорчук, А.М. Павелкина. СПб., 2000. С. 22, 24, 36, 42 и др.
12. Hallström, Björn H. Russian architectural drawings in the Nationalmuseum. Stockholm, 1963.

ENGLISH

Two Palaces by Bartolomeo F. Rastrelli According to Drafts from Friedrich Bergholtz collection, Stockholm National Museum

Tatiana Nikolaevna Vyatchanina – Candidate of Science (Art History), Deputy Director for Academic Affairs at the Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, Head of the project “Architecture of Moscow and the Russian Province of the First Half of the 18th Century in the Context of Architectural Drawings of Stockholm National Museum” (19-012-00504a).
E-mail: tatvyat@yandex.ru

Georgy Konstantinovich Smirnov – Candidate of Science (Art History), Leading Researcher at the State Institute of Art History, executor of the same project.
E-mail: georg-sm@mail.ru

The article includes the description and analysis of 12 sheets from Bergholtz collection dedicated to two Courland palaces of Duke Ernst Johann von Biron in Mitau and Ruhenthal (nowadays, Latvia – Jelgava and Rundāle, respectively). Designed by Bartolomeo F. Rastrelli, the palaces belong to the finest works of the Russian Baroque architecture of the 1730s. The findings of the study reveal that 7 sheets illustrating the design and the façade of the Ruhenthal palace are practically an exact copy of the original project stored in the collection of the Albertina Museum in Vienna. Two out of five drafts of Mitau palace are also a copy of Viennese drafts, while three sheets of five are a copy of completed projects. Therefore, the most valuable items of Bergholtz collection are three architectural drafts of the façade and lay-outs of two floors of Mitau palace – the only copies of the completed Rastrelli's project known to science; the original copies are yet to be discovered.

Keywords: architecture, Biron palaces, Baroque, Rastrelli, Bergholtz collection, Stockholm National Museum, Albertina Museum

REFERENCES

1. Arkhitektura Peterburga pervoy poloviny XVIII veka iz sobraniya Natsional'nogo muzeya v Stokgol'me (prospekt vystavki) / Avtor teksta Yr. Denisov. L., b.g. (in Russian).
2. Vipper B.R. V. Rastrelli i arkhitektura russkogo barokko // Russkaya arkhitektura pervoy poloviny XVIII veka. Issledovaniya i materialy / Pod red. I.E. Grabarya. M., 1954. S. 283–287 (in Russian).
3. Vipper B.R. V.V. Rastrelli // Istoriya russkogo iskusstva. T. V. M., 1960. S. 179–182 (in Russian).
4. Dnevnik kamer-yunkera Berkhgol'tsa, vedenny im v Rossii v tsarstvovanie Petra Velikogo s 1721–1725 god. Cp. 1–4. M., 1857–1860 (in Russian).
5. Evangulova O.S. Dvortsovo-parkovye ansambli Moskvyy pervoy poloviny XVIII veka. M., 1969. S. 52–54, 70 (in Russian).
6. Koz'myan G.K. Franchesko Bartolomeo Rastrelli // Zodchie Sankt-Peterburga. XVIII vek. L., 1997. S. 228–230, 288, 289 (in Russian).
7. Lantsmanis I. Rundal'skiy dvorets. Elgava, 2012. S. 4–9 (in Russian).
8. Malinovskiy K.V. Bartolomeo i Franchesko Rastrelli. SPb., 2017. S. 114–125, 211–217 (in Russian).
9. Svod pamyatnikov arkhitektury Rossii: Tverskaya oblast'. Chast' 1 / Otv. red. G.K. Smirnov. M., 2002. S. 180–181 (in Russian).
10. Tyukhmeneva E.A. Iskusstvo triumfal'nykh vrat v Rossii pervoy poloviny XVIII veka. M., 2005. Tsvetnye illyustratsii 1 i 4 (in Russian).
11. Franchesko Bartolomeo Rastrelli. Arkhitekturnye proekty iz sobraniya Gosudarstvennogo muzeya istorii S.-Peterburga: Katalog / Sost. G.B. Vasil'eva, K.V. Zhitorchuk, A.M. Pavelkina. SPb., 2000. S. 22, 24, 36, 42 i dr. (in Russian).
12. Hallström, Björn H. Russian architectural drawings in the Nationalmuseum. Stockholm, 1963.

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА

УДК 159.99

ГРНТИ 15.81.61

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-100-03-121-135



А.П. БИЗЮК, Е.Э. КАЦ, Т.А. КОЛОСОВА, В.М. СОРОКИН*

Нейропсихологические аспекты дизорфографии

В статье рассматриваются результаты сравнительного комбинированного нейропсихологического и логопедического исследования 150 детей, обучающихся в третьем классе общеобразовательных школ. Часть этих детей страдала устойчивыми расстройствами овладения орфографическими навыками. Для оценки уровня обусловленности различных видов орфографических ошибок несформированностью морфо-функциональных мозговых систем было предпринято несколько форм статистического анализа. Обнаружено, что дети с высоким уровнем орфографической компетентности и без него отличаются по характеру ряда аспектов работы мозга, а также по широте перечня коррелирующих с орфографическими ошибками функциональных показателей, что особенно выражено у мальчиков. Для всех видов орфографических ошибок оказался актуальным сниженный показатель программной организации деятельности.

* **Бизюк Александр Павлович** — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии ПСПбГМУ им. академика И.П. Павлова, руководитель проекта «Нейропсихологические детерминанты дизорфографии у младших школьников» (17-06-00803а).

E-mail: A_Bizyuk@yahoo.com

Кац Екатерина Эдуардовна — старший преподаватель Института специальной психологии и педагогики, исполнитель того же проекта.

E-mail: katjakats@yandex.ru

Колосова Татьяна Александровна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования и педагогики Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), исполнитель того же проекта.

E-mail: mama_t@mail.ru

Сорокин Виктор Михайлович — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования и педагогики СПбГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: vombat54@mail.ru

Ключевые слова: дизорфография, функциональные пробы, кора больших полушарий, принцип письма, корреляционный, дисперсионный и факторный анализы

Феномен дизорфографии

Одной из самых распространённых проблем школьного обучения является дизорфография – особое речевое явление, выражающееся в стойком и специфическом нарушении усвоения и использования при письме орфографических знаний и навыков, а также принципов орфографии.

Подобного рода феноменология связана с недоразвитием целого комплекса речевых и неречевых психических функций [1, 2]. При этом присутствуют специальные указания на то, что дизорфография может обнаруживаться у детей, не имеющих каких-либо заметных снижений интеллекта и устной речи. Возникающие ошибки не связываются напрямую с дефицитностью мнестической деятельности ребёнка (а порой и взрослого), поскольку даже формальное выучивание правил орфографии не гарантирует их актуализацию в нужный момент времени [3–7].

При достаточном богатстве описания внешних признаков несформированности орфографических навыков, их общепсихологического сопровождения (своеобразной психологической «коморбидности» со слабостью процессов произвольного внимания, слабостью волевых усилий, импульсивностью, сниженной самооценкой), а также её внешних предпосылок (проблемы с соматическим здоровьем, неадаптированность в школе и т.п.), характеристика собственно мозгового обеспечения данной функции остаётся на уровне упоминания «отдельных мозговых систем». Другим объяснительным фактором недостаточной сформированности орфографических навыков является указание на слабость «языкового чутья», которое, исходя из педагогиче-

ской практики, действительно играет существенную роль.

Изучение нарушений становления орфографических знаний, умений и навыков более, чем другие аспекты речевого онтогенеза, носит национально-специфический характер, поскольку орфографические правила различных языков существенно отличаются друг от друга. А потому проведённые на Западе работы по соответствующей тематике по своим результатам, как правило, не сопоставимы с отечественными. Если в отечественной науке устойчивое отставание в освоении орфографической грамотности квалифицируется как дизорфография, то в зарубежной нейропсихологии, психологии развития, онтолингвистике проблематика такого рода обычно рассматривается в контексте формирования и нарушения спеллинга [8–11]. Помимо процесса перевода устной речи в письменную и наоборот (реже), в процесс спеллинга также включают и механизмы побуквенного произнесения слов, механизмы правописания и орфографии. Такая тенденция нашла отражение и в МКБ-10 (рубрика F81.1), включающей категорию «орфографической дисграфии».

Механизмы возникновения дизорфографии

Решение проблемы дизорфографии осложняется тем, что данные нейровизуализации работы мозга здоровых лиц в процессе письма пока не создают отчётливых представлений об орфографической обеспеченности этой деятельности и в ряде случаев не коррелируют с информацией, получаемой при локальных повреждениях мозга [12]. Весьма разнообразными являются сами ошибки письма, подпадающие под эту квалификацию [6, 13] (по морфо-

логическому, традиционному, грамматическому, слоگو-морфемному, лексико-семантическому признакам), а следовательно, разнообразными могут быть и порождающие их мозговые причины. В-третьих, сами причины могут встречаться в разных комбинациях, выступать в роли первичных/вторичных либо выстраиваться в иерархически организованные системы [14], моделью которых выступает и сам мозг с его информационными афферентными и эфферентными потоками, разнообразными уровнями обработки этой информации и сопутствующими условиями. Вот почему вопрос о механизмах дизорфографии остаётся во многом дискуссионным.

В качестве привлекаемых объяснительных факторов звучат недостаточная сформированность сложных форм фонематического анализа и фонематических представлений, навыков восприятия и воспроизведения ритмической структуры слова, дефицитарность лексической системы, ограниченный объём словаря, несформированность операции выбора слова из семантического поля, недостаточность произвольного внимания и точности запоминания, диспропорциональность в развитии мышления, нарушения слухового гнозиса и зрительно-пространственных функций, а также динамического праксиса, несформированность метаязыковых способностей, непонимание словообразовательных отношений, отсутствие способности человека самостоятельно строить свою собственную графико-орфографическую систему [2, 3, 5, 7, 15–23] и др.

Уже сам перечень исходных и не взаимоисключающих причин дизорфографии (часть из которых является гипотетической) указывает на полиэтиологичность её происхождения.

Объект, цель и методы исследования

Для выявления мозговых механизмов возникновения дизорфографии обследо-

вано 150 учеников третьих классов (9–10 лет), посещающих общеобразовательные школы Санкт-Петербурга. Исследуемая группа включала 78 девочек и 72 мальчика. Основной целью исследования являлся поиск связей между выраженностью дизорфографии, характером орфографических ошибок и компонентами нейропсихологического профиля учащегося.

Подбор исследовательского инструментария определялся двумя соображениями: способностью ряда методик оценивать состояние самих психических функций, принимающих участие в обеспечении акта письма или способных повлиять на его эффективность в широком плане, и способностью другой группы методик (традиционно нейропсихологических) отражать состояния мозговых морфофункциональных систем, несущих ответственность за реализацию того или иного компонента письменной речи.

Для решения выше сформулированных задач использовались следующие методики: проба на реципрокную координацию движений; проба на динамический праксис; графическая проба «Забор»; выполнение ритмов по речевой инструкции; пробы на праксис позы пальцев; пробы Хэда; предъявление вербального стимульного материала с помощью шёпотной речи; воспроизведение ритмов по слуховому образцу; проба на оценку предметных звуков; проба на узнавание изображений предметов; проба на запоминание невербализуемых фигур; проба на левостороннее игнорирование; кубики Коса; методика «Исключение лишнего» (вербальный и образный варианты); решение арифметических примеров (субтест из батареи Векслера); перечисление предметов одного класса; 10 слов, по Лурия; понимание переносного смысла; выстраивание последовательности сюжетных картин (субтест из батареи Векслера).

Оценка сформированности орфографических умений и навыков детей проводилась при помощи анализа письмен-

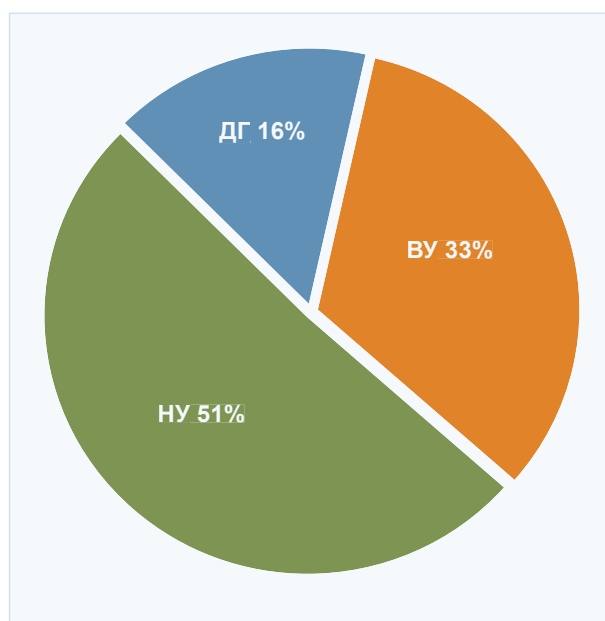


Рис. 1. Распределение детей по группам, отражающим сформированность орфографической компетенции

ных текстов. В качестве материала обследования были выбраны четыре диктанта, написанные детьми в течение учебного года. Анализ орфографических ошибок включал отнесение ошибки к той или иной орфограмме и соотнесение орфограммы с конкретным принципом правописания.

Весь полученный в дальнейшем экспериментальный материал подвергся статистической обработке путём вычисления параметрических и непараметрических критериев с привлечением корреляционного, факторного, дисперсионного и кластерного анализа, а также расчёта достоверности различий.

Количественный анализ орфографических ошибок в письменных работах обучающихся позволил выделить три группы детей в зависимости от уровня сформированности орфографической компетентности. Группы были обозначены как: группа детей с высоким уровнем сформированности орфографической компетентности (ВУ); группа детей с низким уровнем сформированности орфографической компетентности (НУ); группа детей с дизорфографией (ДГ).

Результаты исследования

Количественный состав групп ожидаемо оказался неравномерным (рис. 1) при следующем числе допущенных ошибок (рис. 2) и распределённости видов ошибок (рис. 3).

Из имеющихся морфологических [24, 25] и аппаратурных [26, 27] исследований известно, что у анализируемой возрастной группы детей ещё не имеется достаточной специализации корковых структур, полноценного развития миелиновых оболочек аксонов и ассоциативных связей, да и само поведение детей этого возраста отличается незрелостью и подчинённостью эмоциональному фактору. В 26% случаев в структуре дефекта дизорфографии преобладает недостаточность регуляторных компонентов учебной деятельности в зоне программирования и контроля и недостаточность когнитивных функций. Совокупность этих обстоятельств тоже накладывает отпечаток на результаты исполнения функциональных проб и определённость их связи с мозговыми структурами.

Сопоставление средних (по t-критерию Стьюдента) для двух полярных групп по показателям нейропсихологических методик выявило ограниченное количество различий между этими контингентами. Дети с дизорфографией отличались более слабым исполнением арифметической пробы ($t_{st} = 2,34$; $p = 0,025$), что свидетельствует о недостаточной сформированности формально-операциональной стороны их мышления и меньшей корректностью исполнения динамического праксиса правой рукой (функциональная проба «кулак—ребро—ладонь») ($t_{st} = 2,57$; $p = 0,015$), косвенно указывающей на недостаточное по сравнению со сверстниками развитие премоторных зон коры, традиционно связываемых с программным обеспечением исполняемых моторных и когнитивных действий.

Разница между осуществлением этой пробы левой рукой детьми с высокой орфографической компетентностью и деть-

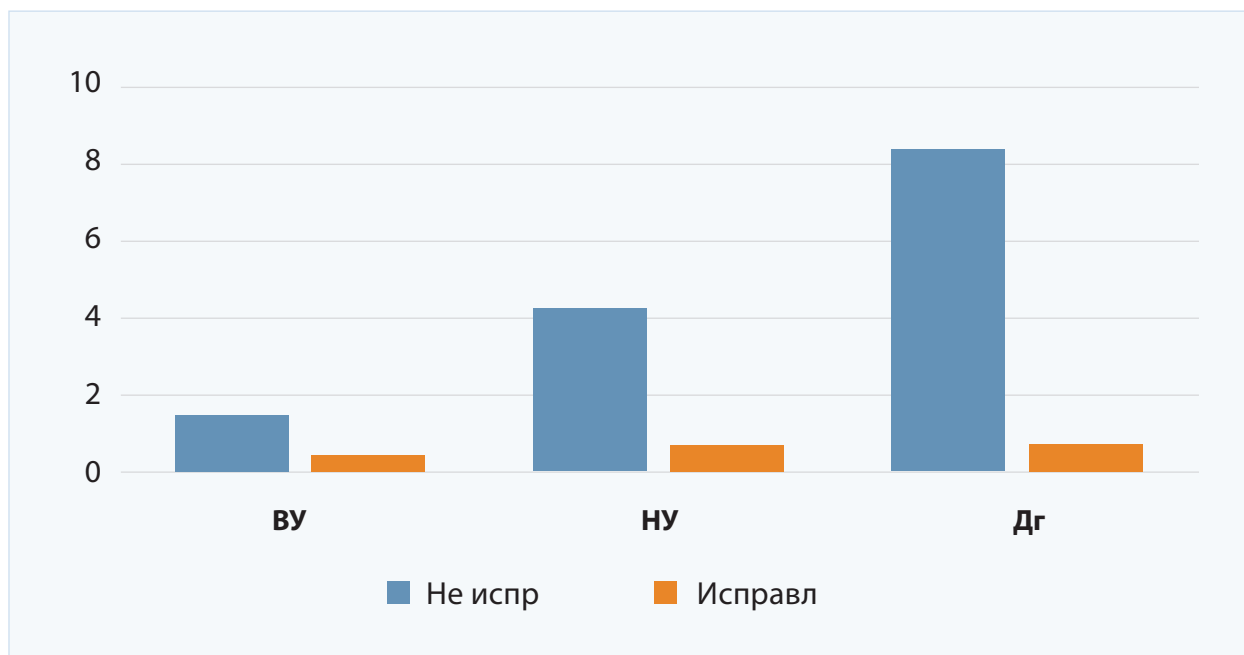


Рис. 2. Среднее количество орфографических ошибок в группах детей с разным уровнем сформированности орфографической компетенции

ми с дизорфографией находилась на грани статистической достоверности, но не перешла её ($t_{st} = 2,009$; $p = 0,052$).

Вообще было замечено, что перенос уже выработанного навыка на левую руку у подавляющего большинства испытуемых, независимо от их принадлежности к какой-то группе, был более успешен. При этом исполнение графической пробы на динамический праксис («Забор») существенной разницы между противопоставляемыми контингентами не выявило.

К числу регистрируемых отличий можно отнести худшее исполнение детьми с дизорфографией методики «последовательные картинки» ($t_{st} = 2,37$; $p = 0,023$), связанной со способностью улавливать логику развёртывания сюжета, умением замечать не всегда очевидные, но значимые детали, указывающие на порядок происходящих событий. Как известно, успешная реализация этой пробы требует функциональной полноценности многих зон мозга, начиная от корковых структур, обеспечивающих зрительное внимание, симультанный синтез, умение устанавливать причинно-следственные связи, а также достаточный уровень развития речи

для составления по разложенной последовательности изображений осмысленного рассказа.

Ещё одна методика, результаты которой оказались проигрышными для детей с дизорфографией, – «Кубики Коса» ($t_{st} = 2,45$; $p = 0,019$). Её роль в нейропсихологической диагностике, как правило, обосновывается способностью характеризовать аналитико-синтетические формы образного и пространственного мышления при реализации конструктивной деятельности, специфичность которой обусловливается зрелостью у детей теменно-затылочной и премоторной коры.

Три из отмеченных нами выше функциональных проб связаны с механизмами оперирования пространственными представлениями и квазипространственным синтезом, что составляет основу мыслительных операций. Это даёт основание предполагать, что процесс усвоения и реализации орфографических правил так или иначе связан с процессами ментальной ротации, ибо речь идёт о выполнении одних и тех же правил (инвариантный компонент) в разных контекстуальных условиях. Субтесты из батареи

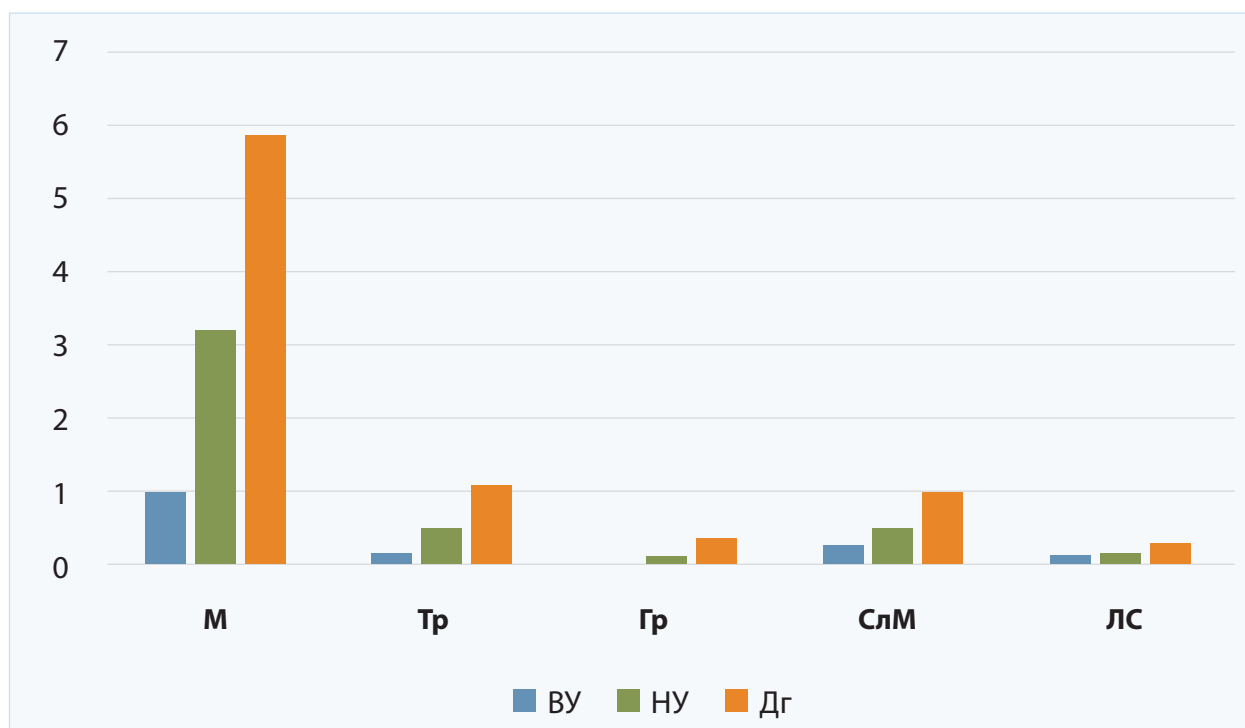


Рис. 3. Распределённость разных видов орфографических ошибок по группам детей

Примечание: М — морфологический принцип орфографии; Тр — традиционный; Гр — грамматический; СлМ — слога-морфемный; ЛС — лексико-семантический.

Векслера «Последовательные картинки» и кубики Коса представлены несколькими сериями. При этом значимые отличия фиксировались лишь в одной из представленных серий. Данный факт может среди прочего свидетельствовать о том, что отличия касаются не только операционального состава этой функции, но и её мотивационно-энергетического компонента. Иначе говоря, полученные результаты говорят о неустойчивой работоспособности, избирательной утомляемости, медленной вработываемости и флуктуирующей мотивации. Косвенно на это указывают и различия в числовых показателях, полученных при реализации корректурной пробы в модификации В.Н.Аматуни [28], где они не достигают уровня статистической значимости, но, тем не менее, в худшую сторону отличаются у детей с дизорфографией. Средние показатели выполнения пробы в секундах у последних составляют 271 против 256 у детей с высокой орфографической компетентностью.

Одним из способов выявления мозговой дефицитности, лежащей в основе дизорфографии, может выступать анализ неявных, вероятностных статистических связей, которые отражают отношения психических нагрузок, реализуемых через конкретные мозговые системы. Для решения подобной задачи был предпринят корреляционный анализ полученных данных всей обследованной выборки, а из полученной корреляционной матрицы были отобраны наиболее значимые коэффициенты, которые в дальнейшем рассматривались как повод для более глубокого — дисперсионного анализа, способного выявлять не только связь, но и наличие зависимости одного показателя от другого. Перечень обусловливания орфографических ошибок результатами нейропсихологических проб представлен в табл. 1 (даны в порядке убывания надёжности).

Из полученных результатов видно, что самыми мощными предпосылками ор-

фографической грамотности выступают психические процессы, в которых присутствуют аналитико-синтетические компоненты, представленные в методике на исключение лишнего (вербальный вариант) и логические операции, воспроизводимые в математических вычислениях, причем первый тип психической деятельности, существенно представленный процессами обобщения, апеллирует к грамматическому принципу орфографии, а второй – к традиционному написанию слов. Если в связке первой пары действительно можно усмотреть некоторую общность срабатывания сходных механизмов, то объяснение умения пользоваться написаниями слов, не очевидных с точки зрения существующих орфографических правил, калькуляционными способностями встречается с некоторыми трудностями. Возможно, что один из допустимых вариантов объяснения кроется в известной абстрактности феноменов традиционного написания слов и схожей абстрактности манипулированием количеством, но это – лишь предположение, требующее дальнейшей исследовательской проработки, поскольку

вычислительная результативность, а точнее процессы, которые за ней скрываются, также оказываются детерминантами орфографической грамотности и в отношении лексико-семантических и морфологических правил, что существенно расширяет объяснительное поле.

Среди других объяснительных механизмов, включённых в рассматриваемые процессы, заметное место в качестве довольно универсальных занимают пробы на динамический праксис, презентующие программную организацию или корректную развёртку во времени исполняемых действий, реализуемых премоторными зонами мозга и функционально им близкими нижними отделами лобной коры (зона Брока), которые связаны с моторной организацией речевой деятельности.

Нельзя не учитывать и того факта, что показатели нейропсихологических проб выступают и как качественные феномены и как характеристики, гипотетически доступные для количественного оценивания, имеющего различную степень адекватности и надёжности в контексте изучаемого с их помощью явления.

Таблица 1

Сравнительные данные дисперсионного анализа

Тип ошибок	Показатель методики	p =
По грамматическому типу	Исключение лишнего (верб.)	0,0000001
По традиционному типу	Арифметический	0,000024
По слоگو-морфемному типу	Корректирующая проба Аматауни (верх)	0,00021
По традиционному типу	Кубики Коса (средний показатель по всем субтестам)	0,000404
По традиционному типу	Динамический праксис (правая рука)	0,00055
По традиционному типу	Метафоры	0,00083
По морфологическому типу	Динамический праксис (левая рука)	0,0025
По лексико-семантическому типу	Арифметический	0,01206
По морфологическому типу	Динамический праксис (правая рука)	0,0153
По лексико-семантическому типу	10 слов по Лурия (первое запоминание)	0,01915
По грамматическому типу	Динамический праксис (левая рука)	0,0301
По морфологическому типу	Арифметический	0,0323
По традиционному типу	Перечисление предметов одного класса	0,036
По грамматическому типу	Исключение лишнего (образы)	0,0368
По слогово-морфемному типу	Корректирующая проба Аматауни (правая часть)	0,04

Определение удельного веса каждого из таких компонентов в каждом конкретном случае затруднено и помимо классической опоры на опыт и профессиональную интуицию желателен привлечение каких-то относительно объективных критериев или инструментов, которые были бы независимы от субъективных сторон экспериментатора. Одним из таких инструментов может становиться факторный анализ.

В результате проведения подобной статистической процедуры для показателей детей с дизорфографией было выделено шесть факторов (F) (табл. 2). Следует особо подчеркнуть, что в каждый из факторов вошла определённая группа орфографических ошибок, что косвенно указывает на разную природу их происхождения (для облегчения, анализа оставлены лишь показатели, имеющие наибольший вклад в соответствующий фактор).

В первом, самом мощном факторе, в котором значимо присутствуют показатели ошибок, обусловленных несформированностью лексико-семантического принципа орфографии (написание заглавных букв в именах собственных), существенно представлены показатели выполнения проб при работе с кубиками Коса, успешность которых предполагает высокий уровень развития пространственно-конструктивных навыков и представлений (теменно-затылочные зоны коры), также актуальных для выполнения математических операций.

Ошибки, обусловленные несформированностью традиционного («так принято») и грамматического (написание мягкого знака) принципов письма, имеют преимущественную ассоциативность с мыслительными операциями, необходимыми для улавливания логики развертывания сюжета в серии картинок, а это, помимо прочего, требует и достаточно высокой нагрузки на процессы зрительного внимания к тем деталям, которые определяют смысл происходящего. Кроме того, оценка данной пробы производится и по интер-

претации полученного ряда, а это значит, что в подобных процессах известная роль принадлежит и межполушарному взаимодействию при переводе системы образов в вербализованный сюжет. Подобная тенденция подтверждается и включением во второй фактор показателя пробы на реципрокную координацию. Процессы запоминания, представленные выполнением пробы «10 слов по Лурия», по-видимому, являются частным случаем более общего мнестического фона, который необходим для обеспечения любого вида орфографического контроля, как и способность продолжительно удерживать внимание на обрабатываемом материале.

Последняя тенденция подтверждается и структурой третьего фактора, где помимо грамматических ошибок представлены и ошибки, обусловленные несформированностью слога-морфемного принципа орфографии.

По спектру возможных мозговых детерминант низкой орфографической компетентности на первом месте оказался четвертый фактор. Здесь, помимо уже рассмотренных показателей проб, в качестве статистически значимых появляются результаты динамического праксиса, представленные пробой «Забор», ключевой предпосылкой которой является функциональная сохранность префронтальной коры, обеспечивающей, как уже указывалось, программную развёртку соответствующего, в нашем случае письменного, действия. Этот фактор, хотя и несильно, затрагивает реализацию трех из пяти принципов орфографии – и грамматический, и слога-морфемный, и лексико-семантический.

Пятый фактор, преимущественно связанный с ошибками, допускаемыми при несформированности слога-морфемного принципа орфографии, содержит в себе показатели проб, требующих повышенного и эффективного напряжения внимания, выражающегося во временных параметрах исполнения корректурной пробы в модификации Аматуни и объёме вос-

произведённого материала в пробе «Восприятие шёпотной речи».

И, наконец, шестой фактор, увязываемый с ошибками по морфологическому

и грамматическому принципам, включил в себя разнородные показатели (воспроизведение ритмов, кинестетический праксис и эффективность воспроизведения

Таблица 2

Результаты факторного анализа для детей с дизорфографией

Пробы	F 1	F 2	F 3	F 4	F 5	F 6
Арифметический	0,79					
10 слов по Лурия (первое воспроизведение)				0,71		
10 слов по Лурия (второе воспроизведение)						0,84
10 слов по Лурия (четвертое воспроизведение)		0,93				
10 слов по Лурия (пятое воспроизведение)			-0,72			
Проба Аматауни: количество правильно обработанных знаков в нижней половине листа		0,87				
Проба Аматауни, время выполнения					-0,81	
Проба Аматауни, время выполнения первой половины пробы					-0,86	
Проба Аматауни, разность времени выполнения первой и второй половины пробы			0,76			
Проба на реципркную координацию		0,89				
Воспроизведение ритмов по образцу						0,86
Кинестетический праксис, левая рука						0,73
Восприятие шёпотной речи					-0,74	
Последовательные картинки, серия 1		0,92				
Последовательные картинки, серия 4		0,76				
Последовательные картинки, серия 5	0,7					
Последовательные картинки, серия 7				0,75		
Последовательные картинки, серия 8				0,86		
Кубики Коса, субтест 4	0,81			0,84		
Кубики Коса, субтест 5	0,87					
Кубики Коса, субтест 6	0,78					
Забор				0,82		
Ошибки, обусловленные несформированностью морфологического принципа орфографии						-0,52
Ошибки, обусловленные несформированностью традиционного принципа орфографии		0,32				
Ошибки, обусловленные несформированностью грамматического принципа орфографии		0,46	0,41	-0,3		-0,34
Ошибки, обусловленные несформированностью слого-морфемного принципа орфографии			0,34	0,33	0,31	
Ошибки, обусловленные несформированностью лексико-семантического принципа орфографии	-0,85			-0,35		
Коэффициент орфографических ошибок	-0,76					
Expl.Var	5,312	4,689	4,916	4,648	4,211	3,700
Prp.Totl	0,081	0,072	0,075	0,071	0,064	0,056

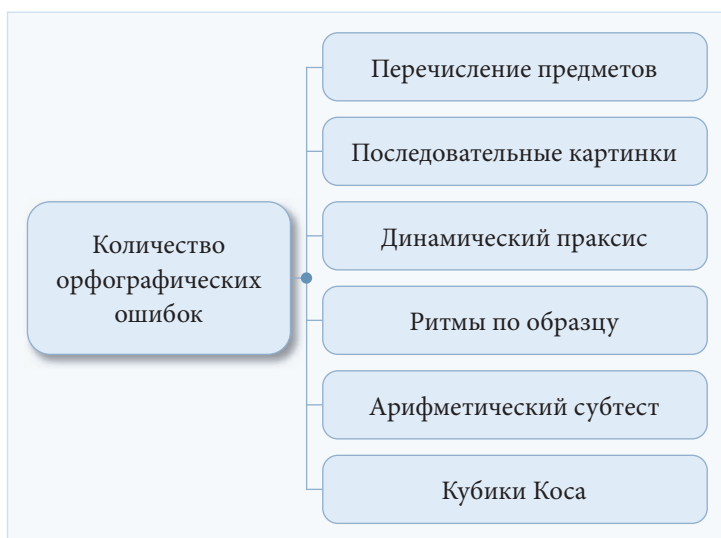


Рис. 4. Корреляционный граф связей количества орфографических ошибок с показателями нейро- и патопсихологических проб в группе мальчиков

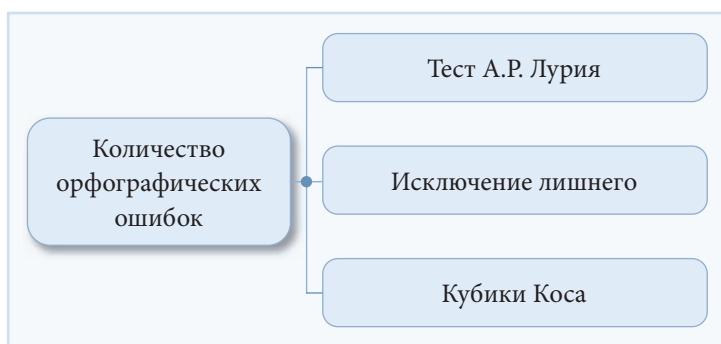


Рис. 5. Корреляционный граф связей количества орфографических ошибок с показателями нейро- и патопсихологических проб в группе девочек

при повторном предъявлении слов по Лурия), причина общности которых требует дополнительного изучения. Возможно, что какая-то часть объяснения заключается в том, что содержание этого фактора осуществлялось по «остаточному принципу», т.е. комбинация значимых показателей — это лишь артефакт.

К числу широко обсуждаемых относится проблема половых различий в речевом развитии детей и проявлениях различных форм патологии речи. Сопоставление количества орфографических ошибок, допущенных мальчиками и девочками, показало наличие статистически достоверных различий по числу неисправ-

ленных самостоятельно орфографических ошибок при применении практически всех изученных правил (в среднем 4,57 у мальчиков по сравнению с 3,29 у девочек). При этом если среди девочек отмечены случаи полного отсутствия орфографических ошибок при написании нескольких текстов, то среди мальчиков таких обучающихся вообще не выявлено. Наиболее яркие различия касались правописания безударных гласных в корне слова и ошибок «избегания переносов». Высокая орфографическая компетентность выявлена только у 21,6% мальчиков.

Общепринятым является мнение об опережающем речевом развитии девочек по сравнению с мальчиками. Частота возникновения речевых нарушений, и в частности нарушений письменной речи, существенно выше у мальчиков [29–31]. Указанные факты позволяют высказать предположение о существовании определённых различий в механизмах расстройств письма у мальчиков и девочек. В связи с этим нами было предпринято исследование, направленное на выявление вза-

имосвязей между показателями выполнения нейропсихологических проб и количеством орфографических ошибок в письменных работах у мальчиков и девочек.

Корреляционный анализ позволил выявить различия в структуре корреляционных графов в группах мальчиков и девочек (рис. 4 и 5).

Объём данной статьи не позволяет проанализировать детально различия между этими двумя группами школьников, но уже из представленных графов видно, что для группы мальчиков выявлено в два раза больше корреляций нейропсихологических показателей с показателем количества орфографических ошибок

по сравнению с группой девочек. Отметим лишь наличие одного общего для обоих полов фактора — слабости аналитико-синтетических операций, проявляемых в данном случае в реализации пространственных представлений, над которыми должны надстраиваться манипуляторно-конструктивные навыки.

Большее число связей дизорфографических проблем у мальчиков с показателями функциональных проб позволяет предполагать у них и большую вариативность причин, порождающих дизорфографию. Наличие меньшего числа корреляционных связей у девочек с учётом более раннего созревания у них речевых функций может свидетельствовать о более жесткой и высокоуровневой специализации морфо-функциональных мозговых систем, обеспечивающих грамотное письмо.

Выводы:

1. Дети с высокой орфографической компетентностью и дети с дизорфографией отличаются по спектру привлечения психологических процессов и морфо-функциональных мозговых систем, обеспечивающих навыки письма.
2. Ошибки, допускаемые детьми с дизорфографией, имеют более широкий спектр обусловливания по сравнению с детьми, успешно осваивающими орфографию.
3. Разные типы орфографических ошибок имеют разную психологическую основу своего возникновения.
4. Разные виды орфографических ошибок имеют под собой совершенно различные мозговые предпосылки. Исключением из этого правила является лишь показатель пробы на динамический праксис, отражающей функциональное состояние лобных отделов мозга, которые, как известно, довольно поздно созревают в онтогенезе и состояние которых действительно долгое время может накладывать отпечаток на исполнение учебных навыков.
5. Нейропсихологическими детерминантами орфографических ошибок, связанных с недостаточным усвоением морфологического принципа письма, оказались: параметры работы премоторных и теменно-затылочных участков мозга.
6. Частотность ошибок, обусловленных несформированностью грамматического принципа письма, связана с обширными зонами коры, привлекаемыми для осуществления операций обобщения как вербального, так и невербального материала, а также со способностью корректно реализовывать программно структурированные двигательные функции.
7. Наименее «прозрачными» оказались механизмы нарушений традиционного принципа русской орфографии в письме младших школьников. Дисперсия этого показателя оказалась обусловливаемой комбинацией сложных по своей структуре когнитивных процессов, имеющих наибольшее число мозговых детерминант с примерно равной вовлечённостью всех долей обоих полушарий.
8. Нарушения слога-морфемного принципа письма детерминируются эффективностью распределения зрительного внимания.
9. Орфографические ошибки, допускаемые по лексико-семантическому типу, существенно зависят от полноценности формально-логических мыслительных операций, осуществляемых третичными отделами второго блока мозга, и от способности оперативно мобилизовывать своё внимание в мнестической сфере.
10. Спектр причин, обуславливающих признаки дизорфографии у мальчиков, почти в два раза шире подобного спектра у девочек.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лалаева Р.И., Прищепова И.В. Выявление дизорфографии у младших школьников. СПб.: СПбГУПМ. 1999.
2. Прищепова И.В. Дизорфография младших школьников. СПб.: КАРО, 2006.
3. Азова О.А. Система логопедической работы по коррекции дизорфографии у младших школьников: Автореф. дис. ... канд. пед. н. М., 2006.
4. Дмитрова Е.Д., Визель Т.Г. Дизорфография и у учащихся средней и старшей школы: Диагностика и коррекция // Практическая психология и логопедия. 2005. № 1. С. 34–38.
5. Елецкая О.В., Логинова Е.А., Щукина Д.А. Научно-теоретические основы логопедической работы по коррекции дизорфографии у пятиклассников // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. № 23. С. 36–40. — URL: <http://e-koncept.ru/2015/75285.htm>. (дата обращения: 15.12.2019).
6. Прищепова И.В. Характер орфографических ошибок в письменных работах обучающихся с дизорфографией и их сверстников с нормальным речевым развитием // Теория и практика общественного развития. 2014. № 12. С. 64–67.
7. Шарипова Н.Ю. Типология проявления дизорфографии у учащихся общеобразовательной школы // Проблемы современного образования. 2013. №2. С. 152–159.
8. Gabbes W.H., Edgell D. Learning Disabilities and Brain Function: a neuropsychological approach. NY: Springer. 1994.
9. Handbook of Children's Literacy / T. Nunes, P. Bryant (ed). NY: Springer. 2004.
10. Reading, Writing, Mathematics and the Developing Brain: Listening to Many Voices / Z. Breznitz, O. Rubinsten, V.J. Molfese, D.L. Molfese (ed) / NY: Springer. 2012.
11. Galuschka K., Schulte-Körne G. The Diagnosis and Treatment of Reading and/or Spelling Disorders in Children and Adolescents / K. Galuschka, G. Schulte-Körne // Dtsch Arztebl Int. 2016. 113(16). P. 279–286.
12. Luzzatti C. Acquired reading and writing disorders. In: Br. Stemmer, H.A. Whitaker (Eds.), Handbook of the neuroscience of language. Amsterdam: Academic Press, 2008. P. 209–218.
13. Miceli G., Capasso R. Spelling and dysgraphia / Cognitive Neuropsychology. 2006. Vol. 23 (1) P. 110–134.
14. Pennington B.F. From single to multiple-deficit models of developmental disorders. — Cognition. 2006. Vol. 10(2). P. 385–413.
15. Елецкая О.В. Состояние познавательных процессов у учащихся с дизорфографией // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 3. № 3. С. 76–85.
16. Елецкая О.В. Особенности лексического запаса и лексических операций у школьников с дизорфографией // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2014. № 2–1. С. 154–159.
17. Елецкая О.В., Кузьмина Л.А. Особенности фонематических процессов учащихся младших классов общеобразовательной школы с дизорфографией // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. № 23. С. 26–30. — URL: <http://e-koncept.ru/2015/75283.htm>. (дата обращения: 11.11.2019).
18. Крутикова Э.Г., Сумченко Г.М., Сизова Э.Я., Храковская М.Г. Об изучении дизорфографии у школьников // XV съезд отоларингологов России. СПб.: 1995. Т. 2. С. 525–530.
19. Орлова О.С., Бабина Г.В., Шарипова Н.Ю. Дизорфография и фактор развития метаязыковой способности // Межотраслевые подходы в обучении и воспитании лиц с ограниченными возможностями здоровья. М.: Спутник, 2014. С. 145–156.
20. Прищепова И.В. Логопедическая работа по формированию предпосылок усвоения орфографических навыков у младших школьников с общим недоразвитием речи: Автореф. дисс. ... канд. пед. н. СПб., 1993.

21. Сумченко Г.М. Дизорфография как следствие недоразвития языковой системы ребёнка // Проблемы детской речи. Материалы Всероссийской конференции (Санкт-Петербург, 24–26 ноября 1999 г.). СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена. 1999. С. 173–174.
22. Цейтлин С.Н. К вопросу о возможности спонтанного усвоения орфографических правил // Человек пишущий и читающий: проблемы и наблюдения. Материалы международной конференции (14–16 марта 2002 г.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 30–39.
23. Шарипова Н.Ю. Исследование метаязыковой способности школьников в когнитивной парадигме // Голос и речь. 2013. № 2. С. 43–51.
24. Боголепова И.Н., Малофеева Л.И. Постнатальное развитие мозга человека // Сложные системы. 2018. № 2 (27). С. 4–13.
25. Развитие мозга и формирование познавательной деятельности ребёнка / Под ред. М.М. Безруких, Д.А. Фарбер. М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2009.
26. MRI of Normal Brain Maturation / A. Betsy и др. // American journal of neuroradiology. 1986. Т. 7. С. 201–208.
27. Normal brain development and aging: quantitative analysis at in vivo MR imaging in healthy volunteers / E. Courchesne и др. // Radiology. 2000. 216(3). С. 672–682.
28. Аматауни В.Н. О модификации корректурной пробы // Психологический эксперимент в неврологической и психиатрической клинике: Труды Ленинградского научно-исследовательского психоневрологического института им. В.М. Бехтерева. Л.: [Б.и.], 1969. Т. 46. С. 157–166.
29. Доброва Г.Р. Вариативность речевого развития детей. М.: ИД ЯСК: Языки славянских культур. 2018.
30. Тихомирова Т.Н., Модяев А.Д., Леонова Н.М., Малых С.Б. Факторы успешности в обучении на начальной ступени общего образования: половые различия // Психологический журнал. 2015. № 5. Т. 36. С. 43–54.
31. Хромова С.К., Логинова Е.С. Развитие устной речи у детей 7–8 лет и его взаимосвязь с показателями интеллектуального развития // Новые исследования. 2013. № 4 (37). С. 89–101.

ENGLISH

Neuropsychological Aspects of Dysorthography

Aleksandr Pavlovich Bizyuk – Candidate of Science (Psychology), Associate Professor at the Department of General and Clinical Psychology, Pavlov First Saint Petersburg State Medical University, Head of the project “Neuropsychological Determiners of Dysorthography in Elementary School Children” (17-06-00803a).

E-mail: A_Biziuk@yahoo.com

Ekaterina Eduardovna Kats – Senior Teacher at the Institute of Special Psychology and Pedagogy, executor of the same project.

E-mail: katjakats@yandex.ru

Tatiana Aleksandrovna Kolosova – Candidate of Science (Psychology), Associate Professor at the Department of Psychology of Education and Pedagogy, St. Petersburg State University, executor of the same project.

E-mail: mama_t@mail.ru

Viktor Mikhailovich Sorokin – Candidate of Science (Psychology), Associate Professor at the Department of Psychology of Education and Pedagogy, St. Petersburg State University, executor of the same project.

E-mail: vombat54@mail.ru

The article covers the findings of the comparative combined neuropsychological and logopedic study of 150 comprehensive school children studying in the third grade. Some of the children experienced persistent difficulties in acquiring orthography skills. To determine to what extent spelling errors are attributed to ill-formed morphofunctional cerebral systems the authors adopted several forms of statistical analysis. It was discovered that a number of aspects of brain function, as well as the range of functional indicators correlating with spelling errors, differ in children with higher and lower level of orthography (spelling) competence, difference being especially evident in boys. All types of spelling errors demonstrated correlation with decreased level of program activity organization.

Keywords: dysorthography, functional tests, cerebral cortex, principle of writing, correlation, dispersion and factor analysis

REFERENCES

1. Lalaeva R.I., Prishchepova I.V. Vyyavlenie dizorfografii u mladshikh shkol'nikov. SPb.: SPbGUPM. 1999 (in Russian).
2. Prishchepova I.V. Dizorfografiya mladshikh shkol'nikov. SPb.: KARO, 2006 (in Russian).
3. Azova O.A. Sistema logopedicheskoy raboty po korrektsii dizorfografii u mladshikh shkol'nikov: Avtoref. dis. ... kand. ped. n. M., 2006 (in Russian).
4. Dmitrova E.D., Vizel' T.G. Dizorfografiya i u uchashchikhsya sredney i starshey shkoly: Diagnostika i korrektsiya // Prakticheskaya psikhologiya i logopediya. 2005. № 1. S. 34–38 (in Russian).
5. Eletskeya O.V., Loginova E.A., Shchukina D.A. Nauchno-teoreticheskie osnovy logopedicheskoy raboty po korrektsii dizorfografii u pyatiklassnikov // Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Kontsept». 2015. № 23. S. 36–40. — URL: <http://e-koncept.ru/2015/75285.htm>. (data obrashcheniya:15.12.2019) (in Russian).
6. Prishchepova I.V. Kharakter orfograficheskikh oshibok v pis'mennykh rabotakh obuchayushchikhsya s dizorfografiyey i ikh sverstnikov s normal'nym rechevym razvitiem // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2014. № 12. S. 64–67 (in Russian).
7. Sharipova N.Yu. Tipologiya proyavleniya dizorfografii u uchashchikhsya obshcheobrazovatel'noy shkoly // Problemy sovremennogo obrazovaniya. 2013. №2. S. 152–159 (in Russian).
8. Gabbes W.H., Edgell D. Learning Disabilities and Brain Function: a neuropsychological approach. NY: Springer. 1994.
9. Handbook of Children's Literacy / T. Nunes, P. Bryant (ed). NY: Springer. 2004.
10. Reading, Writing, Mathematics and the Developing Brain: Listening to Many Voices / Z. Breznitz, O. Rubinsten, V.J. Molfese, D.L. Molfese (ed) / NY: Springer. 2012.
11. Galuschka K., Schulte-Körne G. The Diagnosis and Treatment of Reading and/or Spelling Disorders in Children and Adolescents / K. Galuschka, G. Schulte-Körne // Dtsch Arztebl Int. 2016. 113 (16). P. 279–286.
12. Luzzatti S. Acquired reading and writing disorders. In: Br. Stemmer, H.A. Whitaker (Eds.), Handbook of the neuroscience of language. Amsterdam: Academic Press, 2008. P. 209–218.
13. Miceli G., Capasso R. Spelling and dysgraphia / Cognitive Neuropsychology. 2006. Vol. 23 (1) P. 110–134.
14. Pennington B.F. From single to multiple deficit models of developmental disorders. — Cognition. 2006. Vol. 10 (2). P. 385–413.

15. Eletsкая O.V. Sostoyanie poznavatel'nykh protsessov u uchashchikhsya s dizorfografiy // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2012. T. 3. № 3. S. 76–85 (in Russian).
16. Eletsкая O.V. Osobennosti leksicheskogo zapasa i leksicheskikh operatsiy u shkol'nikov s dizorfografiy // Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. 2014. № 2–1. S. 154–159 (in Russian).
17. Eletsкая O.V., Kuz'mina L.A. Osobennosti fonematicallykh protsessov uchashchikhsya mladshikh klassov obshcheobrazovatel'noy shkoly s dizorfografiy // Nauchno-metodicheskii elektronnyy zhurnal «Kontsept». 2015. № 23. S. 26–30. — URL: <http://e-koncept.ru/2015/75283.htm>. (data obrashcheniya: 11.11.2019) (in Russian).
18. Krutikova E.G., Sumchenko G.M., Sizova E.Ya., Khrakovskaya M.G. Ob izuchenii dizorfografii u shkol'nikov // XV s"ezd otolaringologov Rossii. SPb.: 1995. T. 2. S. 525–530 (in Russian).
19. Orlova O.S., Babina G.V., Sharipova N.Yu. Dizorfografiya i faktor razvitiya metazykovoy sposobnosti // Mezhotraslevye podkhody v obuchenii i vospitanii lits s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya. M.: Sputnik, 2014. S. 145–156 (in Russian).
20. Prishchepova I.V. Logopedicheskaya rabota po formirovaniyu predposylok usvoeniya orfograficheskikh navykov u mladshikh shkol'nikov s obshchim nedorazvitiem rechi: Avtoref. dis. ... kand. ped. n. SPb., 1993 (in Russian).
21. Sumchenko G.M. Dizorfografiya kak sledstvie nedorazvitiya yazykovoy sistemy rebenka // Problemy detskoj rechi. Materialy Vserossiyskoj konferentsii (Sankt-Peterburg, 24–26 noyabrya 1999 g.). SPb: Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena. 1999. S. 173–174 (in Russian).
22. Tseytlin S.N. K voprosu o vozmozhnosti spontannogo usvoeniya orfograficheskikh pravil // Chelovek pishushchiy i chitayushchiy: problemy i nablyudeniya. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii (14–16 marta 2002 g.). SPb.: Izd-vo SPbGU, 2004. S. 30–39 (in Russian).
23. Sharipova N.Yu. Issledovanie metazykovoy sposobnosti shkol'nikov v kognitivnoy paradigme // Golos i rech'. 2013. № 2. S. 43–51 (in Russian).
24. Bogolepova I.N., Malofeeva L.I. Postnatal'noe razvitie mozga cheloveka // Slozhnye sistemy. 2018. № 2 (27). S. 4–13 (in Russian).
25. Razvitie mozga i formirovanie poznavatel'noy deyatel'nosti rebenka / Pod red. M.M. Bezrukih, D.A. Farber. M.: Izd-vo MPSI; Voronezh: MODEK, 2009 (in Russian).
26. MRI of Normal Brain Maturation / A. Betsy i dr. // American journal of neuroradiology. 1986. T. 7. S. 201–208.
27. Normal brain development and aging: quantitative analysis at in vivo MR imaging in healthy volunteers / E. Courchesne i dr. // Radiology. 2000. 216 (3). S. 672–682.
28. Amatuni V.N. O modifikatsii korrekturnoy proby // Psikhologicheskii eksperiment v nevrologicheskoy i psikhiatricheskoy klinike: Trudy Leningradskogo nauchno-issledovatel'skogo psikhonevrologicheskogo instituta im. V.M. Bekhtereva. L.: [B.i.], 1969. T. 46. S. 157–166 (in Russian).
29. Dobrova G.R. Variativnost' rechevogo razvitiya detey. M.: ID YASK: Yazyki slavyanskikh kul'tur. 2018 (in Russian).
30. Tikhomirova T.N., Modyaev A.D., Leonova N.M., Malykh S.B. Faktory uspekhov v obuchenii na nachal'noy stupeni obshchego obrazovaniya: polovye razlichiya // Psikhologicheskii zhurnal. 2015. № 5. T. 36. S. 43–54 (in Russian).
31. Khromova S.K., Loginova E.S. Razvitie ustnoy rechi u detey 7–8 let i ego vzaimosvyaz' s pokazatelyami intellektual'nogo razvitiya // Novye issledovaniya. 2013. № 4 (37). S. 89–101 (in Russian).

**И.А. ХВАТОВ***

Эволюционные предпосылки орудийной деятельности с позиции концепции самоотражения животных и человека

В настоящее время тема орудийной деятельности животных активно разрабатывается в сравнительной психологии и эволюционной психологии. Считается, что орудийная деятельность, если она не детерминирована чисто инстинктивно, свидетельствует о наличии у животного сложных когнитивных процессов, в частности мышления. Способность к использованию и изготовлению орудий была обнаружена у приматов, многих млекопитающих, птиц и даже у беспозвоночных. Однако у вышперечисленных групп животных орудийная деятельность представлена в сформированном сложном виде. Эволюционные предпосылки, а также факторы, приведшие к возникновению орудийной деятельности в ходе филогенеза психики, изучены слабо.

Автор статьи предлагает оригинальный подход к изучению предпосылок орудийной деятельности, основывающийся на его концепции самоотражения животных и человека, а также на концепции воплощённого познания. Согласно развиваемому подходу исходным протоорудием является тело самого животного, физические характеристики которого первоначально выступают в качестве препятствия для достижения цели в различных видах деятельности и лишь затем начинают учитываться им в качестве своих возможностей для воздействия на объекты окружающей среды.

Ключевые слова: самоотражение, эволюция психики, воплощённое познание, самосознание тела, орудийная деятельность, животные

Особенности орудийной и протоорудийной деятельности животных

Орудийная деятельность — это явление, при котором животное использует любой вид инструмента для достижения цели, такой как добывание пищи

и воды, уход за телом, защита, отдых или строительство [1]. Первоначально считалось, что способностью использовать орудия обладают только люди (применение некоторых орудий требует высокого уровня развития когнитивных процессов). До сих пор нет единого мнения

* **Хватов Иван Александрович** — кандидат психологических наук, заведующий научно-образовательным центром биопсихологических исследований Московского института психоанализа, руководитель проекта «Эволюционные предпосылки орудийной деятельности позвоночных» (20-013-00546а).
E-mail: Ittkrot1@gmail.com

о том, что представляет собой орудие, и, следовательно, какое поведение можно считать истинными примерами орудийной деятельности [3]. Считается, что орудия использует широкий спектр животных, включая млекопитающих, птиц, рыб, головоногих и насекомых.

Однако на данный момент не выявлены истоки орудийной деятельности, а также факторы, приведшие к её возникновению в ходе эволюции позвоночных. А это имеет принципиальное значение для комплексного понимания хода эволюции когнитивных процессов и, в частности, мышления конкретного таксона животных. Кроме того, изучение истоков орудийной деятельности важно для понимания феномена человеческого сознания, возникновение которого традиционно ассоциируют с началом изготовления и использования каменных орудий, в том числе в рамках коллективного труда.

Необходимо добавить, что изучение эволюционных истоков орудийной деятельности обогащает науку новыми методическими подходами (создание качественно новых экспериментальных установок и методических процедур) к исследованию данного феномена как у животных, так и у людей (в раннем онтогенезе).

Целью настоящей статьи является формулирование нового теоретического подхода к пониманию феномена орудийной деятельности и его генезиса в ходе эволюции психики, как обобщающего уже имеющиеся обширные эмпирические данные в этой области, так и позволяющего предложить новые методики для изучения филогенетически наиболее ранних форм использования орудий животными.

Ключом к пониманию феномена орудийной деятельности является определение того, что представляет собой орудие. Одним из наиболее широко применяемых определений является дефиниция, предложенная Б.Беком [2]. Согласно ему, орудийная деятельность предполагает использование субъектом неприкрепленно-

го или манипулируемого прикреплённого объекта окружающей среды для более эффективного изменения формы, положения или состояния другого объекта, другого организма или самого пользователя. При этом субъект, использующий орудие, способен антиципировать последствия своей деятельности во время применения орудия или до этого [2].

Важно отметить, что способность к использованию орудий традиционно рассматривается как один из критериев мышления [1]. Представление животных об «отдельном предмете» предполагает выделение функций предмета инвариантно относительно контекста и предвосхищение результата манипулирования этим предметом. Однако некоторые животные используют орудия инстинктивно, и в этом смысле их деятельность оказывается негибкой [1].

Несколько исследований на приматах и птицах показали, что использование инструмента коррелирует с увеличением мозга в целом или отдельных областей. Например, у настоящих птиц, использующих инструмент, мозг относительно крупнее, чем у пользователей прототипа [3].

Перечислим основных представителей животного мира, способных использовать орудия.

- ♦ Шимпанзе и бонобо. Эти обезьяны применяют и изготавливают орудия при охоте на других млекопитающих, добычании термитов, сборе мёда, обработке пищи (например, раскалывании орехов) [4] и др.
- ♦ Гориллы применяют орудия для измерения глубины водоёмов [5], для добычания листьев и семян.

Отметим, что человекообразные обезьяны сами изготавливают сложные составные орудия. Прекрасным примером тому может служить то, как шимпанзе используют два типа палок для извлечения термитов: толстую палку с твёрдым наконечником и палку в форме кисточки [6]. Аналогично изготовление орудий наблюдается у других человекообразных обезьян.

- ◆ Другие обезьяны (капуцины, павианы и макаки) применяют орудия главным образом для добывания и обработки пищи, а также в ходе межвидовой и внутривидовой конкуренции (применяются палки и камни) [7].
- ◆ Слоны используют орудия (палки и ветки) для ухода за собственным телом, для разрушения препятствий (бросают камни) [8].
- ◆ Дельфины-афалины применяют губки при добывании пищи [9].

Орудийная деятельность (включая изготовление орудий) обнаруживается и у птиц.

- ◆ Врановые птицы часто используют и изготавливают орудия. Так новокаледонские вороны применяют палочки (предварительно обрабатывая их) для добывания пищи [10]. Также в естественных и лабораторных условиях орудия используют обыкновенные вороны, грачи, сойки — главным образом для добывания и обработки пищи.
- ◆ Попугаевые пользуются орудиями для ухаживания за собственным телом, а также добывания и обработки пищи [11].
- ◆ Различными способами используют орудия другие виды птиц: соловьи, жаворонки, поползни, стервятники, совы, чайки, цапли [12].

Таким образом, орудийная деятельность обнаруживается у многих животных, относящихся к различным систематическим группам. Между тем, у всех вышеперечисленных животных орудийная деятельность представлена уже в сформированном зрелом виде, что оставляет нерешённым вопрос об истоках и предпосылках её возникновения в ходе эволюции.

В качестве предшественника орудийной деятельности, предполагающей удержание и манипулирование внешним объектом, исследователи также рассматривают протоорудийную деятельность. О ней говорят в том случае, если орудие специально не удерживается и не манипулируется животным, но при этом включается в его деятельность.

Приведём примеры протоорудийной деятельности:

- ◆ В качестве протоинструмента может рассматриваться наковальня, применяемая капуцинами для раскалывания орехов [7].
- ◆ Аналогично рыбы губаны используют камни для раскалывания об них раковин моллюсков [13].

Между тем данные о протоорудийной деятельности скудны. Кроме того, до сегодняшнего дня нет чёткого понимания того, как эволюционно осуществился переход от использования протоорудий к полноценной орудийной деятельности у животных. Отсутствует концепция, объясняющая возникновение орудийной деятельности в ходе эволюции и факторов, приведших к её возникновению.

Орудийная деятельность животных и её возникновение в филогенезе с позиции концепции самоотражения

В последние годы за рубежом и в России активно развивается концепция «воплощённого познания» (англ. «Embodied cognition»). Согласно ей, психика «вызывает», существует и развивается как результат взаимодействия целостного физического тела с физическими объектами во внешней среде. В частности, это означает, что познание укоренено в среде — разворачивается в контексте окружающего мира; автономное (оторванное от окружающей среды) познание основывается на телесном опыте индивида [14].

В рамках наших исследований мы, базируясь на основных положениях концепции «воплощённого познания», а также близкого ему онтологического подхода [15], рассматриваем психику как результат взаимодействия организма и внешней среды. Соответственно, психический образ рассматривается как бинарная система, состоящая из двух взаимосвязанных подсистем: отражения индивидом внешней среды и отражения индивидом самого себя. Для обозначения последнего мы предложили термин «самоотражение» —

субъективное отражение индивидом своих объективных характеристик, возникающих в процессе его взаимодействия с объектами внешнего мира [16]. Феномен самоотражения является более широким и включает в качестве отдельных уровней иерархической организации такие феномены, как схема тела и самосознание. Схема тела является наиболее ранним уровнем развития самоотражения, фундаментом формирования более сложных структур представления индивида о себе. В ходе прогрессивной эволюции психики на его основе формируются предпосылки самосознания. Соответственно, в рамках данной концептуальной модели самосознание рассматривается как высший уровень эволюционного развития самоотражения, связанный с осознанным отражением внешней среды.

Цель наших исследований заключалась в сравнительно-психологическом изучении особенностей того, как разные виды животных в процессе решения различных экспериментальных задач выстраивают целостный психический образ, состоящий из двух вышеуказанных элементов. Конкретно эта цель выражалась в изучении следующих аспектов психической регуляции поведения, а именно выявление того:

- ♦ способны ли животные учитывать физические характеристики собственного тела при взаимодействии с объектами окружающей среды;
- ♦ насколько быстро животные реорганизуют ранее приобретённый навык решения экспериментальной задачи при изменении характеристик окружающей среды;
- ♦ насколько быстро животные реорганизуют ранее приобретённый навык решения экспериментальной задачи при изменении характеристик собственного тела.

Объектами наших исследований являлись животные разных систематических групп: насекомые, многоножки, брюхоногие моллюски, земноводные, пресмыкающиеся и млекопитающие [16].

На основании ранее полученных авторским коллективом результатов исследований, проводившихся на различных видах позвоночных и беспозвоночных, была сформулирована базовая гипотеза, описывающая общий ход эволюции самоотражения в его связи с отражением внешней среды как двух компонентов целостного психического образа. Согласно этой гипотезе, в ходе прогрессивной эволюции психики происходила постепенная дифференциация целостного психического образа, выражающаяся во всё большем обособлении самоотражения индивида от отражения им внешней среды.

На основе обобщения результатов проведённых экспериментов мы обнаружили фундаментальную тенденцию филогенетического развития психики. В ходе эволюции психики происходила дезинтеграция целостного психического образа – растягивание его между двумя полюсами: восприятием самого себя субъектом (самоотражением) и восприятием внешнего мира. Это обусловлено усложнением среды обитания, а следовательно, всё более нелинейными связями между предметом потребности и самим субъектом, в силу чего последнему приходится учитывать всё больше различных аспектов и характеристик (как самого себя, так и внешнего мира).

Возникает своеобразный парадокс: с одной стороны, предмет потребности (как квинтэссенция внешнего мира в процессе деятельности) и сам субъект всё больше отдаляются друг от друга; с другой стороны, психика обязана обеспечивать конечный синтез этих двух элементов, выражающийся в достижении субъектом предмета своей потребности. Два полюса (самоотражение и отражение внешней среды) растягиваются, а субъект стремится их интегрировать, что выражается в развитии его аналитико-синтетических способностей. Впервые такие аналитико-синтетические способности возникали ещё в виде формирования перцептив-

ного образа (самого себя — своего тела — и внешней среды) как синтеза разрозненных ощущений. Позже на определённом этапе это привело к возникновению мышления, что в данном контексте представляет для нас особый интерес.

Мы выделили следующие этапы дезинтеграции самоотражения и отражения внешней среды как этапы усложнения психического образа.

1. Исходным является этап гомогенного единства самоотражения и отражения внешнего мира. Психический образ представляет единичное одномерное ощущение, равномерное «разлитое» по всему телу живого организма.
2. На следующем этапе всё ещё не происходит дифференциации восприятия самого себя от восприятия внешнего мира. Однако теперь психический образ состоит из отдельных разномерных ощущений, локализующихся в разных частях тела. Соответственно, первичным пространством для освоения и ориентации является пространство собственного тела живого организма. Поведенчески это проявляется следующим образом. Животное, изначально научившееся решать определённую задачу, т.е. учитывать соотношение характеристик собственного тела с характеристиками внешних объектов, в дальнейшем демонстрирует одинаковое поведение по перестройке навыка (совершает одинаковое число ошибок и затрачивает одинаковое количество времени) как в случае изменения характеристик внешних объектов, так и в случае изменения характеристик его тела. Иными словами, животное не различает восприятие себя самого и внешнего мира.
3. На следующем этапе с развитием дистантных сенсорных систем происходит дифференциация самоотражения и отражения внешнего мира. Часть физических характеристик животное субъективно связывает с собственным телом, а часть — с объектами внешнего мира.

При этом некоторые характеристики по-прежнему воспринимаются лишь в неразрывном единстве собственного тела и внешнего мира. Поведенчески это проявляется в способности животного переносить ранее приобретённый навык учёта определённых параметров собственного тела в новые изменённые условия окружающей среды.

4. С возникновением сознания происходит полная дифференциация самоотражения и отражения внешнего мира, выражающаяся в формировании Я-концепции и образа внешнего мира. Человек способен в своём представлении формировать любые ситуации своего события с внешними объектами или даже абстрагироваться от характеристик собственного тела.

Мы полагаем, что дальнейшее развитие исследований в рамках данного подхода позволит глубже понять процесс эволюции психики, а также разрешить ряд противоречивых вопросов — в первую очередь проблему происхождения психики и проблему происхождения сознания. Необходимо отметить, что выделенные четыре этапа в полной мере соответствуют четырём стадиям эволюции психики, классически выделяющимся в отечественной зоопсихологии [17].

В ходе эволюции психики мышление складывается в тот момент, когда психический образ становится достаточно дифференцированным и структурно сложным. О возникновении мышления (сообразно обозначенным выше критериям-признакам) необходимо говорить уже на третьем этапе. Наши исследования показывают, что эти признаки впервые отчетливо складываются у рептилий. Именно у пресмыкающихся мы впервые наблюдаем становление такого критерия мышления, как обобщение ранее приобретённого нового опыта как при естественных, так и при увеличенных границах тела. Заметим, что для рептилий задача реорганизации ранее сформированного навыка в связи с изменениями характе-

ристик внешней среды оказывалась проще той задачи, в которой необходимость реорганизации ранее сформированного навыка была вызвана изменением границ их тел.

Резонно предположить, что именно телесный опыт является фундаментом для эволюции сложных когнитивных процессов, в частности мышления. Последнее начинается развивается на основе обобщения животным опыта его оперирования собственным телом, которое в данном случае выступает в качестве не только первичного зонда [16], но и своеобразного протоорудия. Лишь в ходе дальнейшей прогрессивной эволюции животные оказываются способны обобщать информацию о внешних объектах в окружающей среде и использовать ее в процессе мыслительных операций. Это открывает новые перспективы для экспериментальных исследований предпосылок формирования мышления.

Основываясь на концепции воплощённого познания и онтологическом подходе, мы предполагаем, что в качестве будущих протоорудий и орудий выступают объекты, изначально препятствующие достижению поставленных животными целей (например, добычанию пищи или проникновению в укрытие). В ходе дальнейшей адаптации к проблемной ситуации животные начинают извлекать пользу из данных объектов, т.е. включать их в структуру своей деятельности в качестве средств достижения целей. Мы делаем акцент именно на препятствующем объекте по той причине, что на данном объекте животное вынуждено концентрирует своё внимание в ходе решения определённой задачи.



Рис. 1. Сцинк *Tiliqua gigas* с объектом, увеличивающим границы головы



Рис. 2. Tery *Salvator merianae* с объектом, увеличивающим границы головы

При таком взгляде в качестве потенциального протоорудия выступает изначально как само тело животного (так как оно также может являться препятствием в силу своих определённых характеристик, например, размера), так и любой объект, с которым данное животное взаимодействует в ходе своей локомоторной или манипулятивной активности. Соответственно, уместно искать предпосылки орудийной деятельности живот-



Рис. 3. Жаба *Bufo viridis* с объектом, увеличивающим границы тела

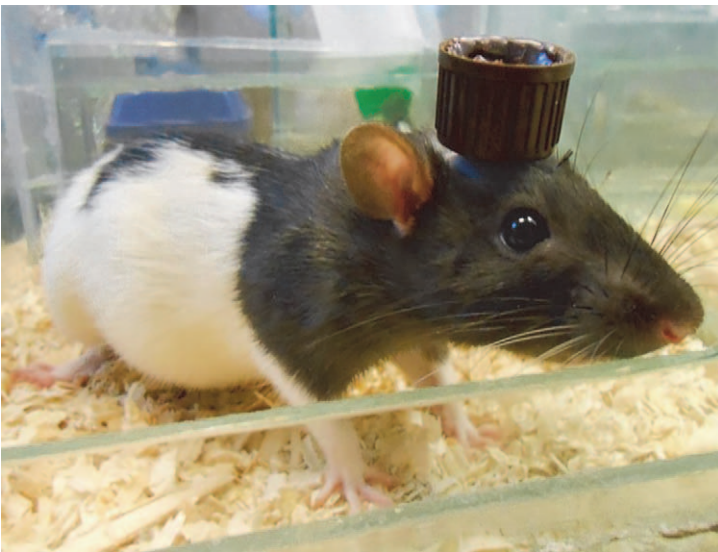


Рис. 4. Крыса *Rattus norvegicus* с объектом, увеличивающим границы головы

ного в структуре иных видов деятельности (например, деятельности по добычии пищи, проникновению в укрытие и т.п.), в ходе которых приходится тем или иным образом взаимодействовать с объектами внешней среды. Причём, вероятно, исходно будущие орудия являлись скорее препятствиями на пути к достижению животными целей их деятельности и лишь затем включались в эту деятельность в качестве полезных элементов. Да и само тело животного исходно

выступает в качестве первичного препятствия для решения той или иной проблемы. Затем животное начинает учитывать собственное тело и различные его физические параметры в качестве действующих элементов проблемной ситуации, превращая, таким образом, тело в протоорудие.

Относительно недавно исследователи начали уделять внимание феномену осознания своего тела (англ. «body-awareness») — способности животных учитывать отношения собственного тела с объектами окружающей среды и воспринимать своё тело как препятствие для решения различных задач. Существуют свидетельства того, как различные животные в естественных условиях учитывают своё тело целиком или отдельные его части при преодолении препятствий. В исследовании 2017 г. [18] азиатские слоны (*Elephas maximus*) должны были наступить на коврик и взять палку, прикреплённую к нему верёвкой, а затем передать эту палку экспериментатору. Чтобы сделать последнее, слоны должны были воспринять (осознать) своё тело в качестве препятствия на пути к успеху и сначала убрать свой вес с мата, прежде чем пытаться перенести палку. В ходе выполнения текста

слоны сходили с мата значительно чаще, чем в контрольной группе, где сходить с мата было не нужно.

Аналогичное исследование проводилось на детях 18–24 месяцев. Авторы применили целую батарею методик для изучения способности детей осознавать своё тело. Задача на выбор двери, в которой ребёнок должен был выбрать одно из двух отверстий (проницаемое и непроницаемое для его тела), чтобы добраться до родителя, находящегося по другую

сторону. Задача с коляской, в которой ребёнок должен был осознать, что его собственное тело, стоящее на одеяле, является препятствием для передвижения коляски, к оси которой данное одеяло было прикреплено. В третьей задаче ребёнку необходимо было сойти с коврика, для того чтобы передать его экспериментатору. В среднем дети разных возрастов совершали 2,5 ошибки в ходе решения данных задач [19].

Проводя исследования с 2004 г., мы изучали феномен *body-awareness* у различных видов животных [20]. Животные решали задачу на соотнесение границ собственного тела с размерами отверстий в экспериментальной установке для проникновения в определённый отсек. Независимыми переменными в экспериментах являлись: границы тела животного; границы объектов внешней среды – диаметр отверстий в экспериментальной установке. Границы тела животных увеличивались различными способами. У змей это достигалось путём скармливания им пищевых объектов (крыс различного возраста) [20]. У остальных животных это достигалось путём крепления на их тело различных инородных объектов с помощью: приклеивания (тараканы, сцинки – рис. 1, тегу – рис. 2), надевания попону (жабы – рис. 3), монтирования в череп (крысы – рис. 4) [20]. В ходе наших исследований животные приобретали навыки использования прикреплённых к их телу объектов в качестве зондов для измерения размера отверстий (определения и проницаемости или непроницаемости) в экспериментальных установках, т.е. применяли их в качестве

протоорудий. Результаты экспериментов показывают, что методика, применявшаяся нами для изучения феномена самоотражения, также является перспективной для исследования предпосылок протоорудийной и орудийной деятельности, позволяя выявить наиболее ранние формы данных феноменов.

На основе приведённого выше обзора современного состояния разработанности проблемы эволюции орудийной деятельности, а также с опорой на развиваемую автором концепцию «самоотражения животных и человека» мы формулируем следующие выводы, одновременно являющиеся методическими положениями для дальнейших исследований:

1. Первичным протоорудием животного является его собственное тело, которое он включает в структуру различных видов деятельности, устанавливая функциональные связи и антиципируя последствия контактов между частями своего тела и объектами окружающей среды.
2. Будущее протоорудие исходно выступает в качестве препятствия в деятельности животного, мешающего ему достичь желаемой цели. Позже животное интегрирует характеристики собственного тела в структуру представления проблемной ситуации, превращая собственное тело в протоорудие.
3. Мы предполагаем, что предпосылки будущей протоорудийной и орудийной деятельности могут быть выявлены как у видов теплокровных животных, у которых они ранее не обнаруживались, так и у рептилий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зорина З.А., Полетаева И.И. Элементарное мышление животных. М., 2002.
2. Beck B. Animal Tool Behaviour: The Use and Manufacture of Tools by Animals. Garland STPM Pub, 1980.
3. Shumaker R.W., Walkup K.R., Beck B.B. Animal Tool Behavior: The Use and Manufacture of Tools by Animals. Johns Hopkins University Press, Baltimore, 2011.

4. Boesch C., Boesch H. Tool use and tool making in wild chimpanzees // *Folia Primatol.* 1990. Vol. 54 (1–2). P. 86–99. DOI:10.1159/000156428.
5. Gross L. Wild gorillas handy with a stick // *PLoS Biology.* 2005. Vol. 3 (11): e385. DOI:10.1371/journal.pbio.0030385
6. Sanz C., Call J., Morgan D., Design complexity in termite-fishing tools of chimpanzees (*Pan troglodytes*) // *Animal behaviour.* 2009. Vol. 5 (3). <https://doi.org/10.1098/rsbl.2008.0786>.
7. Alfaro L., Silva J.S., Rylands A.B. How different are robust and gracile capuchin monkeys? an argument for the use of *Sapajus* and *Cebus* // *American Journal of Primatology.* 2012. Vol. 74 (4). P. 273–286. DOI:10.1002/ajp.222007.
8. Foerder P., Galloway M., Barthel T., Moore D.E. III, Reiss D. Insightful problem solving in an Asian elephant // *PLOS ONE.* 2011. Vol. 6 (8). e23251. DOI:10.1371/journal.pone.0023251.
9. Mann J.B., Sargeant B.L., Watson-Capps J.J., Gibson Q.A., Heithaus M.R., Connor R.C., Paterson E. Why do dolphins carry sponges? // *PLOS ONE.* 2008. Vol. 3. e3868. DOI:10.1371/journal.pone.0003868.
10. Jacobs I.F., von Bayern A., Osvath M.A. Novel tool-use mode in animals: New Caledonian crows insert tools to transport objects // *Animal Cognition.* 2016. Vol. 19 (6). P. 1249–1252. DOI:10.1007/s10071-016-1016-z.
11. Auersperg A.M.I., Szabo B., von Bayern A.M.P., Kacelnik A. Spontaneous innovation in tool manufacture and use in a Goffin's cockatoo // *Current Biology.* 2012. Vol. 22(21). R903–R904. DOI:10.1016/j.cub.2012.09.002.
12. Bonta. M.; Gosford R.; Eussen D., Ferguson N., Loveless E., Witwer M. Intentional Fire-Spreading by “Firehawk” Raptors in Northern Australia // *Journal of Ethnobiology.* 2017. Vol. 37 (4). P. 700–718. DOI:10.2993/0278-0771-37.4.700.
13. Bernardi G. The use of tools by wrasses (*Labridae*) // *Coral Reefs.* 2011. Vol. 31. P. 39. DOI:10.1007/s00338-011-0823-6.
14. Wilson M. Six Views of Embodied Cognition // *Psychonomic Bulletin & Review.* 2002. Vol. 9 (4). P. 625–636. DOI:10.3758/BF03196322.
15. Барабанщиков В.А. Восприятие и событие. СПб.: Питер, 2002.
16. Хватов И.А. Эволюция самоотражения животных и человека в контексте дифференционно-интеграционного подхода // *Дифференционно-интеграционная теория развития.* Кн. 2. / Сост. и ред. Н.И. Чуприкова, Е.В. Волкова. М.: Языки славянских культур, 2014. 343–360.
17. Филиппова Г.Г. Зоопсихология и сравнительная психология. М.: Академия, 2012.
18. Dale R., Plotnik J. M. Elephants know when their bodies are obstacles to success in a novel transfer task // *Scientific reports.* 2017. Vol. 7. P. 46309. DOI:10.1038/srep46309.
19. Brownell C.F., Zerwas S., Ramani G.B. “So Big”: The Development of Body Self-awareness in Toddlers // *Child Dev.* 2007. Vol. 78 (5). P. 1426–1440. DOI:10.1111/j.1467-8624.2007.01075.x.
20. Khvatov I.A., Sokolov A.Y., Kharitonov A.N. Snakes *Elaphe Radiata* May Acquire Awareness of Their Body Limits When Trying to Hide in a Shelter // *Behav. Sci.* 2019. Vol. 9. P. 67. <https://doi.org/10.3390/bs9070067>.

ENGLISH

Evolutionary Preconditions for the Use of Tools from the Perspective of Animal and Human Self-Reflection

Ivan Aleksandrovich Khvatov – Candidate of Science (Psychology), Head of Research and Education Center for Biopsychological Studies, Moscow Institute of Psychoanalysis, Head of the project “Evolutionary Preconditions for the Use of Tools by Vertebrates” (20-013-00546a).

E-mail: Ittkrot1@gmail.com

Currently, the subject of the use of tools by animals is avidly explored in comparative psychology and evolution psychology. It is believed that the use of tools, if determined by instincts, is an evidence of complex cognitive processes in the animal, in particular, thinking. The ability to use and make tools was discovered in primates, a number of mammals, birds and even invertebrates. However, the abovementioned animals show an already formed complex ability to use tools. Evolutionary preconditions and factors leading to emergence of the ability to use tools as a part of mental phylogenesis are understudied.

The author of the paper offers a novel approach to exploring the preconditions for the use of tools based on the concept of self-reflection of animals and human as well as embodied cognition. According to the approach developed, the proto-tool is the body of the animal, which physical characteristics initially serve as an obstacle in achieving the goal of various activities; only afterwards, the animal recognizes its body as an opportunity, a means of affecting the environment.

Keywords: self-reflection, mental evolution, embodied cognition, self-consciousness of the body, use of tools, animals

REFERENCES

1. Zorina Z.A., Poletaeva I.I. Elementarnoe myshlenie zhivotnykh. M., 2002 (in Russian).
2. Beck B. Animal Tool Behaviour: The Use and Manufacture of Tools by Animals. Garland STPM Pub., 1980.
3. Shumaker R.W., Walkup K.R., Beck B.B. Animal Tool Behavior: The Use and Manufacture of Tools by Animals. Johns Hopkins University Press, Baltimore, 2011.
4. Boesch C., Boesch H. Tool use and tool making in wild chimpanzees // Folia Primatol. 1990. Vol. 54 (1–2), P. 86–99. DOI:10.1159/000156428.
5. Gross L. Wild gorillas handy with a stick // PLoS Biology., 2005, Vol. 3 (11): e385. DOI:10.1371/journal.pbio.0030385.
6. Sanz C., Call J., Morgan D., Design complexity in termite-fishing tools of chimpanzees (Pan troglodytes) // Animal behaviour. 2009, Vol. 5 (3). <https://doi.org/10.1098/rsbl.2008.0786>.
7. Alfaro L., Silva J.S., Rylands A.B. How different are robust and gracile capuchin monkeys? an argument for the use of Sapajus and Cebus // American Journal of Primatology. 2012, Vol. 74 (4), P. 273–286. DOI:10.1002/ajp.222007.
8. Foerder P., Galloway M., Barthel T., Moore D.E. III, Reiss D. Insightful problem solving in an Asian elephant // PLOS ONE. 2011., Vol. 6 (8). e23251. DOI:10.1371/journal.pone.0023251.

9. Mann J.B., Sargeant B.L., Watson-Capps J.J., Gibson Q.A., Heithaus M.R., Connor R.C., Patterson E. Why do dolphins carry sponges? // PLOS ONE. 2008., Vol. 3. e3868. DOI:10.1371/journal.pone.0003868.
10. Jacobs I.F., von Bayern A., Osvath M.A. Novel tool-use mode in animals: New Caledonian crows insert tools to transport objects // Animal Cognition. 2016., Vol. 19 (6). P. 1249–1252. DOI:10.1007/s10071-016-1016-z.
11. Auersperg A.M.I., Szabo B., von Bayern A.M.P., Kacelnik A. Spontaneous innovation in tool manufacture and use in a Goffin's cockatoo // Current Biology. 2012., Vol. 22(21). R903–R904. DOI:10.1016/j.cub.2012.09.002.
12. Bonta. M.; Gosford R.; Eussen D., Ferguson N., Loveless E., Witwer M. Intentional Fire-Spreading by "Firehawk" Raptors in Northern Australia // Journal of Ethnobiology. 2017., Vol. 37 (4). P. 700–718. DOI:10.2993/0278-0771-37.4.700.
13. Bernardi G. The use of tools by wrasses (Labridae) // Coral Reefs. 2011., Vol. 31. P. 39. DOI:10.1007/s00338-011-0823-6.
14. Wilson M. Six Views of Embodied Cognition // Psychonomic Bulletin & Review. 2002., Vol. 9 (4). P. 625–636. DOI:10.3758/BF03196322.
15. Barabanshchikov V.A. Vospriyatie i sobytie. SPb.: Piter., 2002 (in Russian).
16. Khvatov I.A. Evolyutsiya samootrazheniya zhivotnykh i cheloveka v kontekste differentsionno-integratsionnogo podkhoda // Differentsionno-integratsionnaya teoriya razvitiya. Kn. 2. / Sost. i red. N.I. Chuprikova, E.V. Volkova. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2014. 343–360 (in Russian).
17. Filippova G.G. Zoopsikhologiya i sravnitel'naya psikhologiya. M.: Akademiya, 2012 (in Russian).
18. Dale R., Plotnik J. M. Elephants know when their bodies are obstacles to success in a novel transfer task // Scientific reports., 2017., Vol. 7., P. 46309. DOI:10.1038/srep46309.
19. Brownell C.F., Zerwas S., Ramani G.B. "So Big": The Development of Body Self-awareness in Toddlers // Child Dev., 2007. Vol. 78 (5). P. 1426–1440. DOI:10.1111/j.1467-8624.2007.01075.x.
20. Khvatov I.A., Sokolov A.Y., Kharitonov A.N. (2019). Snakes Elaphe Radiata May Acquire Awareness of Their Body Limits When Trying to Hide in a Shelter // Behav. Sci., 2019. Vol. 9., P. 67. <https://doi.org/10.3390/bs9070067>.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 902/904

ГРНТИ 03.41.91

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-100-03-147-158

П.С. УСПЕНСКИЙ,
З.Х.-М. АЛБЕГОВА (ЦАРИКАЕВА),
Н.Г. СВИРКИНА*

Археологические исследования в Даргавской котловине в контексте изучения населения Центрального Кавказа VIII–X веков

Статья посвящена результатам археологических изысканий на территории средневекового Даргавского могильника (VII – начала XIII в.), расположенного в горной зоне Республики Северная Осетия – Алания. В работе подведены основные итоги комплексных исследований двух катакомбных захоронений второй половины VIII–IX вв., рассматривается типология выявленного погребального сооружения, хронология захоронений, приводятся результаты антропологического анализа древних индивидов. Дается оценка значения Даргавского некрополя в системе древностей аланской средневековой культуры Центрального Кавказа.

Ключевые слова: Центральный Кавказ, Средневековье, аланская культура, комплексные исследования, катакомбное погребение

Одной из ярких археологических культур I – начала II тыс. н.э. на Северном Кавказе является аланская культура, характерной и важнейшей чертой которой считается ка-

такомбный обряд погребения. Вопрос об истоках формирования этого обряда и его этническом содержании до сих пор остаётся дискуссионным. Вместе с тем ареал распространения катакомб-

* **Успенский Павел Сергеевич** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН (ИА РАН), руководитель проекта «Население Центрального Кавказа VII–X вв. (по материалам погребальных памятников)» (18-09-40105, конкурс «История Евразии в материальных памятниках древности: традиции и современные подходы в археологических исследованиях» («Древности»)).

E-mail: uspenskiy07@mail.ru

Албегова (Царикаева) Зарина Хаджи-Муратовна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела полевых исследований ИА РАН, исполнитель того же проекта.

E-mail: albegova_zarina@rambler.ru

Свиркина Наталия Геннадьевна — младший научный сотрудник, ученый секретарь лаборатории контекстуальной антропологии ИА РАН, исполнитель того же проекта.

E-mail: svirkina.natalia@mail.ru

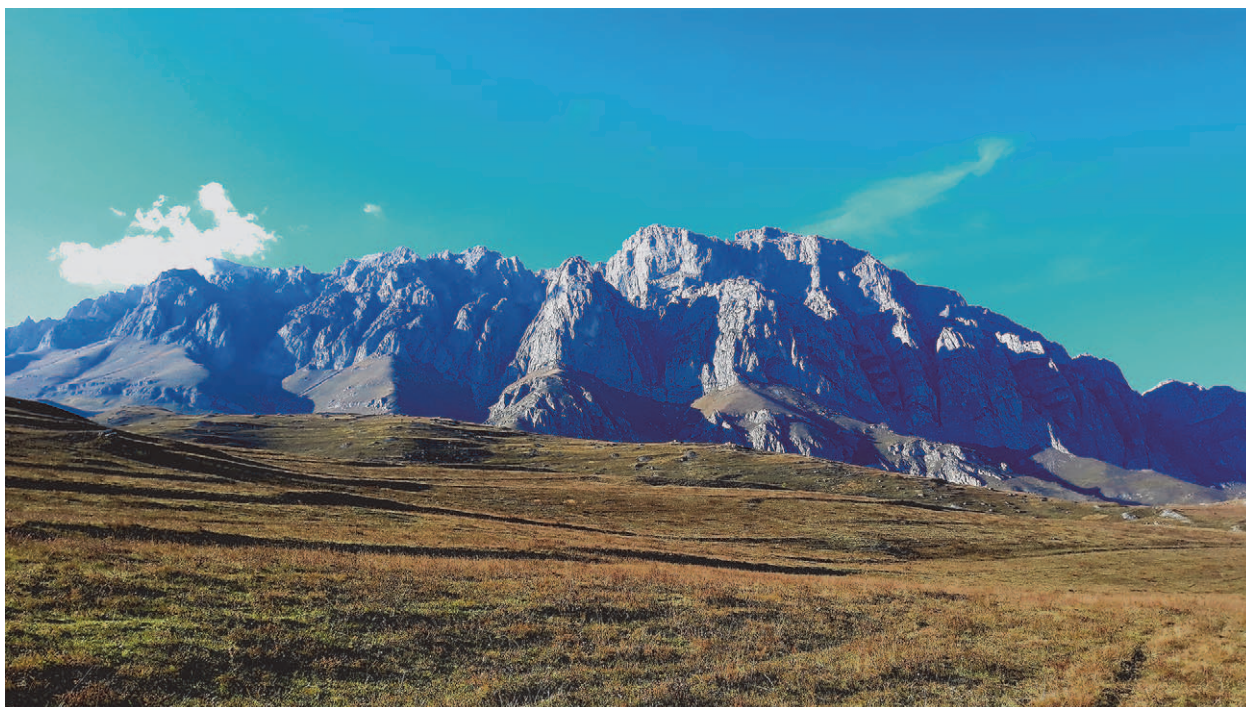


Рис. 1. Общий вид территории Даргавского катакомбного могильника

ных могильников в целом совпадает с территорией расселения аланских племён, известной по письменным источникам, что послужило основанием для наименования культуры. Носители аланской культуры играли важную роль в регионе вплоть до монголо-татарского нашествия и оставили после себя большое число археологических памятников, отражающих разные этапы эволюции их общества. Одним из интересных географически обособленных центров распространения аланской культуры являлся Центральный Кавказ. Расположение на его территории стратегически важных путей, соединявших юг современной России с Закавказьем и Передней Азией, наличие здесь месторождений металлов определяли важность геополитического положения этого региона и отражались на культурно-исторических и этногенетических процессах, протекавших в среде населения Центрального Кавказа в VII–XIII вв.

Несмотря на то, что за более чем вековую историю исследовано достаточное количество памятников аланской культуры средневекового периода, трудов, по-

свящённых разработке протяжённых хронологических шкал, в частности для аланской культуры Центрального Кавказа, пока нет. Материалы многих могильников известны только по неполным дореволюционным исследованиям или публикациям отдельных комплексов, случайных находок и коллекций. На сегодняшний день лишь несколько катакомбных могильников аланской культуры на территории Северной Осетии освещены достаточно полно и подробно: Дагомский, Даргавский, Тарский [5, 7, 11]. Подготовлена к печати монография, посвящённая одному из участков Змейского катакомбного могильника (Бакушев, Леонтьева, *в печати*).

Особое значение имеет Даргавский катакомбный могильник, открытый в 1993 г. Р.Г.Дзаттиаты [9, с. 161; 5]. Материалы Даргавского некрополя (более 100 исследованных катакомб, каменных ящиков, гробниц и конских погребений) охватывают значительный временной промежуток и позволяют проследить развитие аланской культуры в горной зоне в период с VII по рубеж XII–XIII вв. Данный период знаменует массовым продви-



Рис. 2. Полуподземные и надземные склепы на правом берегу р. Гизельдон.
Некрополь «Город мёртвых»

жением носителей аланской культуры в горы из предгорной и равнинной зон расселения [9, с. 160–161] и завершается с началом монгольского нашествия.

Длительный период бытования делает Даргавский могильник одним из опорных в изучении средневековых древностей Центрального Кавказа. Именно поэтому авторы настоящей статьи выбрали этот памятник для проведения комплексных археологических исследований в 2019 г.

В задачи исследования входили аэро-съемка территории памятника, раскопки катакомб, отбор проб и материалов для естественно-научных анализов с целью получения из погребальных комплексов максимально полной информации о хронологии, обряде погребения, антропологии, палеозоологии, палеоботанике.

Могильник располагается в горной части Республики Северная Осетия — Алания, к северу от с. Даргавс, на левом берегу р. Гизельдон и занимает пологие склоны отрога горы Тбаухох (рис. 1) [5, с. 4].

Древности Даргавской котловины привлекают к себе внимание исследователей с конца XIX в. Первое археологиче-

ское описание этой территории было составлено П.С. Уваровой. Следует отметить, что, помимо катакомбного могильника аланской культуры, в Даргавской котловине находится могильник с каменными ящиками, видимо, синхронный катакомбному (он был частично исследован П.С. Уваровой и Л.П. Семёновым). На территории самого Даргавского могильника Р.Г. Дзаттиаты также исследованы каменные ящики более позднего времени. Здесь же находятся отдельные склепы, а к востоку от могильника локализуется некрополь «Город мёртвых» (рис. 2), состоящий из полуподземных и надземных склепов XVI–XIX вв., исследованных В.Х. Тменовым [5, с. 6–7].

Для полевых работ 2019 г. выбрана центральная часть могильника, где был заложен раскоп размером 4×6 м. Перед началом и в ходе работ выполнялась аэрофотосъемка территории катакомбного могильника и раскопа при помощи квадрокоптера Phantom 3; сделано более 1000 снимков, которые в дальнейшем обрабатывались с помощью программы Agisoft Photoscan. В результате

проведённых работ получены фотографии планов раскопа и цифровая трёхмерная модель рельефа, на основе которой был создан высокоточный топографический план территории, занятой могильником (рис. 3).

Зачистка дна раскопа выявила пятна заполнения четырёх входных ям катакомб. Для исследования была выбрана яма, расположенная в ЮЗ секторе раскопа. Раскопки показали, что входная яма объединяла две катакомбы, одна из которых оказалась двухкамерной (№ 98), а вторая — однокамерной (№ 97) (рис. 4).

Камера катакомбы № 97 была овальной формы в плане, свод её не обрушен. В камере было исследовано одиночное захоронение предположительно молодой женщины (рис. 4, 5). Скелет грацильный, представлен длинными трубчатыми костями конечностей, сохранность костей плохая. Возрастных изменений костной ткани и патологий не обнаружено. Погребённая была уложена у дальней стенки камеры вытянуто на спине, головой на юг, влево от входа в камеру.

На скелете зафиксированы фрагменты кожаной и меховой верхней одежды,

головного убора, а также остатки обуви. У черепа обнаружены бронзовые серьги с привесками, на груди — два крупных бронзовых бубенчика, с внутренней стороны правой руки были расчищены фрагменты кожаного мешочка, рядом с которым лежал нож в бронзовых ножнах. Внутри мешочка выявлено большое скопление бус (около 70 шт.) из различных материалов (полудрагоценные камни, стекло, паста), а также подвеска, изготовленная из рога серны (рис. 6, 6–10, 12). Рядом, у пояса, был найден кожаный кисет с растительным содержимым неопределённого характера (рис. 6, 11). На пальцах погребённой расчищены бронзовые перстни (рис. 6, 3–5), а у правой кисти — колесовидный амулет (рис. 6, 2). В юго-восточной части погребальной камеры находились фрагменты деревянной шкатулки и бронзовое зеркало в кожаном футляре (рис. 6, 1).

Катакомба № 98 являлась двухкамерной, основная камера (№ 1) была сооружена в западной (торцовой) стенке, выше по склону, а вторая камера (№ 2) располагалась в боковой (южной) стенке входной ямы. На древней дневной поверхно-

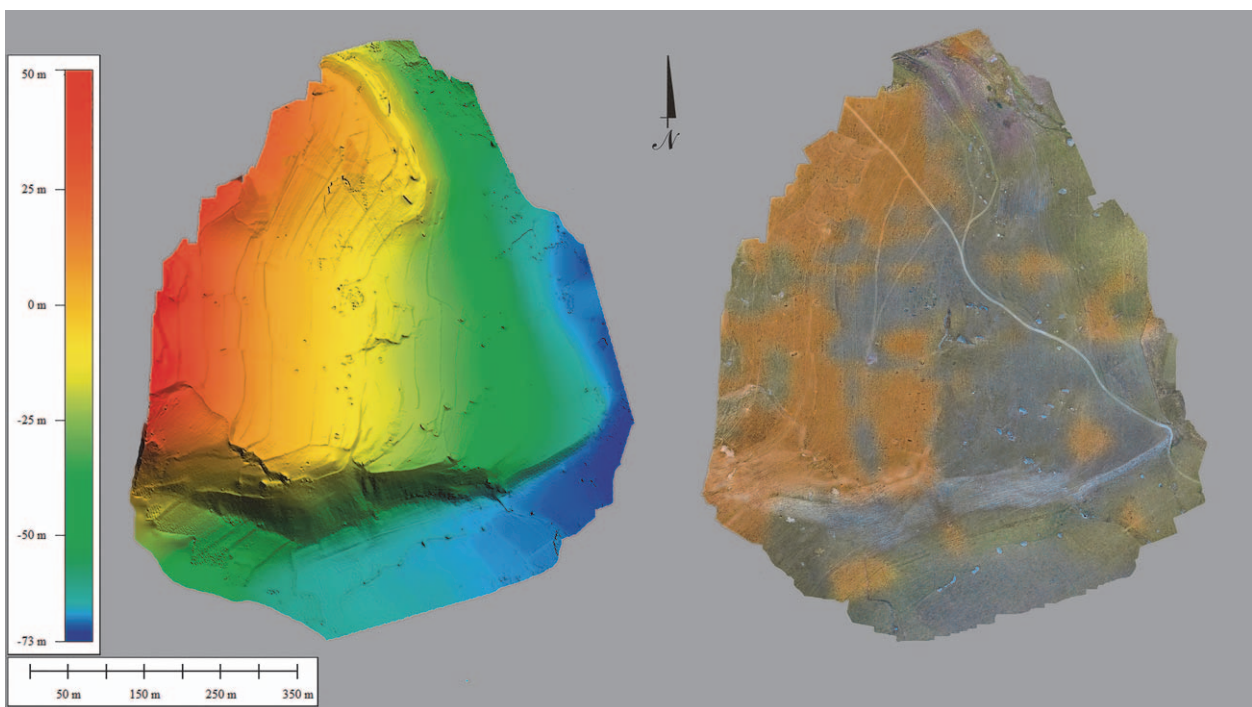


Рис. 3. Цифровая модель рельефа и ортофотоплан территории Даргавского катакомбного могильника



Рис. 4. Взаиморасположение катакомб № 97 и 98, исследованных в 2019 г.

сти, над лазом в камеру № 1 был зафиксирован небольшой развал из речных камней, вероятно, представляющий собой надгробие.

Камера № 1 была округлой в плане формы, её свод частично обрушился. В камере совершенно коллективное погребение, к сожалению, сохранность костей

не позволяет судить о позе погребённых; отметим лишь, что все они были ориентированы головами на юг, влево от входа в камеру (рис. 7, 1). В результате антропологического анализа костных останков установлено, что в камере находились останки минимум четырёх взрослых индивидов и одного ребёнка.



Рис. 5. Захоронение в камере катакомбы № 97, вид с востока

Останки индивида 1 представлены черепом и двумя первыми шейными позвонками, предположительно женщины. Характер стёртости зубов и сращения швов черепа погребённой позволяют предположить, что её биологический возраст составлял 35–49 лет. У индивида зафиксирована прижизненная утрата двух зубов, единичные зубы поражены кариесом (в двух случаях кариес повлёк к образованию гнойных воспалений – абсцесс). Поверхность коронок зубов стёрта неравномерно. Это, в первую очередь, связано с утратой части зубов. Преимущественно на резцах и клыках был зафиксирован зубной камень, а также выявлены признаки наличия у погребённой челюстной опухоли (остеомы). Пористая структура (*Cribra orbitalia*) на внутренней поверхности глазниц указывает на пережитые женщиной в юном возрасте обстоятельства, вызвавшие анемию (малокровие). Причины появления анемии раз-

нообразны, однако наиболее распространёнными из них являются несбалансированное питание (прежде всего, нехватка витаминов группы В и железа) и поражение организма паразитами, например гельминтами [2, с. 24–26; 3, с. 123–125; 10, с. 35–36]. В области надбровных дуг и надглазничного края черепа зафиксированы изменения костной ткани (васкулярная реакция по типу «апельсиновой корки»), что может рассматриваться как маркер стресса, связанного с регулярным пребыванием человека на открытом воздухе или с холодной погодой и повышенной влажностью [3, с. 104–105].

Индивид 2 представлен фрагментами нижней челюсти с зубами, принадлежавшей взрослому мужчине 25–39 лет. Стёртость зубных коронок равномерная, бугорки стёрты до дентина. Интересно слабое отложение зубного камня у погребённого, кариес зафиксирован только на одном зубе – левом нижнем первом моляре.



Рис. 6. Катакомба № 97. Погребальный инвентарь: 1 — зеркало белого металла; 2 — амулет колесовидный; 3–5 — перстни бронзовые; 6–10 — бусы и бисер; 11 — фрагмент кожаного кисета; 12 — подвеска из рога серны с бронзовой обоймой

Индивид 3 определён по нескольким разрозненным зубам, пол, возможно, женский, судя по размерам зубов, возраст до 30 лет.

Останки индивида 4 также представлены только разрозненными зубами. Пол погребённого установить не представляется возможным. Возраст индивида, судя по состоянию зубов, составляет 20–39 лет.

Индивид 5 (ребёнок) определён по фрагменту нижней челюсти и зубам (сохранились как молочные зубы, так и постоянные). На верхнем клыке в центральной части коронки зафиксирована деформация эмали зуба — линия эмалевой гипоплазии, которая формируется в возрасте 3–4,5 лет — вероятный возраст погребённого.

Из камеры происходили также разрозненные и фрагментированные кости посткраниального скелета, однако установить принадлежность к конкретному индивиду не представляется возможным.

В камере обнаружен разнообразный инвентарь (рис. 8), представленный железными ножами, многочисленными бусами, фрагментами бронзовых серёг, а также трапециевиднорамчатой пряжкой и бронзовой фибулой. Отдельно следует выделить находки бронзовой ложновитой гривны, а также железного двулезвийного топора и стеклянного стакана (рис. 8, 1, 2). Из-за плохой сохранности костей большинство находок невозможно отождествить с отдельными индивидами.

Боковая камера № 2 имела овальную форму, её длинная ось была ориентирована параллельно оси входной ямы, свод камеры частично рухнул. На дне камеры было расчищено коллективное погребение. Один из погребённых лежал в скорченном положении на спине, поза остальных индивидов точно не реконструируется. Головами погребённые были ориентированы на запад, вправо от входа в камеру.



Рис. 7. Катакомба № 98, камера № 1: 1 — общий вид захоронения в камере после расчистки, вид с востока; 2 — стакан стеклянный и топор железный in situ

В погребении зафиксированы останки четырёх индивидов: мужчины, женщины и двух детей.

Индивид 1¹ — взрослый мужчина 25–39 лет. Патологий не выявлено. Реконструированная длина тела около 158 см².

Индивид 2 — женщина 20–29 лет. Реконструированная длина тела погребённой около 144 см. Зафиксированы патологические особенности: пористое поражение передней части шейки бедра (*Cribrra femora*), следы образования новой костной ткани (периостальная реакция) на всех крупных трубчатых костях, вероятно, связанные с хроническим воспалительным процессом. На нижнем эпифизе плечевой кости женщины зафиксированы перфорация и частичное расщепление крестцового гребня, что обусловлено генетическими особенностями.

Индивид 3 — ребенок 3–7 лет, сохранился полный скелет с частичными разрушениями. Периостальная реакция зафиксирована на большинстве костей скелета, в особенности на краях метафизов длинных костей, что может быть вызвано хроническим воспалительным процессом.

Индивид 4 — младенец, возрастом до года. Патологические особенности установлены в виде периостальной реакции на костях скелета.

В камере обнаружены фрагменты железных ножей, железной пряжки, бронзовые бубенчики, фрагменты перстней, а также бусы.

В основе погребальных сооружений Даргавского могильника лежит Т-образная катакомба с перпендикулярным расположением длинных осей камеры и входной ямы. Определяющую роль в ориентировке катакомб играло направление склона. Как правило, катакомба врезалась камерой вверх по склону. Следует отметить, что такая закономерность характерна для всех катакомбных могильников Кавказа [8, с. 42–43]. В соответствии с направлением склона на Даргавском могильнике входные ямы исследованных катакомб были ориентированы в основном по линии запад-восток. Они имели трапециевидную форму, расширяясь у входа в основную камеру. Основной определяется камера, расположенная вверх по склону от входной ямы. В случае необходимости входные ямы вскрывались для подхороне-

¹ Номер индивидов в камере 2 соответствует номерам костяков, присвоенных в поле.

² Реконструкция проведена по формуле Тротер-Глейзер для европеоидов (1952, 1958).

ний или сооружения дополнительных камер с других сторон от входной ямы.

Из многочисленного погребального инвентаря, обнаруженного в изученных захоронениях, следует отметить бронзовую Т-образную фибулу с завитком на ножке и несильно прогнутой спинкой, найденную в камере № 1 катакомбы № 98 (см. рис. 8, 3). Подобные фибулы являлись наиболее распространёнными в захоронениях Даргавского могильника середины VIII – первой половины IX в. Их концентрация достаточно высока на территории Северной Осетии (могильники Кумбулта, Донифарс, Чми, Кобан, Дзивгис, Балта, Фаскау, Даргавс, Лац), отдельные экземпляры происходят из Ингушетии (могильник Гоуст, Джейраховское ущелье) и Чечни (Ассинское ущелье), Закавказья, Среднего Дона [1, с. 107–108].

Следует отметить находку стеклянного стакана-кубка (камера № 1, катакомба № 98), данный предмет указывает на нерядовой статус одного из погребённых индивидов и является предметом импорта (см. рис. 8, 2). Аналогичные стакан и топор происходят из изученной ранее катакомбы № 36 этого же могильника конца VIII – начала IX в. [6, с. 166]. Стаканы-кубки – как гладкие, так и покрытые сетчатым орнаментом – известны по материалам раскопок памятников Двина, где они датируются IX в. и, по мнению Р.М. Джанполадян, являются продуктами двинского стеклоделия [4, с. 28–29, рис. 6; 12, Pl 105, 1, 7].

К концу VIII – началу X в. относятся серьги с бусинными привесками, связанные с индивидом 1 из катакомбы № 98 (камера № 1), хронологически погребённым последним в обозначенном комплексе.

Камера № 2 той же катакомбы малоинвентарна, но, очевидно, достаточно хронологически близка камере № 1 (входная яма перед ней была прорезана более поздней катакомбой № 97). В целом датировка комплексов катакомбы № 98 определяется в пределах конца VIII – первой половины IX в.

Одинокое погребение в камере катакомбы № 97 является закрытым комплексом. Обнаруженные здесь предметы: серьги с привеской из нескольких шариков, колесовидный амулет с ушком, перстень с низким прямоугольным кастом и др. позволяют датировать захоронение IX в.

Исследованные погребальные сооружения по основным чертам обряда находят широкие аналогии в синхронных катакомбных погребениях Центрального Кавказа, в частности многокамерные катакомбы были выявлены в могильниках Архонском, Балте, Гоусте, Чми и др. Однако обращает на себя внимание то, что камеры обеих исследованных катакомб, судя по планиграфии, были сооружены с использованием одной входной ямы. Первичными являлись камеры катакомбы № 98. Раскопки показали, что лаз в основную камеру катакомбы (№ 1) маркировался на древней дневной поверхности речными камнями. Очевидно, что этот сохранившийся до сегодняшнего дня маркер был виден в древности на протяжении достаточно долгого времени. Многократные подхоронения свидетельствуют о том, что входная яма периодически вскрывалась и маркер выполнял свою функциональную нагрузку. Хронологический разрыв между катакомбами № 97 и 98 относительно небольшой, и это позволяет допустить, что катакомбы были сооружены с точным учётом местоположения друг друга. Более поздняя катакомба № 97 была впущена в дно входной ямы катакомбы № 98 таким образом, что они находились в одних границах, а камеры не нарушали друг друга. Эти факты позволяют предположить, что исследованные погребальные сооружения могли быть единым комплексом, являющимся многокамерной и многоуровневой катакомбой (см. рис. 4). Аналогов подобным сооружениям в синхронных могильниках пока не известно. Отмеченное на могильнике обилие многокамерных катакомб говорит о дефиците земель в Даргавской котловине.



Рис. 8. Катакомба № 98, камера № 1. Погребальный инвентарь: 1 — топор железный; 2 — стакан стеклянный; 3 — фибула бронзовая; 4 — пряжка биметаллическая; 5–18 бусы и бисер

В связи с этим следует обратить внимание на различные факторы стресса, выявленные на костях погребённых, а также ростовые значения индивидов, которые минимум на 10 см ниже средних значений индивидов из погребений Мамисондонского (конца VII – начала IX в.) и Бесланского (II – начала V в.) могильников. Низкий рост индивидов (по сравнению с синхронным и более ранним могильниками соседних территорий), следы патологических процессов, зафиксированные на скелетах погребённых, являются следствием неблагоприятных условий их жизни. Эти признаки могут указывать на несбалансированное питание, а также

высокую плотность населения, повлекшие за собой рост инфекционных заболеваний проживавших в котловине людей.

Проведённые комплексные исследования катакомб позволяют с достаточной уверенностью говорить о том, что во второй половине VIII – первой половине X в. Даргавская котловина была плотно заселена. Высокая численность людей сказывалась не только на их здоровье, но нашла отражение и в трансформации погребального обряда: наряду с традиционными однокамерными катакомбами получают более широкое распространение многокамерные, а возможно, и многоуровневые.

ЛИТЕРАТУРА

1. Албегова (Царикаева) З.Х., Успенский П.С., Фибулы Даргавского раннесредневекового катакомбного могильника аланской культуры (по материалам раскопок Р.Г. Дзаттиаты 1993–2009 гг.) // Скифо-аланское наследие Кавказа / Под ред. А.А. Туаллагова. Владикавказ: СОИГСИ ВЦ РАН, 2017. С. 87–114.

2. Бужилова А.П. Древнее население: палеопатологические аспекты исследования. Место издания: М.: ИА РАН, 1995.
3. Бужилова А.П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований / Под ред. А.П. Бужиловой, М.В. Козловской, М.Б. Медниковой, Г.В. Лебединской. М.: Старый Сад. 1998. С. 87–146.
4. Джанполадян Р.М. Новые данные о стеклоделии Двина // КСИА. 1969. Вып. 120. С. 28–31.
5. Дзаттиаты Р.Г. Аланские древности Даргавса. Владикавказ: Ир, 2014.
6. Дзаттиаты Р.Г., Успенский П.С. Катакомба хазарского времени из Даргавского могильника в Северной Осетии // Российская археология. 2016. № 2. С. 150–168.
7. Кантемиров Э.С., Дзаттиаты Р.Г. Тарский катакомбный могильник VIII–IX вв. н.э. // Аланы: история и культура. Alanica – III. Владикавказ, 1995. С. 259–314.
8. Коробов Д.С. Социальная организация алан Северного Кавказа IV–IX вв. СПб., 2003.
9. Кузнецов В.А. Иранизация и тюркизация центральнокавказского субрегиона // МИАР. 1997. № 1. С. 153–178.
10. Ражев Д.И. Факторы распространения поротического гиперостоза в средневековых группах Западной Сибири // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2016. № 1. С. 35–45.
11. Шестопалова Э.Ю. Древний Дагом. По материалам археологических раскопок Дагомского катакомбного могильника VI–VIII вв. Владикавказ, 2018.
12. Kalantarian A. Dvin histoire et archeologie de la ville medievale. Neuchatel: Recherches et publications, 1996.

ENGLISH

Archeological Studies in Dargavs Basin in the Context of Studying the Population of the Central Caucasus in the 8th–10th Centuries

Pavel Sergeevich Uspensky – Candidate of Science (History), Researcher at the Department of Archeological Heritage Preservation, Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences, Head of the project “Population of the Central Caucasus in the 8th–10th Centuries (based on the records with respect to the gravestones)” (18-09-40105).

E-mail: uspenskiy07@mail.ru

Zarina Khadzhi-Muratovna Albegova (Tsarikaeva) – Candidate of Science (History), Researcher at the Department of Field Studies, Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences, executor of the same project.

E-mail: albegova_zarina@rambler.ru

Nataliya Gennadievna Svirkina – Junior Researcher, Academic Secretary at the Laboratory of Contextual Anthropology, Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences, executor of the same project.

E-mail: svirkina.natalia@mail.ru

The paper is focused on the findings of archeological studies in the medieval Dargavs burial site (dated 7th – early 8th centuries), located in the mountain area of the Republic of North Ossetia (Alania). The paper summarizes general results of comprehensive studies of two catacomb burials dated the second half of the 8th – 9th century. The study investigates the type of the discovered burial construction, timeline of the burials. The results of the anthropological analysis of ancient people and evaluation of the significance of the Dargavs necropolis in the system of antiquities of Alanian medieval culture of the Central Caucasus are given in the paper.

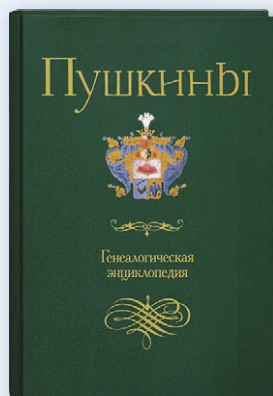
Keywords: Central Caucasus, Middle Ages, Alanian Culture, comprehensive study, catacomb burial

REFERENCES

1. Albegova (Tsarikaeva) Z.Kh., Uspenskiy P.S., Fibuly Dargavsskogo rannesrednevekovogo katakombnogo mogil'nika alanskoj kul'tury (po materialam raskopok R.G. Dzattiaty 1993–2009 gg.) // Skifo-alanskoe nasledie Kavkaza / Pod red. A.A. Tuallagova. Vladikavkaz: SOIGSI VNTS RAN, 2017. S. 87–114 (in Russian).
2. Buzhilova A.P. Drevnee naselenie: paleopatologicheskie aspekty issledovaniya. Mesto izdaniya: M.: IA RAN, 1995 (in Russian).
3. Buzhilova A.P. Paleopatologiya v bioarkheologicheskikh rekonstruktsiyakh // Istoricheskaya ekologiya cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovaniy / Pod red. A.P. Buzhilovoy, M.V. Kozlovskoy, M.B. Mednikovoy, G.V. Lebedinskoy. M.: Staryy Sad. 1998. S. 87–146 (in Russian).
4. Dzhanpoladyan R.M. Novye dannye o steklodelii Dvina // KSIA. 1969. Vyp. 120. S. 28–31 (in Russian).
5. Dzattiaty R.G. Alanskie drevnosti Dargavsa. Vladikavkaz: Ir, 2014 (in Russian).
6. Dzattiaty R.G., Uspenskiy P.S. Katakomba khazarskogo vremeni iz Dargavsskogo mogil'nika v Severnoy Osetii // Rossiyskaya arkheologiya. 2016. № 2. S. 150–168 (in Russian).
7. Kantemirov E.S., Dzattiaty R.G. Tarskiy katakombnyy mogil'nik VIII–IX vv. n.e. // Alany: istoriya i kul'tura. Alanica – III. Vladikavkaz, 1995. S. 259–314 (in Russian).
8. Korobov D.S. Sotsial'naya organizatsiya alan Severnogo Kavkaza IV–IX vv. SPb., 2003 (in Russian).
9. Kuznetsov V.A. Iranizatsiya i tyurkizatsiya tsentral'nokavkazskogo subregiona // MIAR. 1997. № 1. S. 153–178 (in Russian).
10. Razhev D.I. Faktory rasprostraneniya poroticheskogo giperostoza v srednevekovykh gruppakh Zapadnoy Sibiri // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23: Antropologiya. 2016. № 1. S. 35–45.
11. Shestopalova E.Yu. Drevniy Dagom. Po materialam arkheologicheskikh raskopok Dagomskogo katakombnogo mogil'nika VI–VIII vv. Vladikavkaz, 2018 (in Russian).
12. Kalantarian A. Dvin histoire et archeologie de la ville medievale. Neuchatel: Recherches et publications, 1996.

МИР КНИГИ РФФИ

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-100-03-159-161



Л.Г. БЕРЕЗОВАЯ*

**Пушкины:
Генеалогическая энциклопедия /
Отв. ред. О.Н. Наумов.
М.: Политическая энциклопедия,
2020. — 592 с.: ил.****

Ключевые слова: Энциклопедический уровень, родословная, генеалогия, генеалогическое древо

Слова Аполлона Григорьева «Пушкин — наше всё» имеют отношение не только к роли самого А.С.Пушкина в русской истории и культуре. Весь род Пушкиных пронизывает русскую историю в течение чуть ли не восьми веков. Разделившись на московскую, костромскую, новгородскую ветви, люди с фамилией Пушкин представляли самые разные социальные слои России. Их участие отмечено во всех значимых событиях русской истории: Семилетней, Северной, Отечественной 1812 г., Крымской, Первой и Второй мировых войнах, в решительных политических и социальных переворотах. Фамилия Пушкиных звучала в окружении Ивана Грозного, Бориса Годунова, Петра I и Екатерины II, российских императоров XIX в. Пушкины ока-

зались не только на всём пространстве России от Петербурга до Владивостока, но и во многих странах Европы, даже в далёкой Канаде.

Необходимость составления генеалогии рода Пушкиных на энциклопедическом уровне назрела давно. После работ С.Б.Веселовского, Б.Л.Модзалевского, Н.Ф.Иконникова, многих других российских пушкиноведов стало возможно создание по-настоящему энциклопедического труда. Видные российские историки, специалисты в области русской интеллектуальной, политической и культурной истории в союзе со знатоками генеалогии предприняли эту работу, которая оказалась весьма успешной. В энциклопедию включены даже такие представители Пушкиных, принадлеж-

* **Березовая Лидия Григорьевна** — доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета.
E-mail: lgber@yandex.ru

**Проект 19-19-00127д.

ность которых к роду является спорной, что указано в соответствующих статьях. Во всех статьях энциклопедии реализован своего рода «поэтоцентризм», поскольку все упоминающиеся персоны определяются их отношением к главному герою. Информационная составляющая энциклопедии может быть оценена как исчерпывающая. Сделано множество уточнений в датах, информация дополнена визуальным рядом (фотографии, живописные портреты, рисунки, иллюстрации). В генеалогии пушкинского рода сделан самый всеобъемлющий шаг её научного изучения. Можно сказать, что это издание является итоговым в данной тематике.

Энциклопедический жанр научного творчества требует виртуозной исследовательской техники как от авторов отдельных статей, так — даже в ещё большей степени — от составителей энциклопедии. Достигнуть полноты исследования непросто, но ещё труднее и важнее — достичь его цельности. Энциклопедическая мозаичность должна иметь достаточное количество уровней, чтобы получилась объёмная модель предмета и объекта исследования. Историко-культурная информация энциклопедического издания должна дать не только картину личности в истории, но и понимание истории через личностное зеркало. Виды и жанры статей в представленном издании позволяют создать цельную историко-личностную модель. Первый уровень — это собственно биографические статьи, героями которых стали более пятисот личностей, так или иначе принадлежавших к семейству Пушкиных. Второй уровень — географический, охватывающий все места России, где жили и действовали представители рода. Третий уровень — социально-политический, который вовлекает в исследование все области деятельности, звания, должности и достижения представленных персонажей. В целом был реализован социогенеалогический подход, который позволяет получить объёмную

историческую картину через совокупность личностей.

Исследование велось по одному из фундаментальных принципов генеалогии, которому отдаёт предпочтение главный специалист в этой области — О.Н.Наумов. Это поколенческий принцип, который предполагает роспись личностей по поколениям, по нисходящей от основателя рода. В результате получена исчерпывающая поколенная роспись, которая охватывает 27 поколений за восемь веков. Своего рода инструкцией к использованию представленной поколенной росписи является соответствующая статья (с. 278–280) в тексте энциклопедии, написанная О.Н.Наумовым. Однако составители и авторы проявили исследовательскую гибкость, введя в тексты статей информацию на основе и другого принципа генеалогии — принадлежности к той или иной ветви рода. На с. 413 приведён рисунок «родового древа» XVIII в. Как справедливо отметили авторы энциклопедии, поколенный подход не исключает выделение ветвей рода. Дополнение поколенной росписи в конце энциклопедии графическим изображением ветвей рода Пушкиных, думается, только украсило бы издание. Разумеется, никакая графика не может охватить 27 поколений. Однако представляется вполне возможным графическое выделение основных ветвей (московской, костромской, новгородской) или изображение «древа» московских Пушкиных за XVIII–XX вв., к которой принадлежал и основополагающий персонаж энциклопедии — А.С.Пушкин.

Следует признать новаторским и удачным включение в энциклопедию исследовательской статьи В.Л.Листова, которая посвящена генеалогическим мотивам в творчестве главного героя энциклопедии — А.С.Пушкина. Известно, какой живой интерес проявлял сам поэт к истории своего рода и всего российского дворянства. Стихотворение 1830 г. «Моя родословная», в котором А.С.Пушкин позиционирует себя как «родов дряхле-

ющих обломков», наполнено гордостью родового, древнего дворянства («крови спесь»), не боявшихся спорить с «властелинами», в противовес современной ему знати «нового рождения». Порадуемся за Александра Сергеевича: спустя почти 200 лет сбылась его мечта — составлена полная родословная рода Пушкиных. Хотя довольно смелые допущения и исторические аналогии в статье В.Л.Листова могут вызвать желание дискутировать с автором, данное обстоятельство лишь усиливает актуальность издания. В полемику включается и сам А.С.Пушкин своим неприятием любых окаменелых правил по формуле «затем, что ветру и орлу, и сердцу девы нет закона». Выстраиваемые исследователями схемы воззрений поэта всегда наталкивались на многогранность и энциклопедизм его духовного мира, в котором единственно непоколебимым был постулат «свобода и достоинство личности».

Думается, что ещё более полезным новаторством было бы вынесение в начало или в заключение энциклопедии статьи О.Н.Наумова по истории изучения рода Пушкиных. В составе энциклопедии имеется обстоятельная статья О.Н.Наумова «Историография Пушкиных» (с. 147–149), касающаяся истории изучения данного

предмета, начиная с XVIII–XIX вв., а также статьи того же автора о вкладе в пушкиноведение С.Б.Веселовского, Б.Л.Модзалевского, Н.Ф.Иконникова и др. Отдельное представление историографии заявленной проблемы в виде вводной или заключительной статьи дополнительно подняло бы на научную основу весь энциклопедический материал.

Разрозненное представление историографических статей (о С.Б.Веселовском, В.К.Лукомском, Б.Л.Модзалевском и др.) несколько маскирует ещё один важный уровень этого энциклопедического исследования — историографический. В известной мере это обстоятельство компенсирует прекрасная вступительная статья В.В.Журавлёва, в которой дан не только краткий обзор историографии проблемы, но — что ещё более важно — раскрыто отношение самого А.С.Пушкина к родовой истории, а на этом материале — и удивительное чувство русской истории у поэта. Анализ историографии пушкинской генеалогии и высокая научная ценность представленной работы позволили В.В.Журавлёву обоснованно заключить, что данное издание «не имеет аналогов в отечественной и зарубежной энциклопедической литературе». Полностью согласны с этой оценкой.

ENGLISH

**The Pushkins: a genealogic encyclopedia / ed.-in-chief O.N., Naumov.
Moscow: Politicheskaya Entsiklopedia, 2020. — 592 p.: illustrated**

Lidiya Grigoryevna Berezovaya — Doctor of History, Professor at Russian State University for the Humanities.

E-mail: lgber@yandex.ru

Keywords: encyclopedic level, ancestry, genealogy, genealogic tree



А.В. ПИГИН*

Юхименко Е.М. 25 лет эпистолярного общения И.Н. Заволоко и М.И. Чуванова (1959–1983). М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. — 264 с.: ил. — (Studia historica)**

Ключевые слова: личная переписка, И.Н. Заволоко, М.И. Чуванов, старообрядчество, Преображенская и Гребенщиковская общины, «Старообрядческий церковный календарь», библиофильство

В издании публикуется личная переписка двух крупнейших деятелей староверия XX в. Ивана Никифоровича Заволоко (1897–1984) и Михаила Ивановича Чуванова (1890–1988) — библиофилов, знатоков древнерусской и старообрядческой книжности и искусства. Оба они принадлежали к одному старообрядческому согласию — федосеевскому. И.Н. Заволоко после возвращения из сибирской ссылки (в конце 1950-х гг.) проживал в Риге, был тесно связан с Рижской Гребенщиковской общиной; М.И. Чуванов более двадцати лет (1967–1988 гг.) являлся председателем Преображенской общины в Москве. Переписка включает 143 письма и охватывает период в четверть века (1959–1983). В приложении опубликованы ещё четыре письма — из переписки И.Н. Заволоко с М.С. Сергеевым (председателем Преображенской федосеевской общины в 1929–1967 гг.), Н.А. Павлович (поэтом и переводчиком) и И.В. Давыдовым

(наставником Самарской (Куйбышевской) федосеевской общины). Письма подготовлены к печати по автографам, которые хранятся ныне в архивах Митрополии Русской Православной Старообрядческой Церкви, Рижской Гребенщиковской старообрядческой общины и в Древлехранилище Пушкинского Дома (Санкт-Петербург).

Весь этот обширный эпистолярный корпус сопровождается подробным реальным комментарием и вводится в научный оборот впервые. Большую ценность изданию придают иллюстрации, на которых помимо самих И.Н. Заволоко и М.И. Чуванова представлены портреты других старообрядческих деятелей, изображения исторических зданий и предметов, имеющих отношения к авторам переписки. Книга снабжена указателем имён и списком иллюстраций.

В предисловии Е.М. Юхименко дана исчерпывающе полный анализ публикуемой переписки. Она выделила несколь-

* **Пигин Александр Валерьевич** — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.
E-mail: av-pigin@yandex.ru

** Проект 19-112-00060д.

ко ключевых тем, которые обсуждаются в письмах И.Н. Заволоко и М.И. Чуванова: старообрядческие вопросы – и среди них в первую очередь отношение к Собору Русской Православной Церкви 1971 г., снявшего клятвы на старые обряды; подготовка к изданию «Старообрядческого церковного календаря»; собирательство рукописных и старопечатных книг; взаимоотношения с представителями академической науки. Большое, хотя и не первостепенное, внимание корреспонденты уделяют и состоянию здоровья (оба в преклонном возрасте стали терять зрение; И.Н. Заволоко вернулся из сибирской ссылки без ноги, ходил на костылях).

Ценность эпистолярных текстов заключается, прежде всего, в том, что они помогают понять внутренний мир авторов. Из двух участников переписки личность И.Н. Заволоко раскрывается полнее и ярче. Самых писем И.Н. Заволоко сохранилось гораздо больше (из 143 писем и открыток 117 принадлежат его перу). Среди прочего он рассказывает собеседнику о своей семье (о взаимоотношениях с сестрой и сыном племянницы), его письма часто носят философский и исповедальный характер. М.И. Чуванов более лаконичен, редко выходит за рамки деловых вопросов, но при этом в каждом его письме чувствуется безграничное уважение к адресату.

Опубликованные письма проливают свет на отношение деятелей староверия к историческому решению Русской Православной церкви об отмене клятв на старые обряды (решение было принято на Поместном соборе РПЦ в 1971 г.). И.Н. Заволоко, как и большинство членов Рижской Гребенщиковской общины, занимал в этом вопросе консервативную позицию. Клятвы Собора 1666/1667 г., как писал он М.И. Чуванову, «были незаконны, и нам они не страшны», «незаконная клятва падает на голову совершающих клятву» (с. 107). В соборных решениях И.Н. Заволоко усматривал опасность утраты старообрядчеством своей самостоятельности и самобытности. Объеди-

нение старообрядцев с новообрядцами он воспринимал как неверный шаг на пути к возрождению обновленческой церкви 1920-х гг. и к экуменизму (окончательному слиянию церквей) – для него этот шаг был неприемлем. При этом разрушительные признаки «обмирщения», «модернизации», «нового пути» И.Н. Заволоко наблюдал и в самом старообрядчестве, в том числе и в издательской политике «Старообрядческого церковного календаря» в 1970-е гг., одним из активных авторов которого он был в течение долгих лет.

В письмах И.Н. Заволоко отчетливо проступает весьма критический взгляд на современное состояние старообрядчества и общества в целом. Очевидно, что писательская деятельность И.Н. Заволоко, его работа в редколлегии «Календаря...» имела прежде всего просветительский смысл, была нацелена на сохранение традиций в старообрядчестве. «А я был и остался традиционалистом. Дерево не растёт без корня» (с. 198), – так сам И.Н. Заволоко определял свою принципиальную позицию в этих вопросах.

Редкое письмо И.Н. Заволоко и М.И. Чуванова не содержит какой-либо информации о книгах и рукописях, которые являлись для обоих и предметом собирательства, и источниками для изучения истории, культуры Древней Руси и старообрядчества. В письмах упоминаются десятки произведений, входивших в их круг чтения и являвшихся важным подспорьем в научных разысканиях: «Просветитель» Иосифа Волоцкого, выговские «Поморские ответы», «Пандекты» С.С. Гнусина, публикации о Н.К. Рерихе, сочинения Н.С. Лескова, Ф.М. Достоевского, Н.А. Бердяева, С.Р. Минцлова, Юрия Галича (Ю.И. Гончаренко), альбомы по древнерусскому искусству, редкие журналы, каталоги рукописей и книжных знаков и многое другое. В письмах обсуждается подготовка к изданию «Старообрядческого церковного календаря»: И.Н. Заволоко писал для него раздел «Памятные даты», побуждал своего адресата к сотрудничеству, в частности

к публикации в «Календаре...» материалов по истории Преображенского кладбища.

Исследователей русской книжности заинтересует в издании информация о собирательской деятельности И.Н. Заволоко и М.И. Чуванова, о судьбе их книжных коллекций. Они были, как известно, владельцами крупных библиотек, оказывали друг другу помощь в поиске и приобретении интересовавших их рукописей и книг. И.Н. Заволоко неоднократно предпринимал археографические поездки в Латгалию и Причудье, иногда – совместно с учёными Пушкинского Дома, с которыми, особенно с В.И. Малышевым, у него установились тесная связь и дружба. Письма И.Н. Заволоко 1960-х – 1970-х гг. содержат интересные новые сведения о хорошо известном в науке факте – о выдающейся находке И.Н. Заволоко Пустозерского сборника с автографами Житий протопопа Аввакума и инока Епифания и о дальнейшей судьбе этой рукописи. 20 марта 1968 г. И.Н. Заволоко безвозмездно передал этот сборник в Древлехранилище Пушкинского Дома. В.И. Малышев в статье к 75-летию И.Н. Заволоко написал следующее: «Имея небольшую пенсию, он (Заволоко. – А.П.) в то же время подарил Пушкинскому дому Пустозерский сборник, превосходно понимая, какую ценность он держал в руках. И в других архивохранилищах страны имеются ценные рукописные книги, переданные безвозмездно собирателем» [1, с. 462].

Добавим, что у И.Н. Заволоко была возможность «уступить» (продать) сборник М.И. Чуванову, о чём последний просил своего адресата в одном из писем (с. 87), однако владелец сборника принял другое решение. В письмах 1970-х гг. раскрываются обстоятельства подготовки к изданию Пустозерского сборника под редакцией В.И. Малышева (книга вышла в 1975 г.) [2]. И.Н. Заволоко не всё удовлетворяло в этом издании: вводная статья, о написании которой его просил В.И. Малышев, была опубликована в значительно сокращённом виде, были сняты некоторые

фотографии, уменьшен тираж книги. Сильно огорчили И.Н. Заволоко использование в издании слова «раскольник» и неловкое определение мировоззрения протопопа Аввакума как «еретичества». Тем не менее И.Н. Заволоко, убеждённый в нравственной силе науки и в благих побуждениях исследователей старообрядчества, продолжал своё тесное сотрудничество с учёными, с Пушкинским Домом. С 1974 г. он начал передавать древнерусские и старообрядческие рукописи в Древлехранилище Пушкинского Дома, где теперь хранится его именная коллекция.

У М.И. Чуванова – москвичка, председателя Преображенской федосеевской общины – несомненно, было гораздо больше возможностей для собирания рукописей и книг, чем у скромного «рижского пенсионера». При этом очевидно, что и для него главная цель собирательства заключалась в сохранении и изучении старообрядческой и в целом русской национальной культуры. Вероятно, прежде всего этим и объясняется желание М.И. Чуванова иметь печатные каталоги своих собраний рукописных и старопечатных книг, о чём он сообщал в письмах к И.Н. Заволоко. Выбор государственного учреждения (Пушкинский Дом, Библиотека им. Ленина, БАН и др.) для передачи своих коллекций он ставил в прямую зависимость от того, какое из них возьмётся за составление и издание каталогов (с. 168).

Переписка И.Н. Заволоко и М.И. Чуванова убеждает, таким образом, в том, что глубокая укоренённость в книжной традиции, словесности, библиофильстве была и остаётся важнейшей культурной доминантой старообрядчества на протяжении всей его истории.

В письмах И.Н. Заволоко обращает на себя внимание также широкая география его путешествий. Инвалид, передвигавшийся на костылях, он побывал во многих местах: в Новосибирске, Владивостоке, Суздале, Латгалии и Причудье и т.д. Он регулярно посещал Москву для работы в библиотеках, Ленинград – для участия

в научных заседаниях Пушкинского Дома, сообщал М.И. Чуванову о своём желании посетить остров Кизи и Феропонтов монастырь (с. 114). В поздних письмах появляются жалобы на плохое здоровье, не позволяющее уже совершать дальние поездки («Ходить стало трудно. В иные дни даже из дому не могу выйти. <...> А так надо бы побывать в Москве!», с. 141). Впрочем, все жизненные невзгоды И.Н. Заволоко встречал с истинно христианским смирением. «Слава Богу за всё!» — эта цитата из писем И.Н. Заволоко, удачно использованная Е.М. Юхименко в названии вводной статьи, как нельзя лучше передаёт суть его отношения к жизни.

Отдельно следует отметить высокое качество составленных Е.М. Юхименко ком-

ментариев к текстам. Издателем установлены все источники цитат, даны биографические справки об упомянутых в переписке лицах (что для людей советской эпохи сделать подчас крайне сложно), приведены сведения о событиях древней и новой истории, о которых идёт речь в письмах, и т.д. Некоторые комментарии представляют собой самостоятельные исследования того или иного вопроса (см., например, примечание № 106 о двух подлинных рукописях «Поморских ответов»).

Нет сомнений, что книга будет с благодарностью принята исследователями старообрядчества и широким кругом читателей, интересующихся отечественной историей и культурой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малышев В.И. Иван Никифорович Заволоко (К 75-летию со дня рождения) // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1972. Т. 27. С. 461–462.
2. Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания / Изд. подгот. Н.С. Демкова, Н.Ф. Дробленкова, Л.И. Сазонова; Отв. ред. В.И. Малышев. Л., 1975.

ENGLISH

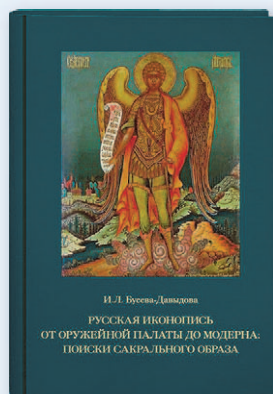
Yukhimenko, E.M., 25 years of epistolary communication between Ivan Zavoloko and Mikhail Chuvanov (1959–1983). Moscow: LRC Publishing House, 2019. — 264 p.: illustrated — (Studia historica)

Aleksandr Valerievich Pigin — Doctor of Philology, Leading Researcher at the Institute of Language, Literature and History, Karelian Science Center, Russian Academy of Sciences.
E-mail: av-pigin@yandex.ru

Keywords: private correspondence, Ivan Zavoloko, Mikhail Chuvanov, Old Belief, Preobrazhenskoye old believers' community and Grebenstchikov old believers' community, "Old Belief Church Calendar", bibliophilism

REFERENCES

1. Malyshev V.I. Ivan Nikiforovich Zavoloko (K 75-letiyu so dnya rozhdeniya) // Trudy Otdela drevnerusskoy literatury. L., 1972. T. 27. S. 461–462 (in Russian).
2. Pustozerskiy sbornik. Avtografy sochineniy Avvakuma i Epifaniya / Izd. podgot. N.S. Demkova, N.F. Droblenkova, L.I. Sazonova; Otv. red. V.I. Malyshev. L., 1975 (in Russian).



Ж.Г. БЕЛИК*

Бусева-Давыдова И.Л. Русская иконопись от Оружейной палаты до модерна: поиски сакрального образа. М.: БуксМАрт, 2019. — 476 с.: ил.**

Ключевые слова: русская икона, иконопись, сакральный образ, Оружейная палата, модерн, монументальное искусство, церковное искусство, древнерусское искусство, иконография, иконописец

Монография известного специалиста по русской иконописи Нового времени доктора искусствоведения Ирины Леонидовны Бусевой-Давыдовой посвящена изучению церковного искусства Нового времени. Несмотря на обилие научных статей, диссертаций, альбомов и выставочных проектов, монографическое исследование церковного искусства Нового времени в едином контексте предпринимается в науке впервые. На фоне активного интереса к указанной проблеме очевидна актуальность и своевременность публикации данной монографии, показывающей практически все возможные течения и направления в церковном искусстве — от ведущих художников академического направления до народной иконы. Таким образом, отдельные художественные явления и процессы находят своё место в целостной картине русского иконописания.

Ирина Леонидовна во многом новаторски подошла к постановке и разрешению исследовательских задач: огромный разнородный корпус произведений церковного искусства она рассматривает в сопоставлении с каноническим учением Русской Православной Церкви о сакральном образе. В таком контексте русская икона анализируется в науке впервые, что определяет научную новизну и актуальность книги. Фундаментальное издание построено на тщательном изучении огромного пласта источников и научной литературы, в том числе вышедшей за последнее десятилетие. Хронологически работа строится по периодам царствования. Постепенно переходя от времени правления одного монарха к другому, автор проводит максимально полный анализ постановлений Церкви, указов Синода, других нормативных актов и документов, касающихся вопросов иконописания, включает

* **Белик Жанна Григорьевна** — кандидат искусствоведения, начальник отдела экспертизы и искусствоведческих заключений Центрального Музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублёва. E-mail: zhanna_belik@mail.ru

**Проект 19-112-00032д.

в анализ основные полемические произведения, рассуждающие о свойствах истинного образа. В каждом из представленных мнений выделены суть, развитие и специфика.

И.Л.Бусева-Давыдова затрагивает множество интересных аспектов, расширяющих теоретическую и прикладную базу искусствоведения. В первой главе автор через сопоставление представлений об иконе в трудах раннехристианских богословов описывает постепенное формирование целостной системы учения о сакральном образе, сформулированное и закреплённое законодательно на VII Вселенском соборе (787 г.). Глава завершается описанием процесса рецепции канонических представлений об иконе на Руси в XII–XVI вв., в результате исследования этого сложного процесса автор приходит к выводу: «...в Древней Руси по крайней мере с XV в. достаточно хорошо знали канонические представления по поводу сакрального образа и умели применять их к конкретной иконописной практике. Эти постановления представляют собой неизменяемый базис учения Православной Церкви о священных изображениях, сохранивший силу в XVIII–XIX вв., так и в наши дни» (с. 20).

Вторая глава «Каноническое учение об образе и русское иконописание второй половины XVII века» исследует период активного реформирования всех сторон жизни русского общества. Это время вошло в историю не только как период церковного раскола, но и как эпоха перемен. В художественную жизнь пришли новые технологии, новые органические и полуорганические красители на лаковой основе, что заметно обогатило колорит и приёмы живописи при сохранении традиционной средневековой системы письма.

Западноевропейская гравюра расширила иконографический репертуар русского иконописца, при царском дворе начали работать иностранные художники, выполнявшие интерьерные работы и писавшие

портреты царственных особ и их приближённых; через них русские мастера познакомились с масляной техникой живописи. Широкое распространение получили европейские и русские печатные листы с религиозными сюжетами. Столь активные изменения всех сторон жизни русского общества не могли не сказаться на стилистическом развитии церковного искусства. Наиболее заметным явлением в русской иконе считается появление «живоподобия» — набора приёмов, которыми в рамках традиционной техники иконописи стало возможным выявить пластику формы более объёмно. Ирина Леонидовна описывает появление живоподобия в контексте изменения мировоззренческого строя мышления русского человека. При этом она подчёркивает, что причина стилистических новаций кроется «в стремлении художников максимально соблюсти догматико-канонические требования, предъявляемые к священному образу. Икона изначально манифестировалась как точный — зеркальный — портрет, поэтому изменение критериев сходства в портретной живописи незамедлительно отразилось на облике иконы» (с. 31).

В третьей главе практика иконописания первой половины XVIII в. сопоставлена с указами Сената и Синода, содержащими перечень конкретных мер по улучшению качества произведений. Документы, в частности, предписывали провести перепись иконописцев и их ранжирование, запрещали писать образы неискусным мастерам и женщинам, а также иметь в храме разрушенные иконы (т.е. заботиться о сохранности святых образов). Некоторые сюжеты были признаны выдуманными или противоречащими учению Церкви. Автор подробно анализирует тексты положений и публикаций, касающихся вопросов церковного искусства, приходит к выводу, что все они опирались на канонические установления. И.Л.Бусева-Давыдова сопоставляет тексты документов, что позволяет мак-

симально полно представить не только сами произведения, но и ту историческую среду, в которой они появились.

В это время в новой столице, Петербурге, появляются созданные русскими мастерами живописные иконы и храмовые ансамбли, выполненные с использованием художественных приёмов западноевропейской живописи. Провинциальная иконопись в этот период остаётся в рамках традиционной культуры, новшества локализованы в столичных храмах. Одновременно формируются наиболее известные старообрядческие художественные центры, в которых русская икона развивается в рамках традиционной стилистики. Конфессиональное и социальное расслоение русского общества привело к формированию разных стилевых направлений церковного искусства, каждое из которых воспринималось в своей среде истинным и не противоречило каноническим представлениям о сакральном образе.

Следующая, четвёртая глава охватывает период царствования Екатерины II, Павла I и Александра I. Открытие Академии художеств в 1762 г. и возможность для иконописцев посещать академические классы в качестве вольноприходящих слушателей позволили мастерам значительно обогатить свои навыки приёмами новой художественной системы и в дальнейшем использовать их в работе. Выпускники и слушатели Академии участвовали в украшении храмовых интерьеров в столице и провинции, часто совмещали исполнение церковных и светских заказов. Практика Академии распространилась в провинцию, где появились училища, классы и школы, обусловившие приток профессиональных художников в церковное искусство. Расширился диапазон русской иконописи: точные и творческие копии западноевропейских образцов, вариации и списки почитаемых чудотворных образов.

Ослабление преследования старообрядцев способствовало расцвету иконо-

писных центров традиционного стилистического направления. «Многоукладность» русского общества этого периода, по мнению автора, определила «стабильное своеобразие» русской иконы, предназначенной для разных конфессий и социальных слоёв, при этом старообрядцы в теории и иконографии опирались на постановления Стоглавого собора и сложившиеся в Средневековье традиции, а художники официальной Церкви руководствовались актами Большого Московского собора (1666/67) и синодальными указами, работали в русле современной им художественной культуры барокко и классицизма.

Содержание пятой главы «Церковная живопись 1830–1870-х гг. и полемика об иконописании» строится вокруг общественной дискуссии о том, какие именно художественные формы отражают духовное содержание сакрального образа. Традиционная икона, с одной стороны, не соответствовала эстетическим представлениям значительной части населения, а с другой стороны, ассоциировалась со старообрядчеством, т.е. в сознании человека противостояла официальной Церкви. В недрах этой полемики рождались новые стилистические течения, наметилось встречное движение традиционного и «академического» направлений церковного искусства. Если в предыдущие периоды собирательством древностей занимались, в основном, старообрядцы, то во второй трети XIX в. берут начало государственные и церковные проекты по собиранию, описанию и реставрации византийских и древнерусских памятников; появляются первые музейные коллекции церковного искусства, служившие образовательным целям. Отмена крепостного права способствовала развитию отдельного направления церковного искусства — икон для народа. Народные иконы, по мнению Ирины Леонидовны, были и раньше, но после реформы сформировалось отдельное стилистическое направление с собствен-

ной эстетикой и художественными особенностями.

Частью повседневной культуры становится паломничество; для нужд богомольцев в большом количестве создавались так называемые расхожие иконы, выполненные в скорописной манере. Основными центрами их производства явились сёла Владимирской губернии, в которых иконописцы писали иконы разных ценовых категорий, иногда по стилю они были близки народным иконам. Особое внимание в этой главе уделено иконным окладам, их стилистическим особенностям и вопросам технологии, а также иконам, выполненным в разных техниках: литьё, резьба по дереву, кости, камню, финифть, мозаика и др.

В конце XIX – начале XX в. церковное искусство приобрело общественную значимость, во многом определив вектор развития культуры, основные вехи этого процесса описаны в шестой главе. Для Церкви трудились лучшие художники, их произведения вызывали бóльший резонанс, чем шедевры светского искусства. Строительство храмов способствовало появлению и развитию монастырских иконописных мастерских. В XIX в. материальный статус старообрядцев значительно изменился, многие представители торгово-промышленной элиты стали меценатами, чем заслужили признание императорского двора и способствовали изменению общественного отношения к старообрядческой иконе. Со временем в Москву перебрались лучшие мастера иконописцы-старообрядцы, а созданный ими стиль стал ведущим направлением иконописания.

Заметное влияние на церковное искусство оказала реставрационная деятельность. Раскрытие авторского слоя от потемневшей олифы и записей показало истинный облик древних икон, появились иконы-стилизации. Переломным шагом стал Указ от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости», изменивший общественное отношение к ста-

рообрядцам. На конкретных примерах И.Л.Бусева-Давыдова показала историю формирования неорусского стиля. Влияние нового направления было настолько сильным, что его отклики прослеживаются в творчестве даже самых консервативных иконописцев. Новой разновидностью иконы стали печатные на жести и бумаге образы, их невысокая стоимость и большие тиражи обеспечили им популярность среди небогатого населения.

Автор неоднократно подчёркивает особенности религиозной среды в разные эпохи, опровергает сложившиеся представления о Средневековье как о недостижимом идеале русской духовной культуры: «...до сих пор набожность Нового времени зачастую расценивается как ущербная по сравнению со средневековым идеалом. По этому поводу хотелось бы высказать мысль про иллюзорность представлений о существовании такого идеала. Если обратиться даже к рублёвской эпохе, которую считают порой наивысшего расцвета русской духовности, объективно необходимо признать, что духовность была уделом лишь немногих. Подавляющее большинство населения было неграмотно – в том числе и значительная часть священников, которые выучивали службы наизусть, со слуха (с этой практикой Синод боролся даже в конце XVIII в.)... Исследования “народной религиозности” эпохи Средневековья позволяют заключить, что религиозные представления простого человека Древней Руси были конгломератом отдельных положений христианства, заимствованных из церковной службы, и пережитков язычества» (с. 8).

Представленная работа – пример современного концептуального и междисциплинарного исследования, синтезирующего достижения искусствоведения, истории, философии, культурологии и религиоведения. В рецензируемой монографии автор предлагает посмотреть на развитие иконописи как на составную часть целостного движения русской духовной

культуры на протяжении трёх столетий. Появлению монографии предшествовала большая работа по выявлению, систематизации и анализу документальных материалов, а каждое описанное в книге художественное явление — результат практического экспертного исследования на конкретных памятниках, что обуславливает достоверность выводов. Многие иллюстрации публикуются впервые. Таким образом, автору удалось аккумулировать сведения о столь разнообразных художественных течениях и процессах из разных областей гуманитарных наук, чётко определить объект и предмет исследования, провести системный анализ и синтез материала, изучить и изложить материал наиболее полно, с разных точек зрения.

Книга написана живым и увлекательным языком, её интересно читать. Слож-

ные церковные законодательные акты с длинным перечнем постановлений, искусствоведческие описания предметов, особенности стиля произведений — всё это есть в представленной монографии, но есть и другое — яркие личности, чья деятельность и жизненная позиция неизменно сопровождают перемены в жизни общества.

Монография И.Л.Бусевой-Давыдовой является новаторской как по широте поставленной проблемы, так и по охвату материала, её актуальность настолько очевидна, что, по нашему мнению, желательно использовать её в качестве учебного пособия для факультетов искусствоведения и реставрации, а также в образовательных программах духовных учебных заведениях, семинариях и академиях.

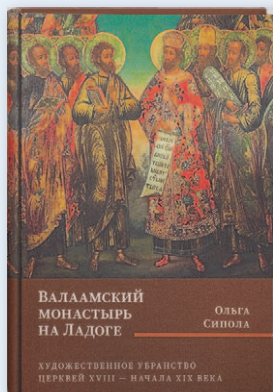
ENGLISH

Buseva-Davydova, I.L., Russian Icon Art from Armory of Kremlin to Art Nouveau: in search of a sacral image. Moscow: BooksMArt, 2019. — 476 p.: illustrated

Zhanna Grigorievna Belik — Candidate of Science (Art History), Head of the Department of Expert Appraisal and Art Expert Reports of the Central Andrey Rublev Museum of Ancient Russian Culture and Art. E-mail: zhanna_belik@mail.ru

Keywords: Russian Icon, Icon Art, sacral image, Armory of Kremlin, Art Nouveau, monumental art, church art, ancient Russian art, iconography, icon painter

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-100-03-171-175

**Я.Э. ЗЕЛЕНИНА***

Сипола О.Б. Валаамский монастырь на Ладогe: художественное убранство церквей XVIII – начала XIX века. М.: Индрик, 2019. — 664 с.: ил. **

Ключевые слова: икона, иконостас, Валаамский монастырь, художественное убранство церкви

Монография подготовлена на основе диссертационного исследования, осуществлённого автором в Университете г. Йювяскюля в Финляндии. Книга посвящена наиболее ранним иконописным ансамблям Валаамского монастыря, созданным после его возобновления в начале XVIII в. Отдельные произведения, входившие в состав этих комплексов, остаются разрозненными по церковным собраниям Финляндии и оттого труднодоступными для российских учёных. Только небольшая группа икон находится на своём историческом месте в России. Однако из-за вывоза валаамских ценностей в 1940 г. в результате советско-финляндской Зимней войны наследие Валаамского монастыря дошло до нас в значительной сохранности [1], и художественное убранство его храмов, состав ризницы и музея-древлехранилища,

сложившиеся к началу XX в., могут быть реконструированы.

В книге впервые опубликованы и сведены воедино дошедшие до наших дней иконы Валаама XVIII в., которые долгое время недооценивались финскими и российскими специалистами (сосредоточившими внимание на иконописи более позднего времени [2–4]) и в большинстве своём остались не отреставрированными. Это осложнило работу О.Б. Сиполы, которая опиралась не только на визуальное обследование икон, но и на сохранившийся в достаточной полноте архив Валаамского монастыря (Valamon luostarin arkisto). На основе практически исчерпывающего изучения корпуса архивных и печатных источников воссоздаётся художественное убранство деревянных храмов Валаамского монастыря, возведённых вскоре после его возобновления, и ка-

* **Зеленина Яна Эрнестовна** — кандидат искусствоведения, старший научный редактор редакции церковного искусства и археологии Церковно-научного центра «Православная энциклопедия», доцент Академии акварели и изящных искусств Сергея Андрияки.
E-mail: yanazel@mail.ru

**Проект 18-112-00298д.

менных церквей конца XVIII – начала XIX в. – времени игуменства Назария (Кондратьева). Благодаря проведённому исследованию всесторонняя искусствоведческая характеристика этого малоизученного периода в архитектурно-художественном наследии Валаама становится достоянием российской и мировой науки.

Работа, осуществлённая О.Б.Сиполой, стала возможна только в последние годы, когда изучение поздней русской иконописи в целом и её региональных центров вышло на совершенно иной качественный уровень. Было опубликовано множество произведений XVIII – начала XX в. из музейных, церковных и частных собраний, которые нуждаются в обобщающем осмыслении, анализе основных тенденций стилового развития иконописи, соотношения искусства столицы и провинции, взаимодействия творчества местных и приезжих мастеров, влияния на иконопись духовных ориентиров общества, соединения консервативных традиций с иконографическими новшествами. Все эти вопросы так или иначе затрагиваются в монографии, которая, несмотря на кажущуюся простоту структурного построения и вполне конкретный материал, поднимает важные, далеко ещё не решённые проблемы.

Так, едва ли не впервые Валаамский монастырь выступает как значимый центр художественной культуры Приладожья на рубеже XVIII и XIX в., который постепенно начинает вовлекаться в сферу влияния северной русской столицы. На конкретных примерах показано, что валаамское иконописное наследие раннего периода было неоднородным: местные, карельские художественные особенности, характерные для украшения деревянных храмов и часовен Валаама и, опосредованно, Олонца, последовательно сменялись столичными веяниями и, по сути, «ретроспективным» направлением таких ведущих иконописных центров Поволжья, как Тверь и Ярославль.

Проблема самоопределения Валаама в контексте ладожской и петербургской культуры не является в работе структурообразующей: главное внимание автора сосредоточено на задачах реконструкции и атрибуции раннего иконописного наследия Валаамского монастыря, которое помещено в контекст развития всей русской иконописи позднего периода и особенно карельского и поволжского регионов, что определяется документальными сведениями. Это наследие представлено во всём многообразии и богатстве культурных взаимосвязей, очевидно присутствующих в изучаемую эпоху и другим ведущим монастырям России.

Особенностью книги является чёткая, состоящая из множества глав, разделов и подразделов структура, позволяющая воссоздать относительно целостную картину оформления храмов обители на протяжении XVIII – начала XIX в. Во введении содержится объёмный историографический обзор исследований валаамского искусства в российской, финской и европейской науке. Рассказано о местонахождении и особенностях валаамских икон как объекте изучения, о выявленных письменных источниках, среди которых важнейшее место занимают монастырские описи, составившиеся с 1735 г. вплоть до инвентаризации эвакуированного имущества в 1942 г.

В первой главе рассматриваются исторические условия художественных работ на Валааме в XVIII в.: преобразования в Приладожье после основания Санкт-Петербурга, церковная реформа Петра I, история возобновления монашеской жизни на Валаамском острове, который поначалу приписали к Кирилло-Белозерскому монастырю, и его последующего развития до и после секуляризации 1764 г. В последние десятилетия XVIII в. благодаря деятельности митрополита Гавриила (Петрова) и назначенного строителем Назария (Кондратьева) обитель духовно возродилась и была отстроена в камне.

Вторая глава, посвящённая архитектурному и художественному облику «деревянного» Валаамского монастыря в первой половине – третьей четверти XVIII в., объединяет разрозненные сведения о храмах и единичных иконах, упомянутых в первых описях и заметках путешественников. Исследователь предположительно связывает с этим временем и небольшую группу сохранившихся произведений 1750–1760-х гг. Икона «Святая Троица» 1717 г. письма известного мастера Лаврентия Туфанова [5, с. 663–664] относится к памятникам, привезённым на Валаам из Кирилло-Белозерского монастыря. В целом в этот период убранство обители соотносится с местными карельскими (в частности, олонецкими) традициями, с искусством крупных северных монастырей, с темами новгородских и тихвинских иконописцев, включая даже некоторые аналогии в творчестве старообрядцев Выговской пустыни.

Наиболее значительные комплексы памятников анализируются в третьей и четвёртой главах издания, охватывающих период каменного строительства обители, – это убранство Успенской церкви 1785–1787 гг. и Преображенского собора 1786–1802 гг. В большей или меньшей степени уцелели и иконостасы этих храмов, и пристенные и пристолпные иконы, и один иконостас на паперти – малоизученная часть оформления церковных интерьеров.

В книге подробно разбираются не только особенности каждой иконы (местоположение в церкви, иконография, образное и художественное решение, технологические признаки), но и весь состав и хорошо продуманная программа иконописного ансамбля, дополненные материалами описей.

Изучая круг сюжетов, автор делает выводы о почитании на Валааме основателей обители, а также карельских, петербургских, недавно прославленных святых, о бытовании на острове списков чудотворных икон и традиции изобра-

жения тезоименитых святых, предлагает обзор собственно валаамских иконографических изводов, связанных с религиозно-просветительскими замыслами устроителей обители – митрополита Гавриила (Петрова) и преподобного Назария Валаамского.

Одним из главных результатов работы стало выявление художественных истоков и предполагаемых создателей валаамских икон, основанное на обнаруженных документальных сведениях и на сравнительном иконографическом и стилистическом анализе памятников. Несколько имен иконописцев приводится в синодике Валаамского монастыря. Неожиданный вывод о привлечении к работам на Валааме ярославских (артель Крашенинниковых – в Успенской церкви) и тверских (Самсон Фёдорович Пешехонов и Василий Филатович Скопин – в Преображенском соборе) мастеров не бесспорен, но, помимо упоминаний имён в документах, он подтверждается стилем исполнения произведений. Изученные материалы, получив более точные датировки, разделение на почерки и авторскую принадлежность, вводятся в общую картину развития церковного искусства XVIII – начала XIX в., становясь своего рода эталонами для атрибуции произведений, утративших своё происхождение. В тексте много интересных наблюдений и находок, убедительных интерпретаций и редких аналогий.

В качестве приложения в книге помещён каталог выявленных валаамских икон, большинство из которых хранится в церковных музейных фондах и действующих храмах Финляндии и в российских изданиях публикуется впервые. Поскольку каждое из произведений сопровождается научным описанием и иллюстрацией (даже при плохой сохранности авторской живописи), каталог сам по себе представляет большую ценность для специалистов.

При этом дополнительные, зачастую малоизвестные изобразительные мате-

риалы, иконографические и стилистические аналогии опубликованы в тексте книги. Профессиональная каталогизация коллекции валаамской иконописи XVIII в. – начала XIX в., восстанавливая целостность художественных комплексов, несомненно, поднимает её научный статус и культурную ценность. Последующая реставрация икон, возможно, внесёт коррективы в некоторые гипотезы автора.

Данное многогранное исследование реконструкцию художественного убранства храмов Валаамской обители в определённый период её истории следует признать образцовой – подобных обоб-

щающих работ по убранству других ведущих монастырей России пока не существует. О.Б. Сипола проделала огромную, кропотливую работу по выявлению икон на территории Финляндии, их атрибуции и сопоставлению с сохранившимися документами, критическому анализу и обобщению всех имеющихся в науке сведений. Исключительная сохранность этого комплекса позволяет рассматривать его как своеобразную «модель» историко-культурного и художественного решения убранства монастырских храмов в XVIII в. – эпоху сложную и неоднозначную в развитии церковного искусства Нового времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Valamon luostarin Aarteet / Toim.: Arkkimandriitta Sergei. Valamon luostari, 2011; Treasures of Valamo Monastery / Edited by Archimandrite Sergei. Helsinki, 2012; Сокровища Валаамского монастыря / Ред. архимандрит Сергей (Раяполви). Хельсинки, 2013.
2. Valamo – Pietari: Hengellisiä, aineellisia ja kulttuuriyhdeyksiä Laatokan Valamon ja Pietarin välillä 1716–1917 / Toim.: Arkkimandriitta Arseni. Valamon luostari, 2003.
3. Большакова С.Е. Иконы и настенные росписи Валаамского монастыря XVIII – начала XX века: Диссертация... канд. искусствоведения. СПб., 2002.
4. Белик Ж.Г. Иконописное наследие мастерской Пешехоновых. М., 2011.
5. Словарь русских иконописцев XI–XVII веков / Ред.-сост. И.А. Кочетков. М., 2009.

ENGLISH

**Sipola, O.B., Valaam Monastery on Lake Ladoga:
art decoration of churches between the 18th and early 19th centuries.
Moscow: Indrik, 2019. — 664 p.: illustrated**

Yana Ernestovna Zelenina – Candidate of Science (Art History), Senior Science Editor of Editorial Board for Ecclesial Art and Archeology of Ecclesial and Scientific Center “Pravoslavnyaya entsiklopediya” (Orthodox Encyclopedia), Associate Professor at the Academy of Watercolor and Fine Arts of Sergey Andriaka. E-mail: yanazel@mail.ru

Keywords: icon, iconostasis, Valaam Monastery, church art decoration

REFERENCES

1. Valamon luostarin Aarteet / Toim.: Arkkimandriitta Sergei. Valamon luostari, 2011; Treasures of Valamo Monastery / Edited by Archimandrite Sergei. Helsinki, 2012; Sokrovishcha Valaamskogo monastyrya / Red. arkhimandrit Sergiy (Rayapolvi). Khel'sinki, 2013.
2. Valamo – Pietari: Hengellisiä, aineellisia ja kulttuuriyhteyksiä Laatokan Valamon ja Pietarin välillä 1716–1917 / Toim.: Arkkimandriitta Arseni. Valamon luostari, 2003.
3. Bol'shakova S.E. Ikony i nastennye rospisi Valaamskogo monastyrya XVIII – nachala XX veka: Dissertatsiya... kand. iskusstvovedeniya. SPb., 2002 (in Russian).
4. Belik Zh.G. Ikonopisnoe nasledie masterskoy Peshekhonovykh. M., 2011 (in Russian).
5. Slovar' russkikh ikonopistsev XI–XVII vekov / Red.-sost. I.A. Kochetkov. M., 2009 (in Russian).

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

2020, № 3 (100)

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32а

Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)

E-mail: rovir@rfh.ru

<http://www.rfbr.ru>

Подписано в печать 02.11.2020. Формат 60×90^{1/8}.
Усл. печ. л. 22. Печать офсетная. Бумага мелованная.
Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Вива-Стар».
107023, г. Москва, ул. Электrozаводская, д. 20, стр. 3